

О.В. Хаванова

Нация, отечество, патриотизм

в венгерской
политической
культуре:
движение
1790 года

Москва
2000

Российская Академия наук
Институт славяноведения

О.В. Хаванова

**Нация, отечество, патриотизм
в венгерской политической культуре:
движение 1790 года**

Москва, 2000

В книге на материале венгерской политической культуры конца XVIII в. рассматривается патриотизм как ранняя форма национальной идеологии и национального самосознания. В центре исследования – движение оппозиции просвещенному абсолютизму 1790 г., в котором впервые отчетливо прозвучали по сути национальные лозунги. В числе проблем, нашедших отражение в книге, нациообразующая роль средневековых государственно-правовых представлений господствующего класса, феномен экономической деятельности как формы демонстрации патриотических убеждений, роль языка, истории, национального костюма в модернизации общественных отношений и массового сознания, соотношение конфессиональной и национальной принадлежности в патриотической идеологии.

Ответственный редактор –
доктор исторических наук Т.М. Исламов

Рецензенты:
доктор исторических наук О.И. Величко
доктор исторических наук В.И. Фрейдзон

ISBN 5-7576-0110-8

© Институт славяноведения РАН, 2000

От автора

Работа над этой книгой началась в 1992 г. и ее появление было бы невозможно без участия многих людей, которым адресованы слова моей искренней благодарности.

Я благодарна моему научному руководителю и ответственному редактору книги доктору исторических наук Тофику Муслимовичу Исламову за то, что он привлек мое внимание к истории Венгрии XVIII в., предложив в качестве темы кандидатской диссертации проблему венгерской политической культуры эпохи Просвещения. Мое становление как ученого проходило под влиянием его широкой эрудиции, комплексного видения проблемы и умения формулировать неординарные исследовательские задачи. Я также признательна моим коллегам из отдела Новой истории центральной Европы, всем сотрудникам Института славяноведения РАН за их интерес к моей книге, советы и рекомендации, доброжелательность и поддержку.

Я адресую свою сердечную благодарность моему венгерскому консультанту и наставнику профессору Эве Балаж, чьи советы, рекомендации и справедливая критика поддерживали и направляли меня во время исследовательской работы в Венгрии, помогли мне дополнить новым интересным материалом эту работу, скорректировать мои взгляды на многие социально-политические и культурные явления и процессы венгерской истории. Именно ей я обязана тем, что смогла найти новые перспективные направления для дальнейшего научного поиска.

Я благодарна ныне покойному академику Петеру Ханаку, первому декану исторического факультета Центрально-Европейского Университета (Будапешт), который во многом сформировал мои представления о взаимовлияниях и взаимозависимости политического и культурного развития народов Габсбургской монархии. За год, проведенный в Центрально-Европейском Университете, мною была написана магистерская диссертация о движении 1790 года – первая попытка приблизиться к пониманию ранней стадии национально-образовательных процессов в Центральной Европе.

Я благодарю профессора Роберта Эванса, моего научного руководителя во время стажировки в Оксфордском университете, за то что он расширил мои представления о центральноевропейском регионе, обогатил их знанием английской истории XVIII в., вдохновил продолжать занятия историей монархии Габсбургов.

Я признательна Институту Европы в Будапеште, и прежде всего профессору Аттиле Поку, за полугодовую стажировку в Институте в 1992 г. Именно тогда мною был собран материал, который лег в основу этой книги, продумана ее структура и определены исследовательские задачи. В дальнейшем плодотворное сотрудничество с Институтом Европы и Институтом истории Венгерской Академии наук позволило расширить проблематику и источниковую базу монографии.

Наконец, самое главное: я выражаю глубочайшую благодарность и самую искреннюю признательность моим родителям – Елене Ильиничне и Владимиру Александровичу Хавановым. Их вера в меня, их моральная поддержка и деятельное участие помогли мне начать и дали силы закончить этот труд.

Понятия «нация», «отечество», «патриотизм» вынесены в заглавие книги не случайно. В политическом лексиконе Европы второй половины XVIII в. слово «патриотизм» стало одним из наиболее часто употребляемых. К патриотизму постоянно апеллировали авторы политических сочинений, патриотами охотно именовали себя

члены партий и группировок, эмоциональную привлекательность этого чувства использовали многочисленные патриотические общества, члены которых ставили задачу поощрения национальной экономики и торговли, развития родного языка и литературы, популяризации отечественной истории. Складывание национального самосознания и зарождение чувства гражданской ответственности у многих европейских народов началось именно в рамках патриотической идеологии¹.

В предлагаемой вниманию читателя книге рассматривается роль патриотической идеологии в процессе формирования венгерского национального самосознания и консолидации национального сообщества на примере венгерской политической культуры конца XVIII в. Данный период в истории Венгрии выбран прежде всего потому, что тогда общественное устройство, идеология, система ценностей носили еще ярко выраженный сословно-феодальный характер, но уже стали приобретать все более отчетливые буржуазные черты. Ускорение шедшим подспудно процессам кристаллизации национального самосознания, вызревания национальной идеологии, формирования гражданского общества, несомненно, придали реформы просвещенного абсолютизма. Первые качественные изменения в венгерском обществе, свидетельствовавшие о складывании нации буржуазной эпохи, связаны с начертанным на своих знаменах патриотические лозунги движением сопротивления реформам, зародившимся на рубеже 80–90-х годов XVIII в.

Во второй половине XVIII в. австрийский просвещенный абсолютизм поставил цель преодолеть относительное отставание монархии Габсбургов от передовых европейских держав в области экономики, общественных отношений, культуры и образования. Консолидация владений Габсбургского дома началась с объединения в 1749 г. администрации и финансов Австрийских и Чешских земель – так называемых Наследственных провинций, ставших ядром будущего централизованного государства. Венгрии некоторое время удавалось сохранять свою относительную обособленность, радикальное усиление роли австрийского государства неизбежно вело к дисбалансу шаткого равновесия, сложившегося к середине XVIII в. между центральной властью и венгерским сословным представительством. Этот конфликт, о причинах, движущих силах и отличительных особенностях которого будет подробно рассказано далее в книге, достиг своего пика в последние годы правления императора Иосифа II (1780–1790 гг.).

Сторонник идей Просвещения, Иосиф, едва ли не первым в Европе, вознамерился покончить с такими «пережитками феодализма», как крепостное право, сословные привилегии и сословное неполноправие. Его реформы были не столько продуманной системой мер, сколько отчаянной попыткой разом искоренить все пороки современного ему общества. Он централизовал государственный аппарат, стремясь сосредоточить максимум полномочий на вершине пирамиды власти. В качестве действенного инструмента централизации император хотел использовать единый государственный язык – немецкий. Вынужденный воевать с Османской Портой и готовиться к отпору возможной агрессии со стороны Пруссии, он реформировал австрийскую армию по прусскому образцу. Будучи последователем учения физиократов, отменил личную зависимость крестьянства и планировал ввести всесословный и равный принцип налогообложения. Поклонник вольтеровского антиклерикализма, Иосиф поставил католическую церковь на службу государству, существенно ослабил цензуру и прекратил преследования за веру протестантов и православных. Он стремился сломать сословные барьеры в судопроизводстве, в сфере ремесла и торговли, в системе образования. Реформаторская политика Иосифа II получила обобщающее название «йозефинизм» (некоторые историки предпочитают термин «йозефизм»). Первоначально этот термин относился лишь к его религиозной политике, но впоследствии так стали именовать весь комплекс реформ в духе просвещенного абсолютизма, одним из наиболее ярких представителей которого был Иосиф II.

Прогрессивные реформы и передовые взгляды императора снискали ему немало сторонников во всех частях империи, в том числе в Венгрии. Однако Иосиф не сумел примирить идею «общего блага» с требованием расширения прерогатив монарха и укрепления династического принципа правления. В

Венгрии, где господствующий класс привык последовательно отстаивать перед лицом монарха свою коллективную волю, необходимые и разумные реформы, так или иначе ограничивавшие (ущемлявшие) права политической нации, воспринимались обществом как откровенная германизация. Нежелание Иосифа считаться с особенностями политической системы Венгрии (отказ короноваться венгерской короной) и той важной ролью, которую дворянство традиционно играло в жизни страны (фактическое упразднение исторически сложившейся административно-правовой системы, планы введения всеобщего налогообложения), лишь усиливало отчуждение между императором и страной.

Несомненно, реформы просвещенного абсолютизма способствовали модернизации государственного и общественного строя Венгрии, подорвали старые сословно-феодалные институты, расширили интеллектуальные горизонты политически активной части общества. В то же время коренные преобразования общественного устройства, проводимые иноземной династией нередко без учета государственно-правовых традиций и складывавшихся веками институтов, породили разнообразные формы протеста, вызвали решительное противодействие под сословно понимаемыми, но уже содержащими зерно будущей национальной идеологии лозунгами защиты нации и отечества. Концентрированное выражение эти процессы нашли в движении дворянского сопротивления 1790 г. Рост недовольства реформами просвещенного абсолютизма проходил на фоне экономического кризиса второй половины 80-х годов, победоносного восстания против австрийского владычества в Бельгии (1788 г.), революции во Франции (1789 г.), неудачной войны с турками (1787–1790 гг.). Угрозы прекратить мобилизацию рекрутов и поставки продовольствия армии вынудили смертельно больного императора в начале 1790 г. отменить большинство своих реформ относительно Венгрии и вернуться к прежней форме правления.

Движение 1790 г. уходит корнями в XVII в. и демонстрирует преемственность с освободительными походами и войнами за независимость трансильванских князей. Однако размах, широта социальной базы и лозунги защиты родины, свободы и конституции, сформулированные отчасти под воздействием идей Просвещения и Великой французской революции, роднят его с таким мощным буржуазно-национальным движением, как революция 1848 г. Ведущей силой в движении 1790 г. выступал венгерский господствующий класс, сумевший собрать под свои знамена политически активную часть общества как дворянского, так и недворянского происхождения и выдвинуть лозунги, привлекательные, до известной степени, для невенгерских народностей королевства.

Для понимания социальной природы и идеологического оформления движения 1790 г. необходимо учитывать особенности социальной структуры и политической организации венгерского господствующего класса. Во-первых, он изначально был полиэтничным и включал в себя дворянство не только венгерского, но и немецкого, хорватского, словацкого, сербского, влашского происхождения. Это была общность, члены которой постепенно консолидировались сознанием принадлежности к *natio Hungarica* – политической нации королевства Венгрия. Дворян объединяла вера в то, что все они ведут происхождение от свободных предков, все они подданные венгерского короля и свои права и привилегии получили за несение воинской службы, как они сами утверждали – оплатили кровью. Степень ассимиляции различных этносов не была одинаковой. Знать словацкого происхождения была практически мадьяризирована. Хорватское дворянство, напротив, сохраняло свое этнокультурное своеобразие, поскольку обладало элементами государственно-правовой автономии. Тем не менее, несмотря на этническую разнородность и различия в уровне национального самосознания, вплоть до начала XIX в. представители господствующего класса немадьярского происхождения успешно сосуществовали в рамках феодальной концепции политической нации, и именовали себя *Hungari* (т. е. жители королевства Венгрия), – понятием не столько этническим, сколько политическим.

Венгерское дворянство никогда не было социально однородным. Более того, с веками разница между экономическим благосостоянием и общественным положением различных групп внутри господствующего класса лишь углублялась. С одной стороны, росли доходы и политическое могущество верхней прослойки – сословия магнатов. С другой стороны, беднейшая часть венгерского дворянства – однодворцы куриалисты и безземельные дворяне армалисты – по своему образу жизни все меньше отличались от крестьян и ремесленников. Однако с формально-юридической точки зрения, и это вторая особенность венгерского господствующего класса, все дворяне были равны в том смысле, что обладали одними и теми же привилегиями, зафиксированными в частной кодификации венгерского феодального права начала XVI в. «Трипартитуме» Иштвана Вербёци. В глазах дворянства их привилегированный статус символизировал полноту прав и одновременно равноправие членов господствующего класса. Сознание того, что все они, от герцога до безземельного дворянина, принадлежат к *natio Hungarica* и составляют *una et eadem nobilitas* (единое и равное дворянство) способствовало консолидации господствующего класса в общность, противостоящую как королевской власти, так и непривилегированным сословиям.

Доля дворянства была сравнительно высока и составляла в конце XVIII столетия в среднем по стране 4,5–5% населения. В районах бывшего турец-

кого владычества она снизилась до 1%, в то время как в не подвергшихся османскому завоеванию северо-западных областях доходила до 16%. В позднее средневековье центральная власть поддерживала мелкое и среднее дворянство как своего естественного союзника в борьбе с сепаратистски настроенными магнатами. В годы антитурецких войн массовые возведения в дворянское достоинство стали средством привлечения в армию новых сил, поддержания боеспособности венгерского войска. Благодаря своему большому удельному весу и особенностям государственно-правовой системы королевства дворяне смогли сконцентрировать в своих руках реальную власть. Без согласия Государственного собрания, состоявшего практически из одних привилегированных сословий, не мог войти в силу ни один закон, исполнение же почти всех государственных решений возлагалось на комитатские (окружные) дворянские собрания. Создав эффективную систему центрального и местного управления, дворянство фактически монополизировало законодательную и судебную власть, а исполнительную поставило под свой контроль.

В венгерской, как и в европейской, политической культуре употребление античного понятия «отечество» имело давние традиции. В средневековой Европе этим термином обозначали место рождения, родной край, «малую родину», и он начал обретать прежний политический смысл лишь в XIII в., в трудах ученых Болонского университета. Обучавшиеся здесь венгерские юристы перенесли этот термин в законодательные акты королевства. В 1270 г. в грамоте короля Бела IV к выражению «защита страны» впервые добавляется «защита отечества». С конца XIII в. все чаще начинают ссылаться на античную максиму «*Pugne pro patria!*» («Сражайся за отечество!»), взятую из сборника античных моральных сентенций, служившего в средневековой Европе учебником латинской грамматики. Через эту и подобные ей максимы античное понятие «отечество» входило в круг представлений венгерского господствующего класса, помогало ему выработать облагороженное высокой целью чувство политической общности. Постепенно происходило слияние категории дворянского государства (*res publica*) и понятия «отечество». Еще в 1401 г. во время восстания против короля Сигизмунда Люксембурга, на годы правления которого пришелся пик феодальной раздробленности, дворяне заявили, что они «действуют ради жителей всей страны, на благо государства и отечества». С середины XV в. выражение «право, обычай, свобода отечества» начало обозначать сословные привилегии венгерского дворянства. Так в круг теоретических представлений господствующего класса прочно вошли понятия «нация» и «отечество». Дворяне стали воплощением страны, более того, самой страной².

Для представителей непривилегированных сословий, если они стремились к политической карьере и хотели активно влиять на судьбы страны, не

было иного пути, кроме как всеми силами добиваться дворянского титула или довольствоваться вторыми ролями при патронах-дворянах. Во второй половине XVIII в. в венгерском обществе все острее ощущалась несовместимость монополии дворянства на национальную идеологию с принципами естественного равенства, провозглашенными европейским Просвещением, а также возрастающей ролью выходцев из непривилегированных сословий в политике и культуре. Для этого периода характерно, во-первых, все более настойчивое требование передовой недворянской интеллигенции признать за всеми жителями королевства право быть включенными в политическую нацию, и во-вторых, все более активное вовлечение недворян в общественно-политическую и культурно-просветительскую деятельность, которая и ими самими, и окружающими воспринималась как служение отечеству, как проявление истинного патриотизма.

Это свидетельствует о том, что в недрах сословно-феодальной нации набирали силу процессы, которые в XIX в. приведут к появлению венгерской нации буржуазной эпохи, и в движении 1790 г. многие из этих процессов впервые обрели «зримые» формы, достигли ступени перехода из количественных в качественные. В то же время в силу исключительного, освященного веками права дворянства на верховную власть в королевстве, национальная идеология продолжала развиваться в рамках дворянской системы ценностей, и недворяне, включавшиеся в патриотическую деятельность, во многом имитировали господствующие в обществе модели и стереотипы, выработанные феодальной политической элитой. Поэтому национальное самосознание формировалось и длительное время развивалось в русле дворянских представлений о государстве, отечестве и нации. Это обстоятельство не могло не сказаться на характере и структуре книги: преимущественное внимание в ней уделено идеологии и практической деятельности представителей именно венгерской политической и культурной элиты, а сходные процессы эволюции идеологии у непривилегированных сословий, являющиеся предметом самостоятельного исследования, затронуты лишь косвенно.

Более пристальное внимание к представлениям о нации, отечестве и патриотизме, существовавшим в политической культуре конца XVIII в., открывает широкие перспективы для дальнейших исследований. Во-первых, патриотическая идея, которая консолидировала участников движения, вобрала в себя складывавшиеся веками правовые, политические, нравственные ценности венгерского господствующего класса о государстве, правовой системе, общественно-политическом устройстве. Во-вторых, на рубеже 80–90-х годов формировались стереотипы патриотического поведения, включавшие в себя патриотическую риторику и внешние символы любви к отечеству, что наглядно демонстрирует генетическую связь протонациональной политической

культуры с венгерским национализмом буржуазной эпохи. В-третьих, патриотическая идея, как она была сформулирована в конце XVIII в., с одной стороны – объединяла политически активную часть общества, способствуя преодолению социальных и этнических границ, но в то же время обнажила опасность зарождавшегося в недрах сословно-феодальной политической культуры этнически окрашенного мадьярского национализма.

Цель автора книги – рассмотреть представления венгерской политической элиты о нации и отечестве как форму национальной идеологии, выяснить, что понималось под патриотизмом в конце XVIII в., была ли это четко сформулированная, общепринятая концепция или обобщающий термин для различных, зачастую не связанных или конфликтующих друг с другом понятий. В книге исследуется роль господствующего класса в выработке идеи верности нации и отечеству и показывается, как сословные представления о нации и отечестве соотносились с зарождавшейся национальной идеологией буржуазной эпохи, способствовали вовлечению в активную политическую и культурно-просветительскую деятельность все новых категорий населения.

* * *

Движение 1790 г. давно и плодотворно изучается в венгерской исторической науке. Одним из первых серьезных исследований, в котором правление Иосифа II и конфликт венгерских сословий с центральной властью получили достаточное освещение и взвешенный комментарий, является «История Венгрии» в восьми томах историка, министра просвещения и культов революционного правительства в 1848 г. Михая Хорвата. Повествуя о годах царствования Иосифа II, он отмечает, что императором двигало искреннее желание осчастливить подвластные народы, но в то же время показывает деспотический характер его правления и осуждает за попытку создать единое германизованное государство ценой ассимиляции Венгрии. Автор не питал иллюзий относительно венгерских сословий и прямо писал, что под свободой они понимали неприкосновенность своих прав и привилегий и исключительное право влиять на государственную политику³. Прогрессивность движения сословной оппозиции Хорват видел в том, что оно положило конец германизаторской деятельности императора.

Историк одним из первых попытался выделить основные группировки и направления в политическом спектре венгерского общества конца 80-х годов XVIII в. Он называл небольшую группу «демократов», исповедовавших идеи Французской революции и боготворивших Иосифа за расшатывание основ феодального аристократического государства. Более многочисленным было умеренное крыло господствующего класса, стремившееся легитимировать

прогрессивные реформы Иосифа II об отмене личной зависимости крестьян, о веротерпимости и др. путем законодательного закрепления основных декретов императора. Третью, самую многочисленную группу составляли мелкие и средние комитатские дворяне, враждебные идеям Просвещения и озбоченные лишь сохранением своей «свободы»⁴.

Одно из первых специальных исследований по истории венгерской общественной мысли конца XVIII в. принадлежит перу Дёзе Кончи. В монографии «Истоки реформаторских идей 90-х годов» он показал, что решающую роль в развитии венгерской общественной мысли во второй половине XVIII в. сыграли реформы просвещенного абсолютизма и распространение философии Просвещения, главным образом через работы официальных идеологов царствования Марии Терезии (1740–1780) – К. Мартини и Й. Зонненфельза⁵. Конча обратился к сложной диалектике взаимосвязи идей западноевропейского Просвещения и национальной идеи. Автор считал, что человек не может обходиться без чувства принадлежности к чему-то всеобъемлющему, надличностному. Ранее интегрирующую функцию выполняла религия. Но философия Просвещения ослабила силу религиозного чувства. На смену ему пришло в чем-то сходное по силе воздействия на умы чувство национальное⁶. Наконец, Конча одним из первых предпринял попытку систематизации и описания политической литературы той эпохи, показал, как идеи, владевшие венгерским обществом, были унаследованы и переосмыслены последующими поколениями.

Исследование Д. Кончи стало во многом отправной точкой для Гезы Баллаги, автора фундаментального труда «Политическая литература в Венгрии до 1825 г.»⁷, в котором дана систематизированная информация о важнейших сочинениях и авторах. Недостатком книги стало нечеткое понимание автором критериев, по которым он оценивал основные тенденции эпохи. Заявив, что руководствуется принципом либерализма «в самом благородном смысле этого слова», Баллаги, по замечанию Д. Кошари, осуждает равно феодализм и клерикализм, революцию и антиклерикализм⁸. В результате памфлеты, авторы которых придерживаются полярно противоположных взглядов, оказались вместе без необходимых комментариев, без характеристики политической ориентации и указания различных направлений общественной мысли.

Определенный интерес представляют труды венгерского литературоведа Яноша Ваца – биографа классика венгерской словесности Ференца Казинци. В основе общественного прогресса, считал ученый, лежит развитие литературы, на которую исторически возложена великая миссия хранить нацию, будить ее дремлющие силы⁹. Всплеск духовности, наступивший в Венгрии во второй половине XVIII в., стал, по мнению автора, частью усиливавшегося

по всей Европе стремления к духовному прогрессу. По мере того как литература пробуждала находящееся в состоянии глубокого сна национальное сознание, нация все активнее вставала на защиту своих прав, независимости, самостоятельности. Политика Иосифа II в Венгрии, согласно Ваца, потерпела крах не столько из-за деспотических методов правления, сколько в результате усилий венгерских литераторов. В противостоянии австрийского императора и венгерского дворянства первый воплощал тиранию и произвол, а дворянство ассоциировалось с торжеством идей социального прогресса. Однако даже принимая во внимание, что всплеск литературной активности оказывал существенное влияние на формирование венгерского национального самосознания, экстраполяция выводов, сделанных на основе анализа развития литературы, на венгерское общество в целом привела автора к неминуемому преувеличению роли, которую играли писатели и философы в конце XVIII в. Концентрация на духовных процессах, поиск объединяющего нацию начала исключительно в сфере духа, получит дальнейшее развитие в межвоенной историографии.

Самым значительным явлением в венгерской историографии рубежа XIX–XX вв. стали труды выдающегося историка-позитивиста Хенрика Марцали. В 1882–1888 гг. вышел в свет его трехтомник «История Венгрии в эпоху Иосифа II»¹⁰. В нем впервые были широко использованы материалы венгерских и австрийских архивов. Том первый содержал описание Венгрии накануне вступления Иосифа на престол – ее экономики, социальных и межнациональных отношений, политических институтов. В нем же освещались годы, когда Иосиф был наследником престола и соправителем матери. Второй и третий том посвящены реформам императора в Венгрии и их результатам, конституционной стороне конфликта венгерских сословий и австрийского просвещенного абсолютизма, основным этапам противостояния и причинам падения йозефинистского режима. В целом, Марцали положительно оценивал деятельность императора и полагал, что намерение Иосифа интегрировать Венгрию в состав Наследственных владений Габсбургского дома имело бы для королевства благотворные последствия. Одновременно историк указал на объективную причину провала курса просвещенных реформ – пренебрежение монарха к государственно-правовым традициям Венгрии.

Другим важным исследованием Марцали стал двухтомник «Государственное собрание 1790/91 годов»¹¹. В нем широко использованы представления комитатов на высочайшее имя, материалы Государственного собрания, отчеты послов* и иные архивные документы. В событиях первых месяцев 1790 г., когда Иосиф II был вынужден отказаться от большинства своих ре-

* Так именовали участников Государственного собрания Венгрии.

форм, а работа Государственного собрания еще не началась, историк искал ключ ко многим явлениям политической и духовной истории Венгрии последующих десятилетий. Радость победы, достигнутой мирным путем, надежды на скорые перемены сделали «развитие идей важнее, чем развитие событий»¹². Лозунги, рожденные в эти дни – свобода, родина, конституция, суверенитет нации, обладая привлекательностью для всех слоев общества, если не на деле, то в стремлении к осуществлению идеала, объединили всю нацию¹³. Внимание автора к моменту, когда средневековые лозунги начали наполняться новым, буржуазным содержанием, является большой заслугой Марцали.

Гордостью дореволюционной русской историографии по праву считаются труды историка П.П. Митрофанова. Его фундаментальное, по сей день не утратившее своей актуальности исследование – «Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги, 1780–1790»¹⁴ – основано на богатом материале, собранном в архивах Вены, Берлина, Парижа. Сразу же после издания книга была переведена на немецкий язык и до сих пор остается настольной книгой любого, кто изучает эпоху Иосифа II. Ученый дал комплексный анализ реформ императора, всесторонне рассмотрел процесс превращения аморфных владений Габсбургского дома в унитарное государство с мощной экономикой, современной армией и прогрессивными принципами общественного устройства. Митрофанов отдавал должное стремлению Иосифа избавиться от пережитков феодализма и установить, путем реформ сверху, справедливый и эффективный порядок в государстве. В то же время он справедливо указал на то, что корни движения 1790 г. в Венгрии следует искать в насильственном сломе государственно-правовой системы королевства, увидел в этом движении защиту национального суверенитета, хотя бы и в форме сословной оппозиции абсолютизму.

После того как неразрешимые межнациональные противоречия привели к распаду так называемой Великой Венгрии в 1918 г., часть венгерских историков увидела причину этой катастрофы в проникновении в страну рационалистической философии Просвещения и раннелиберальных идей. Западноевропейское представление о нации, сформулированное французскими энциклопедистами, направило формировавшиеся национальные движения невенгерских народов королевства по ложному пути совмещения этнических и политических границ, что разрушило средневековую сословную (и, следовательно, надэтничную) «венгерскую нацию». Дюла Секфю – виднейший венгерский представитель историко-философского направления «история духа» – полагал, что рационализм разрушил чарующий мир позднего барокко с его глубокой религиозностью, нравственными идеалами господствующего класса и гармоничным общественно-политическим устройством. «Вера, мо-

раль, духовность эпохи барокко, – с горечью писал историк в многотомной «Венгерской истории», главном труде этой школы, – были объявлены страшной Тумана и Тьмы, из которой сарказм и глумливая вседозволенность, исповедуемые Вольтером и его единомышленниками, должны были вывести счастливых детей „эпохи Просвещения“ и „века философии“ к свободе»¹⁵.

Радикальные выводы и резкие оценки Секфю разделяли не все «историки духа». Так, Шандор Эхкардт и Дюла Корниш считали, что западноевропейское Просвещение расширило интеллектуальные горизонты венгерского общества, которое именно в этот период познакомилось с теорией общественного договора и принципом естественного равенства¹⁶. В этом смысле Просвещение и реформы Марии Терезии и Иосифа II указали венгерской политической элите направление дальнейших преобразований и во многом способствовали формированию современного венгерского национального самосознания. «Космополитическое излучение европейского Просвещения, – писал Корниш, – пришло сверху, из венских придворных кругов, но пройдя сквозь призму национальной души, превратилось в венгерский национальный свет»¹⁷.

Шандор Домановски – один из ярчайших представителей национальной историографии – испытал на себе влияние «истории духа» и формально примыкал к этому направлению, хотя всегда сохранял относительную самостоятельность в методологии и умело сочетал широкие культурологические обобщения (отличительная черта многих «историков духа») со скрупулезным источниковедческим анализом (наследием позитивизма). Один из главных его трудов – многотомное комментированное собрание документов о жизни и деятельности палатина (королевского наместника) эрцгерцога Иосифа Габсбурга. В пространным вступительном исследовании эпоха Просвещения рассматривается Домановски как время коренных изменений в образе мыслей и в стиле жизни. Историк не мог обойти и ключевую проблему эпохи – соотношение национальных и просвещенческих тенденций в политической культуре. Он проанализировал полемику адептов просвещенного абсолютизма с патриотически настроенными представителями господствующего класса о путях реформ венгерского общества и показал роль эрцгерцога Иосифа в установлении конструктивного диалога между венгерской политической элитой и династией Габсбургов¹⁸.

Наследник либеральных традиций венгерской историографии XIX в. Элемер Маюс – разносторонний исследователь и тонкий аналитик, наставник многих известных современных венгерских историков – видел в Иосифе прежде всего выдающегося реформатора, вознамерившегося, едва ли не первым в Европе, заложить основы гражданского общества, уравнять подданных в правах и обложить справедливыми налогами. Свои взгляды на десятилетие йозефинистских реформ Маюс впервые изложил во вступительной статье к

сборнику документов «Бумаги палатина эрцгерцога Александра Леопольда (1790–1795)»¹⁹, а затем в фундаментальном труде «Декрет о веротерпимости. Иосиф II и протестантизм»²⁰.

В реформах Иосифа II Маюс усматривал фактор, способствовавший консолидации венгерского общества как по горизонтали, так и по вертикали. Протестант по вероисповеданию, Маюс высоко ценил религиозную политику Иосифа, который порвал с вековой практикой Габсбургов, возвышавших католичество за счет подавления иных христианских конфессий. Маюс показал, как открытие доступа к государственной службе высокообразованным протестантам, обучавшимся в большинстве своем в лучших университетах Германии, Швейцарии и Англии, разрушило стену, многие годы разделявшую представителей господствующего класса различного вероисповедания. Вертикальная консолидация нашла выражение в том, что при Иосифе II мелких и средних дворян (как католиков, так и протестантов) впервые стали назначать на должности, которые прежде занимали исключительно аристократы-католики. Социальное сближение различных групп господствующего класса было подкреплено в дальнейшем духовной консолидацией нации. Протестанты, возвращаясь из заграничных университетов, кроме знаний везли домой новомодный рационализм, к тому времени прочно завладевший умами дворян-католиков, недовольных образованием, полученным у иезуитов. Итак, новый «просвещенный взгляд» на мир сформировал новую ведущую социальную группу, в которой постепенно сглаживались противоречия между магнатами и дворянами, католиками и протестантами²¹.

Среди современных авторитетных специалистов следует назвать Калмана Бенду. Эву Балаж, Домокоша Кошари. Как специалист по истории Венгрии XVIII в. К. Бенда прежде всего известен своим фундаментальным трудом – трехтомной публикацией документов и материалов «якобинского» заговора 1794 г., – где историк показал взаимосвязь программы реформ просвещенного абсолютизма с политическими требованиями антифеодального лагеря, наиболее радикальная часть которого, не удовлетворившись умеренным реформизмом сословий, приняла участие в заговоре²². Ряд статей Бенды по проблемам политической истории Венгрии рубежа XVIII–XIX вв. был опубликован в сборнике с характерным заголовком «Гуманист или патриот? Исследования по истории эпохи Просвещения в Венгрии»²³, навеянным знаменитым письмом Й. Хайноци к М. Форгачу (см. ниже).

Фундаментальные труды и конкретно-исторические исследования Д. Кошари давно стали классическими. Книга «Культура в Венгрии в XVIII веке» – лучшее на сегодняшний день издание, обобщающее, систематизирующее, анализирующее массив источников по истории науки, религии, образования,

выделяет три направления в венгерском Просвещении. Первое составляли сторонники просвещенного абсолютизма, поддерживавшие центральную власть в ее стремлении покончить с пережитками феодальных отношений. Второе объединяло представителей сословного Просвещения – часть господствующего класса, желавшую проводить реформы самостоятельно, без вмешательства центральной власти. Наконец, к третьему направлению историк отнес немногочисленных антифеодальных реформаторов, которые поочередно искали поддержки то у первой, то у второй группы²⁴. Историк сдержанно оценивает реформистский потенциал венгерского сословного движения и склонен акцентировать относительную социально-экономическую отсталость Венгрии, засилье сословно-феодальных институтов, тормозивших прогрессивные реформы.

Эва Балаж всем своим творчеством доказывает, что Венгрия не была суперфеодальным явлением во все еще феодальной Европе. К числу ее принципиально важных работ относится книга (вышла из печати в 1967 г.) «Гергей Берзевици – политик-реформатор (1763–1795)» – первая часть биографии виднейшего венгерского общественно-политического деятеля и экономиста начала XIX в. Это больше, чем жизнеописание отдельного политика, это широкое, основанное на архивных материалах исследование целой эпохи, показывающее, что в Венгрии второй половины XVIII в. были силы, способные выработать программу реформ и взять на себя ответственность за их осуществление²⁵.

В новой книге Балаж «Венгрия и Габсбурги: эксперимент просвещенного абсолютизма, 1765–1800» важнейший этап во взаимоотношениях королевства и династии представлен как время сложного и многопланового взаимодействия различных политических сил. Представители самых разных социальных групп – от аристократии до служилой интеллигенции – ставили задачу преодоления относительной отсталости Венгрии, исповедовали просвещенные идеалы, но не могли безоговорочно принять программу реформ, выработанную Веней.

Трактовка венгерской политической элиты как реформаторски настроенной и потенциально лояльной важна для понимания сути политических процессов последней трети XVIII в. Разрыв между венгерскими прогрессивными силами и австрийским абсолютизмом произошел лишь во второй половине 80-х годов и был первоначально вызван экономической политикой, превращавшей Венгрию в аграрный придаток австро-чешских Наследственных провинций, фактическим упразднением венгерской государственно-правовой системы, приданием немецкому языку статуса официального. Не следует забывать, что многие из тех, кто в 1790 г. выступал с резкой критикой непро-

думанных и поспешных реформ Иосифа II, имели за плечами годы добросовестной службы в государственном аппарате²⁶.

В современной отечественной историографии традиция изучения проблемы формирования наций и зарождения национального самосознания у народов Центральной Европы на рубеже XVIII–XIX вв. была заложена в конце 60-х – начале 70-х годов нашего столетия. У ее истоков стояли И.С. Миллер, Т.М. Исламов, В.И. Фрейдзон, А.С. Мыльников и другие ученые. Впервые в советской исторической науке в центре внимания историков оказались не отдельные народы, а комплекс социально-экономических, политических, культурных процессов в регионе, народы которого на протяжении четырех веков входили в одно полиэтничное государство – монархию Габсбургов и в силу этого обладали рядом общих черт в своем историческом развитии. Наиболее значительным явлением в данном направлении стал выход в 1980 г. коллективной монографии «Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г.»²⁷.

Авторы с помощью специальной методики реконструировали общую картину процесса нациообразования в Габсбургской монархии без ущерба для национальной специфики каждого народа в отдельности, органически соединили народоведческие конкретные исследования с синтезом социально-экономического, идейно-политического и историко-культурного развития. Именно в этом труде в научный оборот была введена категория *этнического (национального) самосознания*, долгое время отвергавшаяся советской исторической наукой. В монографии нашла практическое применение теория народов с «полной» и «неполной» социальной структурой. Методом сравнительно-исторического анализа авторам удалось осуществить типологизацию процессов формирования наций и развития национально-освободительных движений в империи Габсбургов. Новая типология наций в значительной мере стимулировала исследования социальной структуры, которые вплоть до середины 80-х годов. оставались вне поля зрения советской историографии²⁸.

Обогащение исследовательской проблематики трудами по Новой истории Венгрии связано с именем Т.М. Исламова, ведущего отечественного специалиста, в круге научных интересов которого – история политической борьбы в Венгрии в эпоху кризиса дуалистической системы, история международных отношений в Центральной Европе в конце XVIII – начале XX в., проблемы национальных движений и национального самосознания народов империи Габсбургов. Описывая состояние венгерского общества в конце XVIII в., Исламов характеризует эпоху как период заметного социально-экономического и культурного прогресса, ставшего возможным отчасти благодаря политике просвещенного абсолютизма, а также время, когда ломая сословные перегородки, начала пробивать себе путь национальная идеоло-

гия, а передовые мыслители осознали необходимость сочетать дело национальной независимости с коренными социальными преобразованиями, без которых не мыслимо было рождение самой нации²⁹.

В специальном исследовании, посвященном эволюции понятия «венгерская нация», Исламов показал исключительно важную роль средневековых институтов и форм государственности в процессе буржуазных преобразований. Сословная конституция, Государственное собрание и комитатская система стали главными организующими центрами национальной жизни мадьяр. В этой связи антигабсбургское движение 1790 г. было, по мнению историка, одновременно последним сословным выступлением, завершавшим дворянский этап освободительной борьбы, и началом нового ее этапа, буржуазного. Оно опиралось на освященные традицией ценности, но способствовало консолидации всех жителей страны в современную нацию³⁰.

Из новейших работ, посвященных формированию национального самосознания у народов Центральной Европы, следует особо выделить монографию А.С. Мильникова «Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания XVIII–XIX вв.». В ней автор уделяет особое внимание патриотизму, который у народов Центральной Европы оказался наиболее простым, понятным широким массам средством национальной консолидации и объединения сил в борьбе против угнетения³¹. Именно через концептуальное осмысление чувства патриотизма, справедливо считает Мильников, осуществлялось сопряжение национального самосознания как объективной данности с различными идеологическими формами его обоснования. Историк выделяет три главных этапа такой сопряженности, которые условно называет просветительским, национально-романтическим и политически-прагматическим.

Пожалуй, единственное, с чем трудно согласиться в аргументации историка, это стремление представить «национальный патриотизм» (т.е. фактически национализм) как последнюю стадию и высшую форму патриотической идеологии. На это можно возразить, что патриотизм даже в эпоху сложившихся буржуазных наций сохраняет свое гражданское измерение и стремится найти формулу, при которой идея верности отечеству, т.е. стране, где человек родился и вырос, становится привлекательной в том числе и в этнически разнородных сообществах. Тот факт, что в Центральной Европе попытки претворения в жизнь модели гражданского патриотизма фактически потерпели поражение перед лицом воинственных национально-языковых, ассимиляторских по сути движений, не означает ни полного его исчезновения, ни отсутствия у него перспектив возрождения.

В кратком историографическом очерке невозможно осветить многообразие подходов к проблеме политической культуры раннего Нового времени,

роли феодальных элит в складывании национальной идеологии буржуазной эпохи, показать интереснейшие результаты конкретно-исторических исследований, дополняющих картину патриотической активности в венгерском обществе. Этот недостаток призваны отчасти восполнить историографические экскурсы в тексте книги.

* * *

При написании книги использованы разнообразные источники: политические памфлеты, материалы дворянских комитатских собраний и Государственного собрания 1790 г., а также художественная литература, периодика, мемуары, переписка, путевые заметки. Сопоставление и критический анализ разных по жанру и стилю источников позволили всесторонне осветить поставленную проблему. Хотя очевидно, что невозможно объять в одном, даже весьма обстоятельном, исследовании весь спектр общественно-политических взглядов, все нюансы трактовок.

Политическая литература. Роль памфлетов в венгерской политической культуре рубежа 80–90-х годов XVIII в. можно по праву сравнить с ролью газетных передовиц в последующую эпоху. Фактическая отмена цензуры в самом начале царствования Иосифа II (декрет о печати 1781 г.) привела к тому, что сделать свои взгляды достоянием общественности мог практически любой гражданин, располагавший для этого необходимыми финансовыми средствами. Зачастую патриотически настроенные издатели брали на себя расходы по публикации близких им по духу сочинений. Только в 1790–1791 гг. в свет вышло почти 500 памфлетов, а с 1792 по 1795 г. – около 100. Такого количества политической литературы не было ни в 1848, ни 1861 г.³²

Памфлеты издавна пользуются заслуженным вниманием историков. Одним из первых их изучением занялся консервативный историк В. Фракнои, но он значительно преуменьшил число известных памфлетов (с 1790 по 1795 г. он насчитал всего 300). Вслед за ним политическую литературу конца XVIII в. исследовал историк либерального направления Д. Конча, автор книги «Истоки реформаторских идей 90-х годов» (1885)³³. Но самым репрезентативным исследованием по сей день остается фундаментальный труд Г. Баллаги «Политическая литература в Венгрии до 1825 года» (1888). В том же 1888 г. появился библиографический указатель печатных изданий, вышедших в свет в 1712–1860 гг. К шести основным томам алфавитного перечня произведений прилагались два тома, где издания были систематизированы по типографиям, а также приводились списки произведений, вышедших без указания даты и места публикации³⁴.

Из современных библиографических указателей наибольшей известностью пользуется «Введение в источники и литературу по венгерской истории» Д. Кошари, в котором политическая литература систематизирована хронологически в контексте других источников, а внутри каждого периода — тематически³⁵. В качестве развернутой, комментированной библиографии может быть использована другая работа Кошари, «Культура в Венгрии XVIII века», выдержавшая уже два издания.

Систематизация этого типа источников производится, как правило, по темам (защита сословной конституции, вопрос о венгерском языке, религиозный вопрос) или по политическим программам авторов (сторонники идей Просвещения, апологеты сословных привилегий, антифеодалы реформаторы). Такой подход оставляет поле для дальнейших исследований, например сравнения различных по темам и политическим программам сочинений. Взяв за основу представления авторов о нации, отечестве и патриотизме, можно провести сравнительный анализ широкого круга памфлетов. Так уже хорошо известные и детально описанные источники могут предстать в новом свете.

Наиболее обширную группу памфлетов составляют сочинения на *государственно-правовые* темы. Решимость Вены покончить с остатками венгерской феодальной автономии, желание инкорпорировать Венгрию в модернизируемое, бюрократически централизованное австрийское государство породило стремление законсервировать существующую политическую систему как гарант территориальной целостности и правовой обособленности королевства. Лучшие умы Венгрии бились над проблемой сочетания передовых политических учений с традиционными принципами государственного устройства.

В книге использованы труды видных мыслителей и политических деятелей — М. Форгача, М. Шкерлеца, Г. Берзевици, Й. Хайноци — чьи взгляды формировались под влиянием философии Просвещения, но были тесно связаны с венгерской государственно-правовой и политической культурой. В их опубликованных и неопубликованных сочинениях рубежа 80–90-х годов содержатся размышления о судьбе родной страны, дается вдумчивый анализ современного состояния экономики и недостатков политической системы, выдвигаются программы реформирования общественного устройства. Аристократ-католик Форгач, оказавшийся в оппозиции режиму просвещенного абсолютизма; аристократ-католик Шкерлец, оставшийся лояльным династии; дворянин-протестант Берзевици, постепенно разочаровавшийся в йозефинизме и недворянин-интеллигент Хайноци, выступивший с программой антифеодалных реформ, — каждый из них был горячим патриотом родной страны и символом бескорыстного служения отечеству.

Знаток экономики и права граф Миклош Форгач (1732–1795) многие годы прослужил в венгерском Наместническом совете, участвовал в проведении урбаниальной реформы, занимал должность королевского комиссара по делам некаатолических конфессий в Дебрецене. Граф славился горячим интересом к французскому Просвещению и в своем имении в Уйлаке собрал обширную библиотеку. Среди его друзей были и католики, и протестанты, с которыми он переписывался на латинском, немецком, французском, словацком языках. Общественную известность Форгач снискал в 1784 г., когда возглавляемый им комитат Нитра направил на имя императора Иосифа II особенно резкий протест против тех методов, какими проводилась перепись населения и составлялся земельный кадастр, после чего был отстранен от должности и объявлен сумасшедшим. Триумфальное возвращение Форгача в большую политику произошло в 1790 г., когда граф был восстановлен в должности главы комитата и избран на Государственное собрание королевства, где возглавил экономическую комиссию³⁶.

В книге использованы два анонимных памфлета, принадлежащих перу М. Форгача – «Патриотическое обращение на имя монарха по поводу восстановления в Венгрии прежней формы правления» (1788) и «Ясные требования к наилучшему государю» (1790)³⁷, которые могут считаться одними из лучших образцов жанра той эпохи. В них четко заявлена гражданская позиция лояльного подданного, не желающего поступаться своими патриотическими убеждениями в случаях, когда политика центральной власти идет вразрез с правовыми нормами и политической традицией страны. Как один из авторитетнейших политиков Форгач участвовал в составлении обращений комитата Нитра на высочайшее имя, о чем свидетельствуют черновики, сохранившиеся в его личном архиве³⁸.

Миклош Шкерлец (Никола Шкерлецкий) (1731–1797) принадлежал к хорватско-венгерскому дворянскому роду. Он был одним из ярчайших представителей той смешанной этнокультурной среды, которую принято называть *Hungari*. Он одинаково свободно владел хорватским и венгерским языками и гармонично сочетал хорватскую и венгерскую идентичность с чувством принадлежности к монархии Габсбургов. В Хорватии его считали хорватом и уважали за неустанную деятельность во благо родного края, в Венгрии же многолетняя служба в государственном аппарате и ясная гражданская позиция снискали ему славу истинно венгерского патриота. В молодости Шкерлец изучал экономику в Болонье и потом всю свою жизнь был страстным пропагандистом экономических знаний и неутомимым практиком, внедрявшим новые формы и методы хозяйствования. Второй сферой деятельности Шкерлеца была реформа образования. Будучи советником венгерского коро-

левского Наместнического совета, он многие годы активно работал в Комиссии по делам образования и был директором Загребского школьного округа.

В 1790 г. Шкерлец вошел в состав созданной на Государственном собрании Венгрии экономической комиссии и стал ее активнейшим членом. По итогам работы комиссии в 1791 г. им было составлено «Описание географического и политического состояния королевства Венгрия с точки зрения торговли». Это произведение предназначалось для широкой публики и должно было привлечь внимание общественности к тому несовершенству законодательства, которое мешает свободному развитию национальной экономики. Брошюра увидела свет лишь в 1801 г. В другом, обобщающем, труде – «Законы, предложенные экономической комиссией в интересах развития экономики страны, и их обоснование» – Шкерлец свел воедино пакет неотложных законодательных актов, предложенных им самим и его коллегами по комиссии – Й. Подманицки (1756–1823), П. Алмаши (1749–1821), М. Форгачем, Я. Сапари (1757–1815). Принятие этих законов на ближайшем Государственном собрании в 1793 г. должно было дать импульс развитию венгерской экономики, освободить ее от средневековых пут и сдерживающих механизмов, введенных венскими властями во второй половине XVIII в. Названная работа предназначалась прежде всего для служебного пользования и была впервые опубликована уже после смерти Шкерлеца, в 1826 г. В книге также использован памфлет «Размышление о дворянском ополчении», в котором он пытался примирить средневековый постулат о сословной исключительности венгерского дворянства с современными принципами общественного устройства³⁹.

Гергей Берзевици (1763–1822), младший современник Форгача и Шкерлеца, выходец из протестантской дворянской семьи из северной Венгрии. Как и многие молодые протестанты, он отправился в Гёттинген, изучать экономику и право у видного деятеля европейского Просвещения профессора Августа Шлёцера. По окончании учебы Берзевици путешествовал по Европе, побывал во Франции, Бельгии и Англии. Впечатляющие успехи английского промышленного переворота заставили молодого человека задуматься о причинах и путях преодоления экономической отсталости родной страны. Если сначала Берзевици был страстным сторонником реформ Иосифа II, в конце 80-х годов он все резче критиковал венгерскую политику просвещенного императора за ее явное противоречие интересам Венгрии. В это время он сблизился с оппозиционно настроенными протестантами, будущими видными деятелями Государственного собрания 1790 г. И. Ваи и Й. Подманицки.

Использованные в книге памфлеты «О принципах Австрии в управлении Венгрией» (1789) и «О господстве Австрии в Венгрии» были написаны молодым Берзевици под несомненным влиянием старших товарищей из «протестантской партии». В них он дал развернутую критику реформ Иосифа II в

Венгрии и даже потребовал низложения династии Габсбургов за нарушение принципов договора с венгерской нацией⁴⁰. Хотя главные свои сочинения – «О торговле и промышленности Венгрии» (1797) и «О положении и способностях крестьян» (1806) Берзевици написал гораздо позже, уже в раннем его творчестве видны задатки аналитика, прослеживается один из мотивов его зрелого творчества – неблагоприятные последствия экономической политики Австрии в Венгрии – и предлагается направление преобразований: создать такие благоприятные условия для хозяйственной деятельности, чтобы венгерский крестьянин смог самостоятельно освободиться от позорной крепостной зависимости и стать свободным тружеником на своей земле.

Йожеф Хайноци (1750–1795) происходил из семьи лютеранского священника. По желанию отца выбрал карьеру юриста. Недворянин и протестант, он вряд ли мог надеяться на должность в органах комитатской администрации. В судьбе Хайноци большую роль сыграла служба в качестве секретаря сначала у Миклоша Форгача, затем у графа Ференца Сечени (1754–1820). Последний способствовал его продвижению по службе: в 1785 г., когда Иосиф II «надстроил» над комитатской системой систему округов во главе с назначаемыми комиссарами, Сечени добился, чтобы Хайноци стал секретарем комиссара по Печскому округу, а в следующем, 1786 г., – вице-ишпаном (заместителем главы администрации или, как иногда переводят на русский язык, вице-губернатором) в комитате Серем (Срем), в Славонии.

Выходец из недворянской среды и сторонник реформ Иосифа II, Хайноци особенно остро ощущал несовершенство системы, при которой дворянский герб служил пропуском в политическую элиту. Свои глубокие познания в истории венгерского государства и права он обратил на то, чтобы убедить прогрессивно мыслящее дворянство добровольно пойти на демократизацию политической системы. Не имея возможности официально участвовать в работе Государственного собрания 1790 г., Хайноци тем не менее находился в гуще политической борьбы. Известно, что он тесно сотрудничал с лидером «протестантской партии» Петером Балогом (1748–1818), разрабатывавшим (в том числе при участии Хайноци) проект нового конституционного устройства Венгрии, предполагавшего ослабление королевской власти и усиление среднего и мелкого дворянства.

Дальнейшая судьба Хайноци – одного из ярчайших мыслителей того времени – сложилась трагично. Разочаровавшись в реформаторском потенциале дворянства, он примкнул к тайному обществу, ставшему впоследствии частью обширного «якобинского заговора», во главе с бывшим агентом тайной полиции И. Мартиновичем (1755–1795). Будучи противником вооруженного восстания, Хайноци разрабатывал программу умеренных антифеодальных реформ, предполагавшую ограничение королевской власти конституци-

ей, отмену сословных привилегий, освобождение крестьянства от гнета феодальных повинностей. После того как заговор в 1794 г. был раскрыт, Хайноци, в числе других руководителей, был казнен.

В книге использованы два государственно-правовых сочинения Й. Хайноци, относящиеся ко времени работы Государственного собрания – «Некоторые мысли венгерского патриота, относящиеся к Государственному собранию» и «Суть законов, предлагаемых венгерскому Государственному собранию»⁴¹.

Для упомянутых выше произведений Форгача, Шкерлеца и Берзевици, Хайноци, задуманных и написанных на рубеже 80–90-х годов, когда йозефинизм пал, а прежняя сословно-феодальная модель безнадежно устарела, характерен поиск новых форм государственно-правового устройства, сочетающего ценности сословно понимаемой венгерской нации и передовые, в духе идеалов Просвещения, принципы общественного развития. В отличие от них основной массив памфлетов все еще отражал традиционные взгляды в русле феодального национализма и содержал требование восстановить *status quo ante*. Например, анонимный памфлет «Благочестивые желания сердца одного венгра, жаждущего счастья и безопасности для своей милой родины»⁴² может служить примером враждебного отношения к реформам просвещенного абсолютизма. В целях предотвращения повторного установления в стране неограниченной власти Габсбургов автор предлагал создать систему контроля за исполнительной властью. Памфлет оказал огромное влияние на членов венгерского Государственного собрания, в частности на лидера реформистского крыла мелкого и среднего дворянства Петера Балага.

Близкую к памфлетам группу составляют тексты речей: иногда памфлеты писались в форме речей, иногда речи, едва прозвучав, выходили в свет отдельной брошюрой, становясь достоянием читающей публики. Многие из них произнесены главами комитатов на дворянских комитатских собраниях, которые были своеобразными политическими клубами, где дворяне обсуждали насущные государственные вопросы. Речи дворян, владевших латынью и со школьной скамьи знакомых с принципами риторики, как правило, затрагивают тему верности родине – излюбленный сюжет античных ораторов.

Поводом для произнесения речи часто служило какое-нибудь ординарное (вступление в должность, окончание срока полномочий) или экстраординарное (распоряжение центральной власти) событие. Речи содержат многочисленные примеры из венгерской и античной истории, рассуждения на темы дворянской доблести, торжественные клятвы служить нации и отечеству. Именно поэтому проникнутые патриотическим пафосом речи стали важным источником для изучения венгерской политической культуры конца XVIII в. В книге использованы тексты речей барона Антала Амаде, графа Йозефа Телеки (Секского), барона Лёринца Орци (1718–1788), Яноша Бёти и др.

В те же годы стал весьма популярен жанр памфлета в стихах, имитировавших патриотические песни времен освободительной войны под руководством Ференца II Ракоци (1703–1711). В них воспевалась славная борьба за свободу родной страны, звучали призывы покончить с засильем Габсбургов⁴³. К этому же жанру можно отнести стихотворные пасквили на Иосифа II и его ближайших венгерских сподвижников. Особенно популярны были сатирические эпиграфы недавно почившему Иосифу II⁴⁴. Первый по всей видимости вышел из-под пера представителя католического клира или ярого светского католика, ибо резко осуждает политику религиозной терпимости, символом которой стал император. Сам пасквиль – суть описание мучений «продавшего душу Люциферу» Иосифа на смертном одре. Второй пасквиль написан от лица смерти, останавливающей путника у могильного камня, под которым покоится император-реформатор.

Порой писатели и поэты брались за перо, чтобы создать злободневные политические произведения. Поэма Пала Аньоша (1756–1784) «Король в шляпе» (1782) стала обвинением некоронованному королю, не признающему венгерские законы, и символом духовного сопротивления «деспотизму» Иосифа II⁴⁵. Писатель и поэт, член ордена пиаристов Элек Хорани (1736–1809) создал ряд памфлетов под псевдонимом «Элеутерий Панноний» (*Eleutherius Pannonius*), т. е. «Паннонский Освободитель». Первый из них – «Иосиф II в полях Элизия: Сон Элеутерия Паннония» написан в форме воображаемых диалогов, которые покойный император ведет в раю со своей матерью Марией Терезией, а также излюбленными персонажами венгерской истории – Иштваном I Святым или Матяшем Корвином. В уста любимой венграми Марии Терезии писатель вложил основные положения венгерской государственно-правовой теории о принципах взаимоотношений сословий и центральной власти⁴⁶. Второе произведение Хорани, в котором действует Элеутерий, – сатирический ответ австрийскому писателю и публицисту А.Л. Хофману, роман «Чудесная судьба Элеутерия Паннония, когда он в австрийской столице разоблачил две знаменитые брошюры „Вавилон“ и „Ниневия“»⁴⁷.

Австрийский литератор Алоиз Леопольд Хофман (Гофман) родился в Чехии, закончил университет в Бреслау (совр. Вроцлав). С 1782 г. он трудился как журналист в Вене, прославляя реформы Иосифа II. Там же вступил в масонскую ложу и получил ранг мастера. В 1784 г. во исполнение декрета о немецком государственном языке Хофмана направили в Пештский университет. Из-за своей искренней и безграничной преданности просвещенному абсолютизму он не смог найти общего языка ни с университетской средой, ни с пештскими масонами. Когда йозефинистский режим пал, Хофман бежал в Вену, где получил должность преподавателя Венского университета и поступил на службу в тайную полицию. Одним из заданий Хофмана, было написа-

ние памфлетов, раскрывающих реакционную сущность венгерской сословной оппозиции и изображающих императора защитником прав третьего сословия. Леопольд II лично инструктировал Хофмана, вносил правку в первоначальный вариант текста, содействовал опубликованию брошюр.

Использованные в книге памфлеты А.Л. Хофмана «Вавилон» и «Ниневия» вышли в свет один за другим в 1790 г. и были с возмущением встречены в венгерском обществе⁴⁸. Не следует преувеличивать роль этих брошюр-однодневок, о них, как и об их авторе, вскоре забыли. Однако то, что немецкий просветитель А. Шлёцер перепечатал их фрагменты в своей газете «Штаатс-Анцайген», способствовало формированию негативного этнокультурного стереотипа о венграх за рубежом.

Отдельную группу составляют памфлеты, посвященные *возрождению венгерского языка* и литературы, развитию наук и искусств на родном языке. Классик венгерской литературы Дёрдь Бешенеи (1747–1811) не раз обращался к емкому жанру памфлета, чтобы выразить свои взгляды на судьбы родной словесности. В его сочинениях «Мадяршаг» (дословно можно перевести как «Мадьярство»), «Благочестивое намерение создать венгерское научное общество» и др. впервые в венгерской общественной мысли был сформулирован постулат о том, что язык выражает дух нации, прозвучало требование развивать различные науки на венгерском языке и создать венгерскую академию наук⁴⁹.

Наконец, ряд памфлетов посвящен *религиозному* вопросу. Прежде всего это книги венгерского монаха Л. Сайтца (1746–1792) «об истинном венгре»⁵⁰, в которых он, продолжая барочную католическую традицию, доказывает, что истинным венгром может быть только католик, а также сочинения, относящиеся к жанру полемических ответов на эту попытку ограничить членство в венгерской нации по религиозному признаку.

Обращения на высочайшее имя* венгерских комитатских собраний. Венгерские комитатские собрания издавна были центрами политической активности провинциального дворянства. Там обсуждались важнейшие государственные вопросы, вырабатывалась тактика в отношении центральной власти. Петиции комитатов отражают насущные проблемы сословий, характер их взаимоотношений с центральной властью, их претензии на равноправный диалог с императором по любым вопросам государственно-правового устройства королевства. Не случайно, в 1784 г., в разгар конфликта между Иосифом II и венгерскими сословиями последовал запрет на ведение переписки

* Венгерское слово *felirat* (письменное обращение в вышестоящую инстанцию) и его латинский эквивалент *representatio* (представление на высочайшее имя) в данном контексте на русский язык лучше всего перевести как «обращение на высочайшее имя».

между комитатами, но уже в 1789 г. император был вынужден отменить запрет и переписка возобновилась с новой силой.

В 1790 г. в память о недавнем противостоянии комитатского дворянства и центральной власти опубликованы два сборника текстов обращений на высочайшее имя. Так историки получили возможность широко использовать этот вид источников в своих работах. На петиции ссылается М. Хорват, с ними плодотворно работал Х. Марцали. Новые поколения историков не перестают обращаться к вышеупомянутым сборникам.

Первый из них – «Сборник распоряжений императора Иосифа II и обращений различных комитатов королевства Венгрии»⁵¹ – отражает динамику конфликта императора с венгерскими сословиями. В него включены тексты наиболее возмутительных с точки зрения сословий декретов (об отправке святой венгерской короны в Вену, о введении немецкого официального языка, о всеобщей переписи населения) и ответов, порой напоминающих отповеди, которые незамедлительно поступали из разных частей страны. С годами тон обращений становится все решительнее, а их количество возрастает.

Вторая публикация – «Сборник обращений на высочайшее имя и протоколов сословий королевства Венгрии по случаю высочайшего декрета от 28 января 1790 года, присланных общими собраниями комитатов»⁵² – содержит текст декрета императора, провозглашавшего отмену большинства реформ и объявлявшего о долгожданном созыве Государственного собрания, а также петиции комитатов с предложениями по повестке дня и перечислением наиболее волнующих дворянство проблем. Иными словами, в сборнике зафиксированы политические настроения венгерского общества между двумя важнейшими событиями 1790 г. – провалом йозефинистского курса и созывом Государственного собрания в июне 1790 г.

Помимо этих сборников в работе использованы обращения и другие коллективные сочинения комитатского дворянства, вышедшие отдельными брошюрами или сохранившиеся в семейных архивах Венгерского национального архива (Будапешт), а также в фондах Архива комитата Пешт (Будапешт).

Периодика. Вплоть до 1780 г. книги оставались главной печатной продукцией в королевстве. Декрет Иосифа II о печати (1781 г.) значительно облегчил издание газет и журналов, и в результате к концу йозефинистского десятилетия периодика превратилась в основной источник информации для читающей публики. Многие значительные общественно-политические и художественные сочинения появлялись сначала в периодических изданиях и лишь потом выходили в свет отдельными брошюрами. О том, газетное дело в конце 80-х годов процветало, говорит один из основных показателей – число подписчиков. Всего за десять лет оно возросло с нескольких сотен до одной тысячи.

В монографии использованы три наиболее информативных и читаемых венгерских издания: газеты «Бечи мадяр курир» («Венгерский курьер из Вены»), «Хади эш маш невезетеш тёртенетек» («Военные и другие замечательные происшествия»), журнал «Орфеус». Несомненный интерес представляет также газета «Штатс-Анцайген», издаваемая в Гёттингене знаменитым немецким просветителем профессором А.Л. Шлёцером.

«Бечи мадяр курир» издавалась журналистом Шандором Сачваи (1752–1815) в Вене с 1786 г. Вращаясь в венских придворных кругах, будучи лично знакомым с жившими в столице венгерскими аристократами, Сачваи получал важную информацию из вполне осведомленных источников. Он также постоянно перепечатывал важнейшие сообщения из «Венского придворного дневника», газет Франкfurта и Кёльна. Благодаря сети корреспондентов внутри страны, Сачваи имел оперативную информацию из всех уголков Венгрии. Его газета стала одним из важнейших и надежнейших источников информации для читающей публики королевства. Попутно отметим, что Шлёцер черпал сведения о событиях в Венгрии именно из газеты «Мадяр курир».

Другая важнейшая венгерская газета, «Хади эш маш невезетеш тёртенетек», которую издавали Деметер Гёрёг и Шамуэль Керекеш, выходила в 1789 г. Газета задумывалась как бюллетень событий австро-русско-турецкой войны, начавшейся в 1787 г. Однако подлинные интересы издателей лежали в области развития языка и литературы. Все больше внимания они уделяли проблемам создания патриотических обществ по изучению венгерского языка, все чаще предоставляли страницы своего издания молодым литераторам, прося всех читателей поддержать программу развития родной словесности. В отличие от Сачваи, который был ближе к венским йозефинистским кругам и менее знаком с венгерской сословной оппозицией, издатели «Хади эш маш невезетеш тёртенетек» стояли на стороне венгерских сословий, что нашло отражение в их публикациях. Несоответствие тематики и названия газеты заставило издателей сменить его. С 1792 г. газета стала называться «Мадяр хирмондо» («Венгерский вестник»).

В 1790–1791 гг. начинающий литератор, будущий лидер движения за возрождение венгерского языка Ференц Казинци (1759–1831) издавал первый в Венгрии литературно-критический журнал «Орфеус». Его целью было поднять венгерский язык на европейский уровень. В журнале печатались переводы, оригинальные литературные и общественно-политические сочинения.

Среди зарубежной периодики наиболее авторитетным и информированным изданием считается «Штатс-Анцайген» А.Л. Шлёцера (1735–1809). Гёттинген был одним из самых посещаемых венгерскими студентами протестантских университетов. (Венгерская исследовательница Э. Балаж как-то призналась, что одно время ей казалось, будто в Гёттингене была сосредото-

чена венгерская интеллектуальная жизнь.) По мере нарастания движения венгерской сословной оппозиции Шлёцер уделял все больше и больше места известиям из далекой Венгрии. Поскольку выступления против просвещенного абсолютизма неизбежно принимали антинемецкий оттенок, тон Шлёцера менялся от удивления и озабоченности до возмущения и высокомерного презрения.

Художественная литература. Художественная литература может по праву считаться одним из важных исторических источников. Об этом свидетельствуют труды выдающегося филолога и литературоведа Ш. Экхардта⁵³, в которых показана условность грани между общественно-политической и художественной литературой, а исторический процесс предстает как единство социального и духовного. Его перспективный метод – сочетание источниковедческого и литературоведческого подходов – может дать интересные результаты и обогатить представления об изучаемой эпохе.

Последняя треть XVIII в. стала переломным этапом для венгерской литературы, временем больших перемен и больших надежд. Ведь именно из стана литераторов впервые прозвучал голос в защиту венгерской нации, именно писатели привлекли внимание общества к опасности утери национального своеобразия, таящейся в «германизаторском курсе» Иосифа II.

Художественная литература в историческом исследовании, посвященном проблемам формирования наций, может быть рассмотрена в двух аспектах: политическом и культурном.

Во-первых, литераторы активно включились в политическое движение, стали выразителями чаяний венгерской сословной оппозиции, начали непосредственно формировать общественное мнение. В этой связи уже упоминалась роль поэмы П. Аньоша «Король в шляпе». Всплеском поэтической активности сопровождалось возвращение в 1790 г. из Вены в Венгрию Святой венгерской короны, превратившееся в грандиозную общенациональную манифестацию. Миклош Ревай (1750–1807), Йозеф Пецели (1750–1792), Бедек Вираг, другие известные и совсем неизвестные авторы посвятили этому событию торжественные оды. Одним из лучших патриотических стихотворений оказался «Ободряющий ответ Бенедеку Вирагу» Янош Бачани (1763–1845). Вообще, патриотический пафос произведений тех лет стал источником вдохновения как для политических деятелей, так и для литераторов последующих поколений, поэтизировал эпоху, возвысил цели политических лидеров.

Во-вторых, именно литераторы начали борьбу за возрождение языка, обратили взоры к национальному прошлому, связали судьбу нации с сохранением национальных традиций, костюма и тем самым фактически сформулировали национальную идею. Литераторы использовали свой талант, чтобы привлечь внимание современников к тем вопросам, от которых, по их мне-

нию, зависела судьба Родины. Пецели и Бачани в стихах и прозе призывали дворянство проявить заботу о судьбе родного языка. Аньош написал стихотворение о судьбе национального костюма, сопроводив его эссе, где – с заменой венгерского платья иноземным – пророчил утерю национального своеобразия⁵⁴. Писатель Андраш Дугонич (1740–1828) создал свой роман «Этелка» (это имя главной героини), обратившись в нем к эпохе ранней венгерской истории. Воспевая древние обычаи и нравы, автор утверждал тем самым свой идеал общественного устройства. Злободневность роману придавало осуждение германизаторской политики Иосифа II, преподнесенное, правда, в весьма туманной, завуалированной форме⁵⁵. Все эти произведения стали художественным выражением складывавшегося венгерского национального самосознания.

В книге также использован один из лучших романов классика венгерской литературы второй половины XIX в. Калмана Миксата «История Ности-младшего и Марии Тот» (1908). Это произведение можно с полным правом назвать энциклопедией венгерской жизни эпохи дуализма. Сюжет романа строится вокруг неудачной попытки заключения брака по расчету, но как талантливое художественное произведение из жизни Венгрии XIX в. роман отражает широко распространенные представления о национальной истории и национальном характере, иллюстрирует связь национального самосознания эпохи дуализма с политической культурой предшествующих эпох⁵⁶.

Мемуары. Жизнь венгерского общества конца XVIII в. во всей полноте помогает воссоздать такой тип источников, как мемуары. Особый интерес представляет «Хроника церковной и светской жизни Венгрии конца XVIII века» лютеранского священника Йозефа Керестеши (1748–1812)⁵⁷. Основное внимание автор уделяет годам правления Иосифа II, отменившего дискриминацию кальвинистов и лютеран по религиозному признаку. Мемуары отличает живой язык, стремление объективно изложить ход событий, занимательные подробности из повседневной жизни.

В отличие от «Хроники» Й. Керестеши, мемуары Ференца Казинци «Воспоминания о моей жизни»⁵⁸ не являются детальным и хронологически последовательным повествованием о времени, в которое жил автор. Записки Казинци более индивидуализированы. Но и в них можно найти немало интересных деталей, особенно в главах, где речь идет о работе Казинци инспектором школ в городе Кашша (совр. Кошице в Словакии) и описываются торжества по поводу отмены реформ Иосифа II.

Наконец, «Заметки» А. Дугонича можно отнести к мемуарам весьма условно. Это набор суждений, слухов и занимательных историй, связанных с правлением Иосифа II и венгерской оппозицией реформам просвещенного абсолютизма⁵⁹.

Переписка. Эпоха Просвещения по праву считается временем расцвета эпистолярного жанра. В семейных и личных архивных фондах хранятся обширные коллекции писем видных политических деятелей и рядовых современников. В них содержатся ценнейшие наблюдения, размышления, суждения. Этот тип источника использован как вспомогательный, в качестве иллюстрации основных положений и выводов книги.

Несомненный интерес представляет эпистолярное наследие одного из самых влиятельных венгерских политических деятелей второй половины XVIII в. графа Ференца Балашша (1736–1807). Выпускник привилегированной венской Терезианской академии, он был воспитан на философии Просвещения и принципах безграничной верности Габсбургской династии. Его таланты, честолюбие и преданность не остались незамеченными при дворе. Вскоре после окончания академии молодому барону Балашша был пожалован графский титул, чин камергера и должность советника Наместнического совета. Он искренне верил, что центральная власть путем реформ «сверху» способна покончить с отсталостью Венгрии, лишить сословия их феодальных привилегий и улучшить социальный статус неполноправной части населения. Австрийские власти доверяли ему самые сложные поручения, прислушивались к его советам и рекомендациям. За тридцать лет службы в Наместническом совете Балашша участвовал в проведении урбарильной реформы, призванной регламентировать феодальные повинности крестьян, стоял у истоков новой системы школьного образования, создававшейся после роспуска в 1777 г. ордена иезуитов, отвечал за рекрутские наборы и поставки продовольствия армии в южных областях Венгрии. В годы правления Иосифа II граф Балашша был председателем Казенной палаты и хранителем короны (1783–1785 гг.), занимал должности хорватского бана (наместника) и королевского комиссара в Загребском округе (1785–1790 гг.) и, наконец, закончил свою карьеру в качестве главы Иллирской придворной канцелярии (1791–1792 гг.).

Из-за своей безоговорочной преданности династии Габсбургов в глазах венгерского общества он превратился в символ антипатриотизма. Венгерские историки давно признали, что роль венгерских сподвижников Иосифа II (йозефинистов) нуждается в пересмотре и нельзя отказывать в любви к отечеству тем, кто ставил идею «общего блага» выше узкосословно понимаемых «национальных» ценностей. Однако до сих пор не создано обобщающего труда о Ференце Балашша. В книге использована его переписка с кабинет-секретарем Корнелием Мак-Ненни из фондов Государственного архива в Вене⁶⁰.

Интересны отдельные письма из семейного архива графов Фештетичей и текст знаменитого письма Й. Хайноци к М. Форгачу, в котором выражено несогласие с дворянской концепцией нации и патриотизма⁶¹.

Путевые заметки. Ценным источником по истории Венгрии конца XVIII в. является сочинение шотландского горного инженера Роберта Таунсона «Путешествия по Венгрии с кратким описанием Вены в 1793 году»⁶². Книга вышла в свет в 1797-м и вскоре была переведена на другие европейские языки, благодаря чему читающая публика по всей Европе получила интересную, достоверную и, главное, непредвзятую информацию о стране, о которой многие знали весьма немного или совсем ничего.

Таунсон демонстрирует прекрасное знание истории и традиций Венгрии. Он цитирует средневековых венгерских авторов и современные документы, повествует о личных встречах с местными аристократами. Суждения автора об общественных отношениях и последних политических событиях взвешены и обоснованы, хотя не лишены доли высокомерия. Благодаря непредвзятому взгляду со стороны сочинение Таунсона считается важным источником по истории Венгрии конца XVIII в.

* * *

Итак, в историографической традиции изучения венгерской политической культуры конца XVIII в. при всем разнообразии тематики и богатстве методологических подходов нет специального исследования о роли патриотизма на ранних этапах формирования национального и гражданского сообщества. В книге рассматриваются четыре сферы, в которых проявлялись патриотические чувства и формировалось национальное самосознание: государственно-правовая, экономическая, этнокультурная и религиозная. В качестве объектов исследования выбраны восемь структурообразующих понятий: *святая венгерская корона, король, свобода, национальная экономика, язык, национальное прошлое, национальный костюм, вероисповедание*. Подобный принцип построения книги позволяет отказаться от хронологического изложения событий, достаточно известных по классическим трудам зарубежных и отечественных авторов, и сосредоточиться на структурном анализе важнейших компонентов патриотической парадигмы.

Примечания:

¹ Vierhaus R. «Patriotismus» – Begriff und Realität einer moralish-politischen Haltung // Deutsche patriotische und gemeinnützige Gesellschaften / Hrsg. v. R. Verrhaus. München, 1982. S. 9–29. (Wolfenbütteler Forschungen. Bd. 8).

- ² Szűcs J. Nemzet és történelem: Tanulmányok. Bp., 1974. 122. old.
- ³ Horváth M. Magyarország története. Bp., 1873. VIII. köt. 11. old.
- ⁴ Ibid. 12.–13. old.
- ⁵ Concha Gy. A 90-es évek reformeszméi és előzményeik. Bp., 1885. 12.–13. old.
- ⁶ Ibid. 63. old.
- ⁷ Ballagi G. Politikai irodalom Magyarországon 1825-ig. Bp., 1888.
- ⁸ Kosáry D. Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. Bp., 1954. II. köt. 1711–1825. 310. old.
- ⁹ Váczy J. A nemzeti szellem hanyatlása s ébredése (1711–1822). Bp., 1909. 8. old.
- ¹⁰ Marczali H. Magyarország a II. József korában. Bp., 1888. I.–III. köt.
- ¹¹ Marczali H. Az 1790/91-diki országgyűlés. Bp., 1910. I.–II. köt.
- ¹² Ibid. 42. old.
- ¹³ Ibid. 114. old.
- ¹⁴ Митрофанов П.П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и противники (1780–1790). СПб., 1907.
- ¹⁵ Hóman B., Szekfü Gy. Magyar történet. Bp., 1936. V. köt. 25. old.
- ¹⁶ Eckhardt S. A francia forradalom eszméi Magyarországon. Bp., 1924.
- ¹⁷ Kornis Gy. A magyar művelődés eszményei, 1777–1848. Bp., 1927. I. köt. 90. old.
- ¹⁸ Domanovszky S. József nádor élete és iratai. Bp., 1925–1944. I.–IV. köt.
- ¹⁹ Mályusz E. Sándor Lipót főherceg nádor iratai (1790–1795). Bp., 1923.
- ²⁰ Mályusz E. A türelmi rendelet. II. József és a protestantizmus. Bp., 1939. См. также: *Idem*. Iratok a türelmi rendelet történetéhez. Bp., 1940.
- ²¹ Mályusz E. Sándor Lipót. 4.–205. old.
- ²² A magyar jakobinusok iratai / Sajtó alá rendezte K. Benda. Bp., 1952–1957. I.–III. köt.
- ²³ Benda K. Emberbarát vagy hazafi? Tanulmányok a felvilágosodás korának magyarországi történetéből. Bp., 1978.
- ²⁴ Kosáry D. Művelődés a XVIII.-századi Magyarországon. Bp., 1980.
- ²⁵ Balázs É. Berzeviczy Gergely – a reformpolitikus (1763–1795). Bp., 1967.
- ²⁶ Balázs É. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: An experiment in enlightened absolutism. Bp., 1997.
- ²⁷ Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980.
- ²⁸ Исламов Т.М., Фалькович С.М. Средняя Европа в Новое время (XVIII в. – 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 93.
- ²⁹ Краткая история Венгрии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991. С. 162.

³⁰ *Исламов Т.М.* От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественное развитие и генезис национального самосознания / Отв. ред. А.С. Мыльников. М., 1984. С. 58.

³¹ *Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 80.

³² *Ballagi G.* Politikai irodalom Magyarországon. 284. old.

³³ *Concha Gy.* A 90-es évek reformeszméi.

³⁴ Magyarország bibliográfiája 1712–1860. Könyvészeti kimutatása a Magyarországon és hazánkra vonatkozólag külföldön megjelent nyomtatványoknak / Összáll. G. Petrik; Bevezetéssel S. Szilágyi. I.–VI. köt. Bp., 1888.

³⁵ *Kosáry D.* Bevezetés. II. köt.

³⁶ Подробнее см.: *Хаванова О.В.* Миклош Форгач: штрихи к портрету харизматического лидера // Центральная Европа в новое и новейшее время / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 69–86.

³⁷ [*Forgách M.*] Patriotische Vorstellung an den Monarchen in Betreff der Wiederherstellung der vormaligen Regierungsform in Ungarn. Pressburg, 1788 (далее – Patriotische Vorstellung); [*Forgách M.*] Ab optimo principe candida postulata. s.l., 1790 (далее – Candida postulata).

³⁸ Magyar Országos Levéltár (далее – MOL). Forgách Miklós levéltára. P 1885. 2. cs. 5. t. Repraesentatio Comitatus Nitriensis sub Imperatore Josepho II-do ... de die 25 Januarii 1790.

³⁹ Произведения М. Шкерлеца цитируются по венгерским переводам, сделанным в 1914 г. П. Берени. См.: Skerlecz Miklós báró művei / Irta illetve latin eredetéből fordította P. Berényi. Bp., 1914.

⁴⁰ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze in der Regierung Ungarns. Цит. по: *Balázs É.* Berzeviczy Gergely – a reformpolitikus. 317.–322. old.; *Idem.* De dominio Austriae in Hungaria. Цит. по: Magyar jakobinusok iratai / Szerk. K. Benda. Bp., 1956. I. köt. 94.–105. old.

⁴¹ Работы Й. Хайноци цитируются по сборнику его избранных произведений под редакцией А. Чизмадна: *Hajnóczy J.* Közjogi-politikai munkái / Sajtó alá rend. A. Csizmadia. Bp., 1958.

⁴² *Pia desideria cordis unius Hungarici dulci suae patriae felicitatem et securitatem exponentis.* s.l., 1790 (далее – Pia desideria).

⁴³ *Benda K.* Ismeretlen politikai költemény 1790-ből // Irodalomtörténet. 1951. 1. sz. 100.–105. old.; Egy igaz magyar hazafinak édes nemzetet ugyefogyott állapotjának mélyl álmból serkentő versei, melyeket irt második József halála után 1790. esztendőben Sz- György havában // *Hajdú L.* II. József igazgatási re-

formjai Magyarországon. Bp., 1982. 481.–483. old. (далее – Egy igaz magyar hazafinak serkentő versei).

⁴⁴ *Gálos R.* Egykorú gúnyversek II. Józsefről és magyar munkatársairól // Győri szemle. 1935. VI. évf. 1.–4. sz. 68.–69. old.

⁴⁵ *Ányos P.* Kalapos király // *Ányos P.* Válogatott művei. Bp., 1984. 108.–116. old.

⁴⁶ [*Horányi E.*] Eleutherius Pannonius. Josephus II in campis Elysiis. Somnium Eleutherii Pannonii. Buda, 1790 (далее – Josephus II in campis Elysiis).

⁴⁷ [*Horányi E.*] Eleutherii Pannonii mirabilia fata dum in metropoli Austriae famosi duo libelli “Babel” et “Ninive” in lucem venisset. s.l., 1791.

⁴⁸ [*Hoffmann L.A.*] Babel. Fragmente über die jetzigen politischen Angelegenheiten in Ungarn. s.l., 1790 (далее – Babel); [*Hoffmann L.A.*] Ninive. Fortgesetzte Fragmente über dermaligen politischen Angelegenheiten in Ungarn. s.l., 1790 (далее – Nineve).

⁴⁹ *Bessenyei Gy.* Magyarság. A magyar néző. s.d. (Magyar Irodalmi Ritkasságok. № 16); *Idem.* Egy magyar társaság iránt való jámbor szándéka. s.d. (Magyar Irodalmi Ritkasságok. № 4).

⁵⁰ *Máriafi István [Szaitz L.]* Igaz magyar. Az az igaz magyaroknak Máriához az ő nagy aszszonyokhoz, és nagy pátronájokhoz való különös ájtatosságáról; és a mostani újságokrúl. Paris–Berlin, 1785. I. rész; Paris–Berlin, 1788. II. rész; s.l. III. rész; s.l. 1790. IV. rész; *Magyar Dániel [Szaitz L.]* Igen rövid meg-jegyzések, amellyek ezen felséges magyar haza ide Budára 1790-dik esztendőben öszve gyülekezett tekintetes státusi és rendinek egy igaz római-katholikus hazafi által bémutatattak a végett, hogy a felséges hazát törvényes kötelességére emlékeztesse. Buda, 1790.

⁵¹ Collectio ordinationum imperatoris Josephi II-di et repraesentationum diversorum Regni Hungariae comitatum. Pars I. Dioesgin, 1790.

⁵² Collectio repraesentationum et protocollorum II. Statum et Ordinum Regni Hungarii occasione Altissimi Decreti de die 28 januarii 1790 e. Generalibus Congregationibus responsi instar submissorum. Pestini; Budae; Cassoviae, 1790. Pars. I–II.

⁵³ *Ekhardt S.* A francia forradalom eszméi Magyarországon. Bp., 1927.

⁵⁴ *Ányos P.* A régi magyar viseletről // *Ányos P.* Versei. Bp., 1907. 85.–88. old.

⁵⁵ *Dugonics A.* Etelka, egy igen ritka magyar kisasszony Világos-váratt Árpád és Zoltán fejedelmek ideikben. 1.–2. köt. Pozsony, 1788.

⁵⁶ *Миксам К.* История Ности-младшего и Марии Тот // *Миксам К.* Избранное. М., 1986.

⁵⁷ *Keresztesi J.* Naplója. Krónika Magyarország polgári és egyházi közéletéből a XVIII század végén / Kiadta E.Hoffer. Pest, 1868.

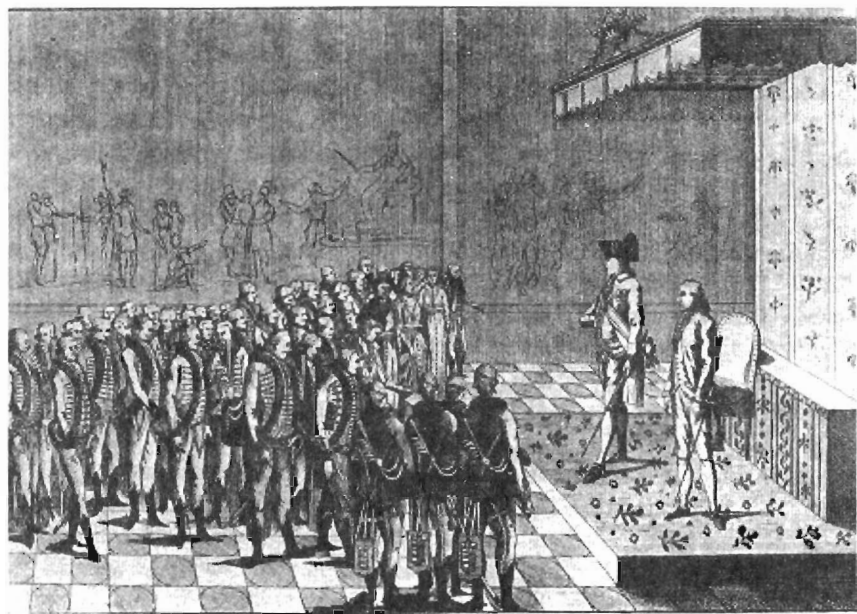
⁵⁸ *Kazinczy F. Pályám emlékezete / Sajtó alá rend. és jegyz. L. Orosz. Bp., 1956.*

⁵⁹ *Dugonics A. Följegyzései. Bp., 1883.*

⁶⁰ Haus-, Hof- und Staatsarchiv (далее – HHStA). Nachlaß Nenny. Karton 1–2. Среди недавних публикаций, в которых использована переписка Ф. Балаша с К. Мак-Ненни, – блестящая монография канадского историка Ф. Сабо об австрийском канцлере В.А. Каунице. См.: *Szabo F.A.J. Kaunitz and enlightened absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994. P. 317.*

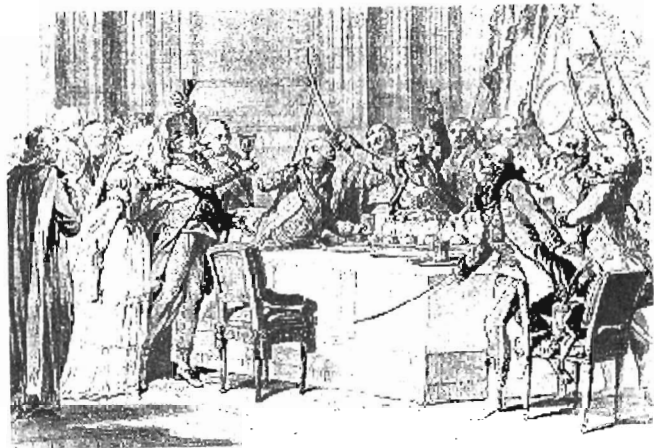
⁶¹ Цит. по переводу на венгерский в кн.: *Hajnóczy József / Válogatta, a bevezetést és jegyzeteket írta J. Poór. Bp., 1998 (Magyar szabadelvűiek).*

⁶² *Townson R. Travels in Hungary, with a short account of Vienna in the year 1793. Illustrated with a map and sixteen other copper-plates. London, 1797.*

И.М. Виль. Леопольд II принимает делегацию
Государственного собрания.
21 августа 1790 г.

Государственно-правовые аспекты политической культуры

Историки и социальные антропологи давно подметили, что активизация национального самосознания происходит, как правило, в «пограничных» ситуациях и совпадает с периодами усиления угрозы извне или глубоких перемен внутри сообщества. Венгерское общество рубежа 80–90-х годов XVIII в. находилось именно в таком состоянии, когда по воле государя-реформатора многие институты и структуры были сломаны или деформированы, а вековые устои, казавшиеся непоколебимыми и естественными, отменялись росчерком монаршего пера. Именно в этот период венгерское общество в целом, представители его самых разных слоев всерьез задумались о том, что же отличает венгров от иных народов, населяющих монархию Габсбургов и сопредельные государства, и каковы те ценности, которым стоит присягать на верность и ради которых можно отдать жизнь.

Средневековая венгерская нация осознавалась как совокупность привилегированных сословий королевства без этнокультурных различий. В нее, согласно ст. I от 1608 г. «Свода венгерского права», входили духовенство, маг-

наты, дворянство и жители королевских вольных городов. Этим можно объяснить тот факт, что национальные святыни политической нации лежали прежде всего в государственно-правовой сфере. Так, в начале 1790 г. в газете «Бечи маляр курир» было опубликовано анонимное стихотворение, начинавшееся словами: «У тебя, гунн (т. е. венгр. – *О.Х.*), есть три святыни: Святая Корона, / Святой Король и Святая Свобода. из них / Произрастает любовь к Отечеству...»¹. Отождествление главного коронационного атрибута, главы государства и комплекса прав и свобод господствующего класса с отечеством уходит своими корнями в средние века и тесно связано с теорией святой венгерской короны.

1. «Святая корона»

В раннее средневековье корона была не более, чем знаком божественного происхождения королевской власти и не упоминалась отдельно от личности короля. Корона, а точнее не дошедший до наших дней прототип, была подарена первому христианскому королю Венгрии Иштвану I (1000–1038) папой римским Сильвестром II, и поскольку у венгров не практиковалась коронация, церемония была проведена по немецкому образцу. Дар главы католической церкви косвенно подтверждал суверенитет венгерского государства и его правителя. Как вассал папы, Иштван не мог быть принужден подчиняться императору Священной Римской империи. Так уже с самого начала корона стала символизировать независимость страны.

Венгерская корона в том виде, в каком она дошла до наших дней, состоит из нескольких элементов, изготовленных в разное время и в разных местах независимо друг от друга. Нижняя ее часть – так называемая «греческая корона» – в 1074 г. была подарена королю Гезе I византийским императором Михаилом Дукой. Верхнюю часть – так называемую «латинскую корону», ибо долгое время считалось, что именно ее подарил Иштвану папа Сильвестр II, – изготовили в конце XI или XII в., где – неизвестно. Неизвестно и то, когда были соединены обе части святой венгерской короны (не ранее конца XI – не позднее середины XIII в.). В 1235 г. корона впервые была названа «святой».

С изменением прерогатив королевской власти менялось смысловое наполнение термина «корона». С ослаблением центральной власти и возвышением феодальной аристократии понятие короны расширилось: она стала симво-

лизировать государственную власть короля и баронов. Когда при отсутствии короля магнаты брали власть в стране, свои решения они основывали на праве святой короны. Постепенно венгерская корона превращалась в мифологему: с одной стороны, она начала обозначать верховную власть и ее носителей, с другой – территорию, на которую распространялась государственная власть, т. е. королевство Венгрия с присоединенными частями. Получая долю реальной власти в стране и перераспределяя в свою пользу королевский домен, магнаты все чаще именовали себя «членами» святой венгерской короны. В понятии «членства» можно усмотреть влияние широко распространенных в средневековой Европе так называемых теорий органицизма, согласно которым церковь и государство уподоблялось человеческому телу. Так же как Иисус Христос был главой тела церковного, коронованный король был головой государственно-политического организма. Все эти явления не были исключительно венгерскими. Отождествление коронационного атрибута со страной было известно в Чехии, Польше, Англии и Франции.

С оформлением сословно-представительной монархии дворянство, добившееся права участвовать в управлении государством, начинает считать себя членами святой короны. Эти социально-политические сдвиги нашли свое отражение в теории святой короны, которая как самостоятельное учение впервые была сформулирована в частной кодификации венгерского феодального права – «Трипартитуме», составленном в 1514 г. И. Вербёци. Согласно Вербёци, якобы уже при выборах первого венгерского короля общество предоставило «святой короне» и тем самым коронованному королю вместе с верховной властью также право возведения в дворянское достоинство, право земельных пожалований, а также наделения судебной и законодательной властью. Таким образом, территория государства стала территорией святой короны, королевские доходы и владения – владениями святой короны, все права собственности брали в ней свои начала, и владельцы свободных имений получили долю власти и именовались теперь членами святой короны. Особое значение приобрела церемония коронации, во время которой власть по воле сословий нисходила на вновь избранного короля, а тот в свою очередь в особой коронационной грамоте приносил торжественную клятву соблюдать права и привилегии дворянского сословия².

Современный венгерский историк права Л. Петер, проведя текстологический анализ венгерского средневекового законодательства, показал, что, несмотря на всю последующую риторику сословий о том, что корона принадлежит не королю (*corona regia*), а стране (*corona regni*), с формально-юридической точки зрения взаимоотношения короны и короля остались неизменны. В начале XVI в., как и в раннее средневековье, корона принадлежала

королю и никому иному. Сословия включались в понятие короны лишь в том смысле, что у них была доля тех прерогатив, которыми в средние века располагал король, но термин «корона королевства Венгрии», к которому так часто прибегали сословия, все так же обозначал власть и достоинство короля и включал в себя прерогативы королевского сана. Корона могла принадлежать сословиям лишь в одном специфическом смысле: они обладали правом избирать короля на своих сословных собраниях, когда трон был вакантен. Однако необходимо различать право заполнять вакантное место, с которым связаны определенные полномочия, предоставляемые короной, и право осуществлять власть в рамках этих полномочий. Первое являлось не чем иным, как формой легитимации власти и выражалось в передаче короны св. Иштвана достойному претенденту, второе – имело отношение к субъекту, наделенному прерогативами, предоставляемыми короной, а это мог быть исключительно сам король³.

Вне зависимости от сугубо правовых трактовок взаимоотношений господствующего класса и короля, корона в венгерском общественном мнении все прочнее связывалась со страной и ее благополучием. Можно предположить, что вера, будто только святая корона делает власть вновь избранного короля законной, стала результатом веков феодальной раздробленности, политической нестабильности, смены правящих династий на венгерском престоле. Показателен пример Карла Роберта Анжуйского (1308–1342), который трижды короновался аналогами святой венгерской короны прежде чем сумел заполучить подлинные регалии и короноваться в четвертый раз. В 1440 г. Елизавета Люксембург, вдова короля Альберта (Альбрехта) Габсбурга, выкрала венгерскую корону, тайно короновала ею своего новорожденного сына Ладислава (венгерский король Ласло V), а потом за 2 500 гульденов продала корону императору Священной Римской империи Фридриху III Габсбургу. Венгерский король Матяш I Корвин (1458–1490), чтобы не оказаться в положении Карла Роберта, предпочел обойтись вообще без коронации. Пять лет он военными и дипломатическими средствами пытался вернуть регалию, пока в 1463 г. наконец не добился своего в обмен (уже!) на 80 000 гульденов и обещание, в случае отсутствия законного наследника, передать венгерский престол Габсбургам. Антонио Бонфини, итальянский гуманист и придворный историк Матяша, привел в своем сочинении слова палатина Михая Орсага: «Если ты видишь кого-либо коронованного святой короной, даже если это бык, окажи ему почести и обращай с ним как с королем»⁴.

Поначалу Габсбурги не придали значения особому месту венгерской короны в общественном сознании. В 1551 г. корона была вывезена в Вену, а затем в Прагу, что формально не запрещалось законом, но вызвало сильнейшее недовольство в среде венгерского господствующего класса. После возвраще-

ния короны на родину в 1608 г. драгоценную регалию было предписано хранить в Пожони (Пресбурге)* под надзором двух хранителей короны, которых сословия избирали из четырех кандидатов, двух католиков и двух протестантов баронского достоинства. Запрещалось вывозить корону из страны без согласия сословий. Если раньше корону охраняли наемные солдаты, то теперь, в соответствии со ст. 18 от 1608 г. «Свода венгерского права», было создано специальное войско (*custodes coronae*), расходы по поддержанию которого несли и король, и сословия.

Последовавшие затем отмена выборности короля (1687 г.) и признание права наследования по женской линии дома Габсбургов (1723 г.) мало отразились на судьбе короны и церемонии коронации. Габсбурги предпочли официально признать, что корона не может считаться собственностью династии или монарха и принадлежит государству, символизирует высшую власть и единство монарха и политической нации. Со своей стороны сословия продолжали считать корону св. Иштвана единственным источником легитимной королевской власти. К началу XVII в. относится появление первого сочинения по истории короны – труд бывшего хранителя короны Петера Реваи. Он доказывал, что корона обладает притягательной силой, которая сильнее магнетической, что корона «сверхъестественным» образом влияет на судьбы Венгрии: пока корона в стране, венгров хранит Бог, когда же корона вывозится из страны или с ней обращаются небрежно – на них обрушиваются страшные несчастья⁵.

Иосиф II при вступлении в 1780 г. на венгерский престол не собирался провоцировать конфликт с сословиями. Поначалу он отложил коронацию, чтобы не подтверждать в коронационной клятве феодальные привилегии, которые намеревался отменить. Канцлер граф Ференц Эстерхази испросил у императора аудиенцию, чтобы лично убедить государя: промедление в этом вопросе может привести к самым непредсказуемым последствиям. Император проигнорировал добрый совет. Когда же придворная канцелярия в письменной ноте на высочайшее имя, составленной многоопытным советником Шандором Пастори (1749–1798), привела доводы в пользу скорейшей коронации, Иосиф, не понимая особого места венгерской короны в политической культуре Венгрии, решил поглумиться и начертал цитату из Горация: «*Risum teneate, amici?*», тем самым ясно дав понять, что ему смешны все аргументы его советников⁶.

Следствием нежелания Иосифа короноваться стала, в частности, неразбериха с земельными пожалованиями, поскольку корона считалась источником права на земельную собственность, и любые распоряжения некоронованного (с точки зрения венгерского права – незаконного) короля не имели юридической

* Современная Братислава (Словакия).

силы. Служащий венгерской придворной канцелярии Мартон Палашти записал в своем дневнике случай, относящийся к 1782 г. Когда Иосиф II пожаловал графу Радаи земельное владение, старик ответил: «Я еще не выжил из ума, чтобы принять грамоту от некоронованного короля»⁷. Этот поступок более похож на эффектный жест, чем демонстрирует опасение поставить под сомнение право собственности, но точно отражает отношение венгерского господствующего класса к отсрочке коронации.

Наиболее гневным обвинением некоронованного монарха стала поэма П. Аньоша «Король в шляпе». В ней порицания за нарушения законов смешаны с упреками в небрежении «святой верностью» венгров. Поэт не находит в венгерской истории примеров, оправдывающих поступок императора: «Такого у нас еще не бывало, / Чтобы король наш был без короны». Поэт напоминает о том, чего стоило Матяшу Корвину вернуть в страну сокровище. Обещая Иосифу, что с ним «еще и по-другому обойдутся», Аньош требует коронации по всем правилам: «Ведь без короны ты не станешь нашим королем ... / Мы желаем, в соответствии с законами нашей страны, / Чтобы чело твое озарилось светом короны, / Чтобы ты принес клятву нашим древним обычаям, / Нашим оплаченным кровью свободам»⁸.

Следующим шагом императора стала отправка в 1784 г. венгерской короны из Пожони в Вену, где уже хранились коронационные атрибуты других подвластных Габсбургам земель. Поступок императора бросил тень на все его начинания: отныне что бы ни делал Иосиф II, все воспринималось с крайней враждебностью. За императором закрепилось презрительное прозвище «король в шляпе», по стране стала ходить гравюра, на которой изображена не состоявшаяся в действительности коронация, где у Иосифа не было головы. Так на первый взгляд незначительный инцидент предопределил в конечном счете провал всей политики императора.

Современники событий, позднее вспоминая об обстоятельствах отправки короны в Вену рассказывали о зловещих обстоятельствах, сопровождавших этот шаг императора. Й. Керестеши писал в своих мемуарах, что два венгерских офицера, сопровождавших корону в Вену, с тех пор уже никогда не возвращались на родину, а трое из четырех гвардейцев вскоре умерли. Кроме того, и Керестеши, и писатель Дугонич, сообщают, что когда кортеж с короной тронулся в путь, над городом пронесся страшный вихрь и начался град из камней. Скоропостижная кончина непосредственных исполнителей приказа не подтверждается документально⁹, но все эти реальные и вымышленные подробности воспринимались современниками как знаки божественного провидения.

Комитатские собрания незамедлительно опротестовали отправку короны в Вену и заявили, что «не могут пройти мимо нарушения своих прав»¹⁰. Замеча-

тельный образец рассуждений о том, что такое святая венгерская корона и почему венгры столь взволнованы ее вывозом из страны, находим в обращении на высочайшее имя комитата Темеш. «Каковы бы ни были причины того, что страна так беспокоится о короне, – писали дворяне в 1784 г., – потому ли, что почитает ее как святое сокровище, или потому что хочет ею засвидетельствовать, что верховная власть разделена между королем и сословиями, или, наконец, потому что видит в ней нить, которой соединяется король с нацией, ясно только одно: предки наши завещали нам беречь корону пуше зеницы ока». И далее: «Мы знаем, и, верно, предки наши тоже знали, что связь между королем и подданными выражается не во внешних знаках, но поскольку свои чувства люди в состоянии раскрыть только с их помощью ... корона навсегда останется для нас святой и будет символизировать наши верность и долг перед монархом»¹¹.

Протесты не прекращались вплоть до конца 80-х годов. Так, в декабре 1789 г. в анонимном обращении к императору говорилось: «Коронация – это не какая-нибудь пустая и суеверная церемония, это торжественное возведение на престол ... чтобы государь имел столько власти, сколько нация передает ему по своим законам, и чтобы он правил королевством в согласии с народом и на законных основаниях»¹². Декретом от 28 января 1790 г. смертельно больной император предписал вернуть венгерскую корону в Венгрию. Весть эта вызвала в венгерском обществе бурю ликования, которое не могла ни омрачить, ни затмить никакая другая новость. 17 февраля, в день отправки короны из Вены, скончалась от родов близкая родственница императора, эрцгерцогиня Елизавета. Вот как преподнесла два этих события газета «Хади эш маш невезетеш тёртенетек»: «Двойственное чувство возникло у нас в сердцах после получения этого траурного известия: глубокая печаль и великая радость. Мы скорбели и скорбим о смерти эрцгерцогини Елизаветы, но мы обрадовались, когда собственными глазами увидели торжественную отставку в Буду драгоценного сокровища нашей родины, венгерской КОРОНЫ»¹³.

Немедленно по получении декрета от 28 января комитаты с удвоенной энергией начали требовать проведения законной коронации. В обращении дворян комитата Пешт к императору Иосифу читаем: «Эта законная, без каких-либо оснований отложенная церемония вот уже в течение девяти лет отвергается Вашим Священнейшим Величеством, что стало причиной стольких ран, стольких несправедливостей, стольких ужасных неприятностей». И далее: «Мы убеждены, что всю эту череду прискорбнейших несчастий не уничтожить ... если не короноваться святой короной королевства»¹⁴.

По мере продвижения короны к столице газеты подробно информировали своих читателей, как был устроен праздничный поезд, что представлял из себя ящик, в котором хранилась корона, сколько на нем было замков, у кого нахо-

дились ключи, кто стоял в охране, что происходило в городах во время торжеств в честь возвращения святой короны. Казалось, что жизнь в королевстве остановилась, и все затаив дыхание ожидают прибытия реликвии. Впервые в истории Венгрии корона была выставлена для публичного обозрения. Средневековые миниатюры свидетельствуют, что художники не знали, как на самом деле выглядела корона, и порой рисовали ее так, как им подсказывала их фантазия.

Отмена реформ просвещенного абсолютизма в Венгрии на время парализовала центральные органы власти, и реальными хозяевами в стране стало комитатское дворянство. Свою радость по поводу восстановления прежней формы правления они выражали не только в восторженных обращениях на высочайшее имя, в которых вновь звучал мотив вечной верности монарху. Зримым воплощением торжества, охватившего венгерское дворянство, стало стремление уничтожить все, что напоминало о годах реформ «императора-деспота». Вот что писал А. Шлёцер в газете «Штатс-Анцайген», опираясь на сообщения своих венгерских корреспондентов, о событиях тех дней: «Буквально все, что в течение десяти лет было достигнуто с величайшим трудом и доставило императору Иосифу II немало бессонных ночей, за один день было снесено до основания»¹⁵.

Не доверяя охране, сформированной имперскими властями, дворяне решили сами принять участие в эскортировании короны. 33 комитата организовали 30 полувоенных отрядов, так называемых бандерий, в которых был представлен цвет провинциального дворянства. Во главе отрядов, насчитывавших в целом 1114 человек, встал барон Йожеф Орци (1736–1804) – фёншпан (глава администрации, иногда на русский язык переводится как губернатор) комитата Хевеш, масон и вольнодумец, к которому в Вене относились с подозрением. Дворяне были готовы с оружием в руках встать на пути любой новой попытки центральной власти произвольно обращаться с венгерской короной. В бандериях было немало мальчиков девяти–двенадцати лет, сыновей бандеристов. Одетые и экипированные по всей форме, они наравне со взрослыми стояли с саблями наголо в карауле у святой короны, всячески демонстрируя свою приверженность национальной святыне и древним обычаям страны¹⁶.

Бандерии сопровождали корону на всем пути следования к древней столице, передавая ее из рук в руки на границах комитатов. В отрядах, как и во всем обществе, ощущалась высочайшая степень энтузиазма, каждый чувствовал себя причастным к судьбе страны, а свою миссию видел в том, чтобы добросовестно исполнить обязательство, «взятое перед Богом, Отечеством и самим собой» – доставить корону в целостности и сохранности в Буду. Но патриотический пафос не исчерпывался восторженными клятвами. В далеко идущих замыслах венгерского дворянства бандериям предстояло стать силой, которая позволила

бы диктовать условия императору, если тот вдруг не захочет, как того требовали сословия, восстановить в полном объеме государственно-правовую автономию Венгрии и сословные права и свободы. Поэтому прав историк Ш. Марки, когда пишет, что это была не революция, но что-то вроде этого, хотя и не привело к последствиям, к которым обычно приводят революции¹⁷.

Патриотический характер и антийозефинистская направленность движения с каждым днем становились все очевиднее. В Пожони героем празднеств по случаю возвращения святой короны стал восстановленный в должности ишпана комитата Нитра М. Форгач. Жители города собрались вокруг дома графа, который за годы опалы стал символом противодействия произволу центральной власти, и приветствовали патриота музыкой и громкими выкриками. Многие отправились к границе с Австрией, чтобы первыми увидеть, как процессия с короной въедет на территорию Венгрии¹⁸. А. Дугонич в «Заметках» сообщает, будто Форгач лично выехал навстречу праздничной процессии, дабы своими глазами убедиться, что внутри ларца действительно находится корона, а не «пыльный парик Иосифа II»¹⁹. Этот эпизод, безусловно, театрален, но маловероятен, потому что корона выставлялась на обозрение жителей крупных городов на всем пути следования, в том числе и в Пожони²⁰. Вечером в городе стреляли из пушек, били в колокола, играли на музыкальных инструментах. По приказу герцога Эстерхази бедным раздавали щедрую милостыню.

Возвращение короны праздновали как символ восстановления утерянной было государственно-правовой обособленности королевства, чему радовались все без исключения жители страны. Й. Керестеши, описывая празднества в г. Дёр (Дьер), упоминает, что горожане – как венгры, так и немцы – встречали корону, стоя по обочинам дороги под флагами и выкрикивая: «Да здравствует венгерская свобода!» Поэт М. Реван в честь праздника возвращения святой короны украсил город приветственными надписями: «Сила наших законов», «Начало нашей нации», «Лекарство от наших ран», «Воскресшая свобода», «Просвет на наших небесах»: Из Дёра поезд с короной направился далее в Комаром, где в параде по случаю прибытия национальной святыни участвовали 300 дворян и 500 горожан²¹.

Восстановление прежней формы правления рассматривалось как возвращение к политико-нравственным и культурным ценностям и идеалам, которые складывались веками и от которых Иосиф захотел отлучить венгров силой за несколько лет. Видимым символом этих долгожданных перемен стала корона: Поэт Давид Бароти Сабо (1739–1819) писал: «Вернулась наша святая корона, и с ней вернулись / Старые добрые обычаи, язык и платье. Вернулась / И прежняя утерянная радость. Теперь на ноги / Свободные от рабских пут мы смело можем встать»²². После этого слова поэта Б. Вирага «вся Венгрия в святой ко-

роне»²³ или Ф. Казинци «корона – это обручальное кольцо между королем и нацией»²⁴ не покажутся преувеличением.

Крайне популярным стал в те дни жанр оды в честь венгерской короны. К нему обращались и маститые литераторы, и безвестные полковые поэты. Наибольшую известность получила поэма М. Реваи «На радостный праздник возвращения на родину венгерской короны». Она вышла отдельной брошюрой, была перепечатана некоторыми периодическими изданиями и включена в трактат Э. Хорани «Комментарий о святой венгерской короне и королях ею коронованных» в качестве приложения²⁵. Три основных мотива поэмы можно считать наиболее типичными для всех поэтических произведений в честь короны, созданных в 1790 г. Во-первых, это воспевание святой короны как национальной святыни; во-вторых, напоминание о «страшных временах», когда лишенная ее покровительства Венгрия страдала от произвола некоронованного короля; в-третьих – выражение надежды на лучшее будущее, когда нация, воссоединившись с увенчанным короной законным королем, достигнет счастья и процветания, храня древние традиции и соблюдая законы отцов. Реваи не жалея красок обличал врагов венгерской нации, не имеющих понятия, что за чудный дар небес святая корона. В этом он превосходил даже автора «Короля в шляпе» П. Аньоша, поэтому некоторые газеты не решались воспроизводить полный текст поэмы Реваи, заменяя чересчур резкие выражения многоточием²⁶.

Наиболее пышные торжества были устроены в древней столице Буде: богослужения, фейерверки, массовые гуляния. Весь город был празднично украшен, только перед зданием городского совета горела тысяча свечей, горожан угощали белым и красным вином. Радость была столь всеобъемлющей, что весть о кончине Иосифа II, которая пришла в самый разгар торжеств, замалчивали в течение нескольких дней. Архиепископ эстергомский граф Й. Баттяни писал канцлеру графу Л. Палфи: «Дворяне и горожане переполнены ликованием, и если новость о смерти императора распространится, то следует опасаться непредвиденных событий»²⁷. Кончина императора и вправду не смогла омрачить всеобщей радости. Газета «Бечи мадяр курир» вслед за траурным сообщением спешила уведомить своих читателей, что «глава отечества и нации, главнейшее и дражайшее сокровище – венгерская святая корона – уже находится в Буде вместе со всеми прочими коронационными атрибутами»²⁸.

Как раз в эти дни императрица Екатерина II писала в письме к князю Г.А. Потемкину о венгерской политике Иосифа II, своего союзника в войне с Турцией, с которым она близко общалась не один раз: «Если в чем его оправдать нельзя, то это в сем деле: сколько тут перемен было! То он от них все отнимал, то возвращал; то паки отнимал и паки возвращал». И далее: «О союзнике моем я много жалею, и странно, как, имея ума и знания довольно, он не

имел ни единого верного человека, который бы ему говорил: „Пустяками не раздражать подданных“. Теперь он умирает, ненавидим всеми. Что же было диковинного короноваться Королем Венгерским, благо что подданные привязаны к короне: мать его они спасли в 1740 году от потери всего*. Я б на его месте их на руках носила»²⁹. Высказывание Екатерины, оброненное как бы между делом, свидетельствует о доскональном знании европейской политики, тонком понимании сути внутривнутриполитических конфликтов, которая оставалась скрытой от взора самого Иосифа II.

Даже кончина императора служила в глазах венгров еще одним доказательством их правоты в десятилетнем споре с императором. В упомянутом выше трактате Э. Хорани подробно описывается история коронаций венгерских королей от Иштвана I до Марии Терезии. Книга заканчивалась словами «А некоронованному нет места среди венгерских королей»³⁰. В популярных тогда пасквилях-эпитафиях покойному императору непременно ставился в вину его отказ от коронации. В одном из таких произведений – «Смерть останавливает путника у могилы императора Иосифа II» – он назван «нелюбимый государь, / некоронованный король», который «святую корону, / красу и гордость нации, / при жизни отнял, / а после смерти вернул»³¹.

Новый император Леопольд II понимал, что умиротворить взбудораженную Венгрию можно было только путем уступок в государственно-правовой сфере и скрупулезным соблюдением внешних формальностей. Насколько значительны будут эти уступки, зависело от умения нового императора вести политическую интригу. Леопольд был осведомлен через своих тайных агентов, что венгерские дворяне-протестанты секретно вступили в переговоры со злейшим врагом Габсбургского дома – прусским королем Фридрихом Вильгельмом II. За военную и дипломатическую поддержку требования независимости Венгрии они обещали передать Пруссии административно подчиненную Венгрии Галицию.

Леопольд решил лишить дворянскую оппозицию иностранной поддержки и только потом начать переговоры с политически изолированными сословиями. В марте 1790 г. император инициировал австро-пруссские переговоры в Райхенбахе, и уже 27 июля было заключено соглашение, по которому Австрия возвращала Турции территории, захваченные в ходе недавней войны, а Пруссия в свою очередь отказывалась от поддержки венгерской оппозиции. Венгерским лидерам, лишившимся мощного внешнеполитического союзника, не ос-

* Речь идет о матери Иосифа II Марии Терезии, буквально спасенной венграми в самый критический момент существования монархии. Подробнее см. Главу I, § 3.

тавалось ничего иного, кроме как признать Леопольда венгерским королем в обмен на подтверждение автономного статуса Венгрии в рамках монархии.

Стоило Леопольду II восстановить права дворянства, как патриоты успокоились, и попытки найти замену Габсбургам прекратились. Венгерский историк И. Шош опубликовал отчет послов комитата Гёмёр, чьи протесты против централизаторских реформ Иосифа II прежде звучали особенно резко. От былой оппозиционности дворян не осталось и следа. Комитатские послы Л. Плетрич и И. Мариаши умиленно восклицали: «Именно Леопольд Второй с особым рвением добивался любви нашей нации, именно Леопольд Второй обновил в наших сердцах славную память об Австрийском доме, словом, именно Леопольд Второй, желая выполнить все наши пожелания, стремится быть нашей стране скорее отцом, чем государем, да будет Леопольд Второй тем, кому мы в знак вечной благодарности воздвигнем памятник, да будет Леопольд Второй тем, о чьем долгом правлении мы молимся, да будет Леопольд Второй тем, кого мы полюбим и будем почитать как отца, да будет Леопольд Второй тем, память о ком мы унесем с собой в могилу»³².

15 ноября 1790 г. состоялась долгожданная коронация нового императора. В венгерском обществе этому обстоятельству придавалось исключительное значение. Многие искренне верили, что с законной коронацией наступит возрождение их родины, поскольку «до сего дня счастье венгерской нации было неразрывно связано с судьбой святой короны»³³. В эти дни особенно ярко проявилась вера в то, что власть и спасающая сила короны безграничны. Казалось, что теперь, когда устраняются все препятствия на пути к процветанию, страна обязательно возродится вновь, и государь, как много лет назад, будет править «столькими землями, сколькими прочие монархи Европы едва ли когда-нибудь владели»³⁴. Уже в марте 1791 г. Леопольд, почувствовав свои позиции укрепленными, приказал распустить дворянские бандерии. Наместнический совет известил комитаты, что в недавнее время в комитатах против воли короля были сформированы бандерии для охраны короны, но поскольку теперь для этих целей восстанавливается специальное войско, полномочия бандерий заканчиваются. Там, где из комитатских касс уже были выделены деньги на поддержание отрядов, власти обязаны проследить, чтобы эти суммы были немедленно возвращены³⁵.

Подтверждение тому, что и в XIX в. корона продолжала служить символом свободы и независимости страны, находим в драматических событиях революции 1848–1849 гг. Революционеры, покидая окруженный императорскими войсками Пешт, вывезли ящик с регалиями сначала в Сольнок, затем в Дебрецен. После окончательного поражения революционной армии ящик закопали во дворе заброшенного дома в Оршове, а потом за городом, у обочины дороги.

между двумя ивами. Несмотря на то, что коронационные атрибуты находились в специальном чехле, меч св. Иштвана проржавел, а плащ отсырел. Лишь в 1853 г. ящик с регалиями был выкопан и по железной дороге отправлен в Вену. На всем пути следования архиепископ эстергомский, сопровождавший сокровища, показывал корону из окна и благословлял тех, кто пришел собственными глазами посмотреть на национальную святыню. В Вене, в дворцовой капелле, был отслужен торжественный молебен в присутствии императора Франца Иосифа I, после чего святая корона была возвращена в Буду. Церемония коронации состоялась лишь в 1867 г. как акт, увенчавший заключение австро-венгерского соглашения о дуализации империи.

В эпоху австро-венгерского дуализма (1867–1918 г.) теория святой короны становится краеугольным камнем венгерского национализма. Ей принадлежит существенная роль в идеологическом оформлении венгерской нации буржуазной эпохи. Постепенно членство святой короны распространилось на непривилегированные сословия королевства, и понятие «нация» стало обозначать все население страны безотносительно к сословным и этническим различиям. В то же время в условиях непрекращающихся конфликтов венгерского государства с невенгерскими народностями королевства теория, служившая оправданием единства земель и народов, подвластных короне, косвенно способствовала росту центробежных тенденций, возобладавших в 1918 г.

Наиболее одиозными и наименее правдоподобными, хотя и крайне популярными трудами по истории святой короны были сочинения правоведа Акоша Тимона, который в студенческие годы в Германии испытал сильное влияние немецких идеалистических правовых теорий. К постулату неделимости территории королевства он добавил идею уникальности самой теории, которой, по его мнению, не было аналогов в европейской истории. Так в начале XX в. теория святой короны превратилась в символ исключительности и превосходства венгерского национального духа. Теория служила для Тимона зримым воплощением конституционной ментальности, которая якобы была свойственна венграм с незапамятных времен и с особой силой проявилась в средние века как реакция на феодальные теории, проникавшие в страну с Запада. Этот правовед верил в мифы, которые сам творил, и всерьез утверждал, что «суверенное национальное бытие и национальная независимость венгерской нации выстоит или погибнет вместе со святой короной»³⁶.

Взгляды Тимона, получившие поддержку венгерской политической элиты, разделяло большинство венгерских ученых. Одни – по искреннему убеждению, другие – из опасения подвергнуться остракизму. Лишь в 30-е годы нашего столетия венгерские историки Ференц Экхарт и Эмма Бартониек сумели подойти к изучению теории святой короны как к объекту исторического исследования,

не абсолютизируя и не мифологизируя это явление юридической и исторической мысли³⁷. Эххарт писал, что ученые должны более пристально изучить социально-политическую историю страны, прежде чем экстраполировать правовые нормы прошлого на современное общественное развитие. Во-вторых, чтобы избежать поверхностных и даже антинаучных выводов – таких как сходство английского и венгерского конституционного развития – Эххарт настаивал на сравнительно-историческом методе. В этой связи он справедливо указывал на близость социальных систем и культурной традиции Венгрии с Польшей и особенно с Чехией, где в средние века сложилась схожая теория короны св. Вацлава³⁸.

Глубоко научный, аргументированный анализ теории святой короны, проведенный Эххартом, научное сообщество страны расценило как атаку на славное прошлое и единство венгерской нации. Патриотически настроенные ученики и последователи Тимона в университете, парламенте и прессе начали травлю ученого, который едва не лишился университетской кафедры, обвиненный в покушении на идею уникальности и непревзойденности венгерского конституционного развития.

Превращению святой короны в наглядное воплощение отечества, возможно, во многом способствовали обстоятельства, сопровождавшие ее торжественное возвращение в страну в начале 1790 г. Именно тогда тысячи простых венгров, смогли если не воочию увидеть святую корону, поскольку к ней допускались только состоятельные граждане, то эмоционально приобщиться к событию. В дни, когда любой желающий мог сделать переполнявшие его чувства всеобщим достоянием через печатное слово, поток любительских произведений по случаю праздника доказывает, какой след в душах современников оставили события тех дней. Если до 1790 г. корона была предметом ученых дискуссий и объектом политической борьбы, то теперь она зримо вошла в жизнь каждого. Совпадение ее возвращения в страну с отменой непопулярного курса реформ заставило общество поверить в ее причастность к судьбе венгерской нации.

Примечания

¹ Bécsi Magyar Kurír. 1790. 15. sz. 207. old.

² На русском языке о теории святой короны см.: Гусарова Т.П. Святая венгерская корона: теория и практика в XVI–XVII вв. // Средние века. М., 1995. Вып. 58. С. 163–170.

³ Péter L. The antecedents of the 19th century Hungarian state concept: An historical analysis. The background and the creation of the doctrine of the Holy Crown. London, 1965. P. 11–12.

⁴ Bonfinius A. Rerum Ungaricarum Decades / Ed. J. Fogel. Bp., 1941. T. IV. P. 41.

⁵ Bartoniék E. A magyar királykoronázások története. Bp., 1939. 40. old.

⁶ Marczali H. Magyarország története III. Károlytól a Bécsi kongresszusig (1711–1815). Bp., 1898. 386 old.

⁷ Miskolczy I. Egykorú vélemény II. József reformterveiről. Bp., 1937. 5. old.

⁸ Ányos P. Kalapos király. 108.–116. old.

⁹ A korona kilenc évszázada. Történelmi források a magyar koronáról. Bp., 1979. 412. old.

¹⁰ Collectio ordinationum. P. 49.

¹¹ Ibid. P. 53.

¹² Обращение на высочайшее имя дворянского собрания комитата Бихар от 4 и 6 февраля 1790 г. цитируется по брошюре из фондов Венгерской национальной библиотеки им. Ф. Сечени. P. 6–7.

¹³ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 309. old.

¹⁴ Текст обращения комитата Пешт на высочайшее имя цит. по: Pest-Pilis-Solt Vármegye Nemesi közgyűlésének iratai. Köz- és kisgyűlési jegyzőkönyvek. Protocolla congregationum. Pest Megyei Levéltár (далее – PML) Protocolla congregationum generalium et particularium. IV.3-a. 1787–1790. P. 35.

¹⁵ Staats-Anzeigen. 1790. Bd. 40. Hf. XIV. S. 172.

¹⁶ Márki S. A koronaörző nemesek naplója 1790-ből // Századok. XV. évf. 336. old.

¹⁷ Ibid. 337. old.

¹⁸ Keresztesi J. Naplója. 198.–199. old.

¹⁹ Dugonics A. Följegyzései. 60. old.

²⁰ Rend-tartás, amelly Posony, Mosony, Győr, Komárom, Esztergom és kivált Pest vármegyekben vala állítva Sz. Koronánk örvendetes Haza jövetelékor. s.l., 1790.

²¹ Keresztesi J. Naplója. 201. old.

²² Приведено в кн.: Ballagi G. Politikai irodalom Magyarországon. 294 old.

²³ Virág B. Poétai munkái. Pest, 1863. 80. old.

²⁴ Приведено в кн.: Benda K. Emberbarát vagy hazafi?

²⁵ Révay M. A haza tért magyar koronának öröm ünnepére. s.l., 1790. См. также полный и выборочный текст поэмы в следующих изданиях: Horányi E. De sacra corona regni Hungariae ac de regibus eadem redimitis commentarius. Pest, 1790. P. 353–358; Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 320.–322. old.; Orpheus. 1790. VI. sz. 218.–223. old.

²⁶ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 321. old.

²⁷ Приведено в кн.: *Király B. Hungary in the late eighteenth century. The decline of the enlightened despotism.* N.Y., 1969. P. 173.

²⁸ *Bécsi Magyar Kurír.* 1790. XVI. sz. 209.–210. old.

²⁹ Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / Издание подготовил В.С. Лопатин. М., 1997. С. 396.

³⁰ *Horányi E. De sacra corona.* P. 253.

³¹ *Mors excubans ad Tumulum Josephi II-di Imperatoris // Györi szemle.* 1935. VI. évf. 1.–4. sz. 68.–69. old.

³² *Soós I. Gömör vármegye követének beszámolója az 1790/91. évi országgyűlésről // Miscellanea fontium historiae Europaeae. Emlékkönyv H. Balázs Éva történészprofesszor 80. születésnapjára / Szerk. J. Kalmár.* Bp., 1997. 303. old.

³³ *Hadi és más nevezetes történetek.* 1790. I. félév. 311. old.

³⁴ *Bécsi Magyar Kurír.* 1790. XVII. sz. 67. old.

³⁵ *PML.* IV.3-a. P. 152–153.

³⁶ *Timon Á. A szent korona és a koronázás közjogi jelentősége.* Bp., 1907. 13. old; *Idem. Magyar alkotmány- és jogtörténet különös tekintettel a nyugati államok jogfejlődésére.* Bp., 1919.

³⁷ *Bartoniék E. A magyar királykoronázások története; Eckhart F. A szentkoronaszme története.* Bp., 1941.

³⁸ *Eckhart F. Jog- és alkotmánytörténet // A magyar történetírás új útjai / Ed. by B. Hóman.* Bp., 1931. 301.–304. old.

2. «Святая Свобода»

Категория свободы была одной из основополагающих в правосознании венгерского господствующего класса. Она трактовалась в широком и узком смысле, как свобода страны и как личная свобода дворянина. Сражаясь с османами в течение многих веков, венгерское дворянство считало себя оплотом христианской веры.

Выступая против централизаторской политики Габсбургов в Венгрии, дворяне мнили себя античными героями, сражающимися с тиранией.

После избрания в 1527 г. Фердинанда I королем Венгрии Габсбурги не оставляли попыток теснее инкорпорировать страну в систему наследственных владений, отобрать у венгерских сословий остатки самостоятельности во внутренней политике. В отличие от Чехии, где Фердинанду удалось лишить дворянство власти в пользу короля и разрушить многие сословно-феодальные структуры, упорное сопротивление венгерской политической нации заставило Габсбургов смириться с особым государственно-правовым статусом Венгрии¹. Характерно, что в венгерском общественном сознании другие народы монархии Габсбургов нередко представляли жертвами австрийского абсолютизма. Например, дворяне комитата Бихар так комментировали введение немецкого государственного языка: «Цель этого плана не что иное, как чтобы немцы завладели всем, что есть у венгров, и с помощью этого господствовали бы над Венгрией, как сейчас в Чехии над несчастными чехами, в Хорватии и Славонии над нашими братьями хорватами, в Галиции – над поляками»².

Особенностью государственно-политической системы Венгрии раннего Нового времени было законодательно закрепленное равенство прав короля и привилегированных сословий королевства. Государственное собрание королевства было тем форумом, на котором в результате компромисса между королем и сословиями принимались законы и вотивировались налоги. Именно в правовой сфере сословия пытались воздвигнуть барьер, ограждающий страну от централизаторских устремлений австрийского абсолютизма. Только в XVIII в. сословия трижды добивались законодательного закрепления того принципа, что Венгрия не должна управляться по законам и нормам других провинций монархии (ст. 3 от 1715 г., ст. 11 от 1741 г., ст. 10 от 1791 г. «Свода венгерского права»). Нет необходимости пояснять, что это требование так и оставалось на бумаге и именно поэтому вновь и вновь возникало в диалоге сословий и центральной власти.

Когда в середине XVIII в. в Венгрии получили широкое распространение труды английских и французских теоретиков государства и права, стало принято ссылаться на так называемую венгерскую конституцию, которая хотя и не была письменно зафиксирована, содержалась как в официальных сборниках законов, так и в устной традиции правовой практики. Х. Марцали установил, что само слово «конституция» впервые появилось в обращении на высочайшее имя комитата Бихар в 1786 г. Оно стало собирательным для таких понятий, как «обычай, права, свободы и привилегии венгерского дворянства». К понятию конституции разные юристы в разное время относили параграф 9 главы I «Трипартитума» (т. н. *Primae nonus*), первоначальный договор короля с народом, «Золотую буллу» 1222 г. Эндре II, коронационные грамоты, статьи, под-

тверждающие *Primae nonus*, а также ряд других законов и мирных договоров, имевших принципиальное значение³.

В венгерской политической и юридической мысли изучаемой эпохи проводилось принципиальное различие между государственно-правовыми системами Венгрии и Австрии. Считалось, что венгерские законы рождаются не по воле государя, а с согласия политической нации и подкреплены соответствующими законодательными актами, договорами и грамотами. Поэтому Венгрия, хотя с самого своего возникновения была монархией, но, поскольку управлялась в соответствии с законами, была «свободным королевством» (*regnum liberum*). Австрия же, поскольку в ней власть императора ничем не ограничена, в венгерской политической литературе именовалась не иначе, как «чистая» или «абсолютная» монархия (*pura monarchia*)⁴.

Это противопоставление отражало разные взгляды венгерского господствующего класса и австрийской политической элиты на принципы государственного устройства. Венским правящим кругам не хватало понимания того, что сословное представительство является по сути первым шагом к представительству конституционному. Они также считали возможным менять государственно-правовые системы отдельных земель в зависимости от интересов монархии в целом. Например, в 1815 г. австрийский чиновник фон Рошман писал императору в особой записке: «В порядке вещей подчинять конституции отдельных составных частей монархии – несмотря на их правовую основу – задачам сохранения целого и меняющимся в зависимости от обстоятельств потребностям»⁵. Поэтому венгерское дворянство видело одну из своих политических задач в охране особого государственно-правового статуса королевства. «Ведь неограниченная королевская власть всегда опасна, – писал Г. Берзевици, – всегда таит погибель для народа. Там, где возвышается неограниченная королевская власть, нет никакого постоянства принципов, никакой безопасности – этих главных опор блага человечества и государства»⁶.

Главным оружием венгерских сословий против «произвола центральной власти» было законодательство, «которое введено было для предотвращения тирании и с чисто монархическим управлением ... согласоваться никак не могло»⁷. Эта убежденность позволяла дворянам утверждать, что «не пристало свободному королевству быть на службе у империи»⁸, и требовать, чтобы Венгрией правили в соответствии с ее собственными законами, которые «не похожи ни на какие другие и не могут ставиться в зависимость от правовых норм прочих провинций»⁹. Вера во всеислие закона подвигла дворянство обратить преимущественное внимание на создание прежде всего правовых гарантий для защиты «Святой Свободы», т. е. привилегий дворянского сословия и политической автономии королевства в рамках империи Габсбургов.

Свобода страны была неразрывно связана со свободой членов политической нации королевства – привилегированных сословий. Согласно *Primaepontus*, дворянин не мог быть арестован без предварительного вызова в суд и законного приговора, он подчинялся только законно избранному королю, освобождался от всех налогов и повинностей, взамен которых нес службу в дворянском ополчении. В глазах самого дворянства эти предоставленные по закону привилегии символизировали полноту прав и одновременно равноправие всех членов господствующего класса, консолидировали его в общность, противостоящую как королевской власти, так и непривилегированным сословиям королевства.

В ряду сословных свобод налоговый иммунитет занимал особое место. В средние века предоставление дворянству земельных владений оправдывалось необходимостью поддерживать воинское сословие, чьи расходы были велики и чьи услуги требовались постоянно. Дворянское ополчение было известно с XIII в. Оно созывалось королем в случае вторжения иноземного войска для изгнания неприятеля из пределов страны, но никогда не использовалось для заграничных походов. С созданием в середине XVII в. австрийской, а в 1715 г. – венгерской регулярной армии дворянское ополчение утратило свое значение, но связь налогового иммунитета с обязательством воинской службы осталась. В конце XVIII в. дворянство продолжало считать обязательство по первому зову короля взяться за оружие своей важнейшей функцией в государстве, доказательством своей верности королю, формой служения Отечеству.

Служба в дворянском ополчении была для господствующего класса известным моральным оправданием исключительного статуса в королевстве. Ношение же оружия казалось дворянам занятием, лучше всего соответствующим званию дворянина. «Своим происхождением дворянство обязано оружию и оружием же должно поддерживать свое положение в обществе», – писал в «Размышлении о дворянском ополчении» Миклош Шкерлец¹⁰. Взаимосвязь налогового иммунитета с военной службой казалась столь естественной, столь разумной и справедливой, что даже дворянские мыслители прогрессивных убеждений скорее искали аргументы в пользу сохранения существующей системы, нежели способы изменения этого порядка. Как писал М. Форгач, предлагающие упразднить налоговый иммунитет дворянства «не только подрывают законы страны, но и переходят гибельные для естественного равенства границы, а также подвергают королевство явной несправедливости»¹¹.

Вообще, Форгач, несмотря на то, что был сторонником идей Просвещения и разрабатывал проекты расширения представительства недворянских сословий в Государственном собрании¹², не мог согласиться с тем, что у дворянства может быть отнят налоговый иммунитет. В анонимном памфлете «Ясные тре-

бования к наилучшему государю» он доказывает разумность и справедливость существующего общественного устройства. Во-первых, владение поместьем оплачивается военной службой, а в последнее время постоянной готовностью взяться за оружие. «Пусть все то, что переходило бы государю через годовой налог с дворян, дворянство же ежегодно потребляет; в случае необходимости все это, словно накопленный в дворянстве капитал, государь не без пользы для себя получит, употребив для отпора врагу», – утверждалось в памфлете. Во-вторых, освобождение от уплаты налога позволяет венгерским помещикам оказывать дополнительную помощь и поддержку своим зависимым людям. В-третьих, что дает недворянин по статье налога, не идет ни в какое сравнение с тем, какими расходами обременен дворянин, занятый воспитанием своих потомков во имя общего блага¹³. Наконец, в-четвертых, из-за введения всеобщего налогообложения «благородный дворянства дух и рвение оказать в случае необходимости помощь королю превратились бы в рабское послушание, и у дворянства не стало бы удобного случая засвидетельствовать государю свое благородство»¹⁴. М. Шкерлец в «Размышлениях» также писал: «Дворянские привилегии должны остаться неприкосновенными именно потому, что с ними неразрывно связаны определенные обязательства». Ему виделось противоречие в том, что дворянство будет принуждено платить налоги и одновременно исполнять свой воинский долг. Кроме того, по мнению Шкерлеца, почти все привилегии, которыми располагает дворянство, предоставлены ему за несение воинской службы¹⁵.

Привилегированный статус дворянства казался столь естественным и социально справедливым, что даже труды виднейших философов французского Просвещения были призваны в глазах большинства дворянских мыслителей скорее оправдать, чем поставить под сомнение сословный характер венгерской государственно-правовой системы. В этой связи характерна судьба сочинений Шарля Монтескье, чья книга «Дух законов» стала едва ли не самой популярной и читаемой в империи. Уже в 1753 г. она была изъята из списка запрещенной литературы, и вскоре книгу Монтескье на французском, немецком, а впоследствии на венгерском языке можно было купить во всех крупных городах монархии. Друг Монтескье, некий Калдуэлл, путешествовавший по Венгрии, был немало удивлен, когда в Пожони у скромного уличного торговца обнаружил не менее двадцати экземпляров «Духа законов»¹⁶.

Согласно Монтескье, правление бывает республиканским, монархическим и деспотическим. У каждого правления есть своя природа (то, что делает его таким, каково оно есть) и принцип (то, что заставляет его действовать). Законы, соответствующие принципу правления, приводят в движение все пружины правления. Разложение каждого правления почти всегда начинается с разложе-

ния принципов. Будучи спроецированными на монархическое правление, тезисы Монтескье звучат так: природа правления состоит в том, что управляет один человек, но посредством установленных, неизменных законов. Принцип монархии есть честь, а следовательно, законы должны поддерживать знать, которая есть создатель и создание этой чести. Именно поэтому монархия разлагается, когда мало-помалу начинают отменяться привилегии сословий¹⁷. Таким образом, получалась схема, которая во многом совпадала с представлениями венгерского дворянства о своей исключительной роли в государстве, о святости древних установлений королевства, в том числе налогового иммунитета привилегированных сословий.

Высокая оценка роли знати и ее сословно-представительных учреждений, данная Ш. Монтескье, льстила венгерскому дворянству, которое гордо именовало себя нацией и считало свои интересы тождественными интересам страны. Любому дворянину здесь подписался бы под фразой: «Нет дворянства – нет монарха, ибо в монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом». Просвещенных дворян, не желавших отказываться от налогового иммунитета, не могло не убеждать в их правоте следующее утверждение философа: «Дворянские земли должны обладать привилегиями, подобно лицам, нельзя отделить достоинство государя от достоинства его государства, точно так же нельзя отделить достоинство дворянина от его поместья»¹⁸. Так концепция дворянской монархии Монтескье, сохранившая ряд феодальных черт, вошла в круг теоретических представлений венгерского дворянства, которое охотно заимствовало из нее то, что его устраивало, феодализировало до известной степени идеи французского философа, перекраивало их на свой лад.

Во второй половине XVIII в. сословно понимаемая категория свободы все резче критиковалась выходцами из третьего сословия, фактически лишенными доступа к активной политической жизни, и сторонниками просвещенного абсолютизма, выступавшими за перераспределение властных полномочий в пользу центральной власти. И те, и другие видели в сословной «конституции» лишь нагромождение анахронизмов, а в комитатском самоуправлении – прежде всего источник вседозволенности и безнаказанности дворянства. Они полагали, что только мудрый монарх мог стать инициатором и гарантом справедливого переустройства общества, а централизация и подчинение всех органов власти монаршей воле – надежной защитой от злоупотреблений, необходимым условием функционирования государственной машины.

Сторонников усиления центральной власти в среде господствующего класса было немного и их позиция не пользовалась популярностью. Выразители подобных взглядов рисковали навлечь на себя ненависть и презрение патристически настроенных соотечественников. Например, во время Государст-

венного собрания 1763–1764 гг. венские власти попытались убедить венгерские сословия отказаться от налогового иммунитета. Придворный библиотекарь императрицы (словак по происхождению) Адам Коллар написал книгу, в которой выводил право короля облагать привилегированные сословия налогами из древних законов страны¹⁹. Возмущению дворян не было предела, и они в знак решительного протеста против покушений на основополагающие законы королевства торжественно сожгли сочинение Коллара.

В числе тех немногих, кто во всех конфликтах сословий и центральной власти искренне занимал сторону абсолютизма, был граф Ф. Балашша. Его переписка с кабинет-секретарем К. Мак-Ненни в 60-е годы свидетельствует о глубоком неприятии такой политической системы, где дворянство безраздельно господствовало над низшими сословиями и не подчинялось распоряжениям центральной власти. Балашша считал, что только путем «реформ сверху» можно облегчить положение простых налогоплательщиков, вынужденных брать на себя часть общественных расходов, от оплаты которых уклоняется дворянство. Он ассоциировал с системой сословного представительства такие понятия, как «тирания», «дикость», «жестокость», и сурово критиковал членов своего сословия, превративших выборные должности в комитатской администрации в источник личной наживы²⁰. Балашша полагал, что вступление в силу того или иного закона, а также назначение на ключевые должности должно зависеть от воли мудрого монарха, а не отдаваться на откуп сословиям, озабоченным сохранением своего исключительного статуса. Позиция графа Балашша и его единомышленников (а он настойчиво рекомендовал верных абсолютизму людей на ключевые посты в государственном аппарате) не могла вызвать в среде венгерского дворянства ничего, кроме раздражения, отчуждения, возмущения. Однако нельзя, вслед за современниками, отказывать Балашша в любви к родной стране только из-за того, что безоглядная преданность Габсбургской династии (недаром его излюбленное слово – «рвение») всегда стояло в его письмах впереди такого понятия, как «любовь к отечеству».

Другим символом антипатриотизма в глазах венгерского общества был младший современник Балашша – барон Йозеф Изденци. Выходец из небогатой дворянской семьи, он с завидным упорством прокладывал путь к вершинам власти, сделав служение абсолютизму целью и смыслом своей жизни. Долгое время он работал в Венгерской придворной канцелярии, и его служебное рвение не осталось незамеченным: в 1785 г. Изденци первым из венгров стал членом Государственного совета – высшего совещательного органа при монархе. Было бы трудно найти более подходящую фигуру для совета, рассматривавшего Габсбургскую монархию как единое целое и отказывавшего Венгрии в праве на государственно-правовую автономию²¹. Прекрасный зна-

ток венгерского права, Изденци считал необходимым развенчать как несостоятельные претензии дворянства на верховную власть в стране. Комплекс прав и свобод королевства он называл не иначе, как «бабушкиными сказками»²², и доказывал, что Венгрия всегда была «монархией», а не так называемым «свободным королевством».

Венгерские сторонники просвещенного абсолютизма – подобные Ф. Балашша или Й. Изденци – не учитывали той позитивной роли, которую продолжало играть дворянство, созданная им система управления и выработанная им идеология в общественно-политической жизни Венгрии. Замечательный историк Ш. Домановски в «Жизни палатина Иосифа» заметил, что апологеты центральной власти из-за своего рационализма «просто не знали, что же им делать с историей». Они не понимали, что о сложных социальных процессах и идеологических построениях нельзя судить, опираясь только на доводы «здравого смысла». Им казалось, что с помощью рассудка они смогут найти верное толкование того или иного факта, события или процесса и тем самым рассеять туман и сбросить пелену заблуждений. Не случайно их излюбленными словами стали «предрассудок» и «злоупотребление»²³.

Так, в вопросе о налоговом иммунитете дворянства сторонники абсолютизма, следуя законам формальной логики, утверждали, выражаясь словами британского путешественника Р. Таунсона, что с созданием регулярной армии вклад венгерского дворянства в защиту отечества стал равен нулю и что оно ревниво следит за неприкосновенностью своих привилегий, поскольку печется лишь о своей непосредственной выгоде²⁴. Однако в XVIII в., как и в средние века, дворяне были обязаны наряду с ополчением содержать вооруженные отряды – бандерии или, если не могли снарядить целый отряд, то выставляли в комитатское войско определенное число солдат. И численность отрядов, и количество солдат находились в прямой зависимости от размеров земельной собственности, поэтому требование дворян – или сохранить налоговый иммунитет, или освободить их от (пусть даже ставшей во многом формальной) обязанности выставлять рекрутов в комитатские отряды – можно считать логичным и отчасти справедливым²⁵.

Помимо вооруженной защиты отечества дворянство составляло костяк органов центрального и местного управления. Как правило, эта работа оплачивалась крайне скудно, а часто вообще не оплачивалась, поскольку служба на благо родины считалась священным долгом дворянина. Аристократы и в самом деле могли позволить себе занимать ответственные должности в государственном аппарате из любви к родной стране, но аристократическая прослойка была относительно тонка. Для многих мелких и средних дворян служба в органах

центрального и местного управления, даже за весьма скромное денежное вознаграждение, была в буквальном смысле слова средством к существованию.

Конечно, далеко не все представители господствующего класса компенсировали налоговый иммунитет гражданской или военной службой на благо отечества, но утверждать, что «вклад дворян в поддержание благосостояния страны равен нулю» означает увидеть только одну сторону проблемы. Иной вопрос, что при существующем общественном устройстве власть была уделом и монополией дворян. Высокообразованные выходцы из непривилегированных сословий не могли заседать в комитатских дворянских собраниях или избираться послами на Государственное собрание королевства. Самым талантливым из них приходилось довольствоваться скромными должностями секретарей при политических деятелях-дворянах. Попытка коренным образом реформировать венгерскую государственно-политическую систему была предпринята в правление Иосифа II.

Император вступил на престол в 1780 г. с честолюбивыми мечтами о справедливом переустройстве общества и глубокой верой в то, что воля абсолютного монарха превышает прерогатив сословного представительства и силы традиции. На смену сословному неравенству должно было по его замыслу прийти более справедливое общественное устройство, в котором все подданные платят справедливые налоги, обладают правами, не зависящими от сословного происхождения, и несут равную ответственность перед законом за одинаковые преступления. Именно при Иосифе II в венгерском обществе резко повысилась социальная мобильность. Талантливые выходцы из третьего сословия возводились в дворянское достоинство, мелкие дворяне получали баронские и графские титулы. (Напомним, что, выдающийся юрист Й. Хайноци только в годы правления Иосифа II смог наконец официально занять должность вице-ишпана, которая была его мечтой многие годы.)

Император, свято веривший в непогрешимость собственных представлений о том, как должно быть устроено общество, не учитывал, что архаичная и далеко несовершенная венгерская правовая система веками стояла на страже остатков самостоятельности королевства, и неосторожное вмешательство центральной власти могло вызвать решительное сопротивление даже тех, кто поначалу разделял просвещенные идеалы своего государя. Готовя введение всеобщего налогообложения, Иосиф II в 1784 г. приказал провести перепись населения (конскрипцию), обмер земельных владений и нумерацию домов, что прямо нарушало закон 1598 г. о неприкосновенности дворянского жилища. Чтобы провести эти мероприятия быстро и с наименьшими затратами сил, Иосиф решил прибегнуть к помощи армии, поскольку офицерский корпус имел необходимую инженерную подготовку. Однако когда по улицам венгерских го-

родов и сел замаршировали бравые солдаты, бесцеремонно входившие во дворы и развешивавшие номерные знаки на дома, чаша терпения венгерского дворянства переполнилась. Как уже говорилось выше, граф М. Форгач за особо резкий протест, пришедший из возглавляемого им комитата Нитра, лишился всех званий и чинов и особым декретом был объявлен сумасшедшим.

До самой смерти Иосифа II в 1790 г. венгерское дворянство жило в ожидании самого страшного – отмены налогового иммунитета. В одном из пасквилей о планах императора было сказано так: «Он ненавидел, он терпеть не мог дворян, / Хотел обложить их налогом. / Этим он желал окончательно разрушить законы / И вместо них ввести податные сословия»²⁶. Перепись, как ее задумал и пытался осуществить Иосиф, грозила привести к открытому неповиновению, поскольку как никогда ранее дворянство почувствовало реальную угрозу не только своему статусу, но и собственности, и даже жизни. Неудачную попытку введения всеобщего налогообложения можно считать поворотной точкой во взаимоотношениях сословий и просвещенного абсолютизма, после 1784 г. их мирное сосуществование становится невозможным. Дворяне комитата Темеш писали: «Насилие никогда не шло на пользу внутреннему устройству государств, для этого подходят только законы, которые служат общему благу»²⁷. Не случайно, что после отмены реформ Иосифа II в 1790 г. первое, что сделали дворяне – сбили номерные знаки со своих домов.

Наиболее частым мотивом в политической литературе конца 80-х годов стали сетования на то, что отечество находится «в руинах», «в упадке», «в большой беде». Он звучит, например, в названии одного из анонимных памфлетов – «Тяжело больная Венгрия обращается за помощью к наследнику короны и сословиям королевства, сошедшимся на Государственное собрание в 1790 году»²⁸. Причиной упадка стал, по мнению современников, недостаток патриотизма в венгерском обществе. Автор анонимного памфлета «Размышления одного истинного патриота в 1790 году» полагал, что если бы все заняли твердую позицию, защищая венгерские законы, Иосиф II не смог бы причинить столько ущерба королевству, и свобода страны не оказалась бы окончательно подавленной²⁹.

Рост недовольства в Венгрии совпал с глубоким кризисом, который на исходе 80-х годов переживала система просвещенного абсолютизма. Революция в Бельгии, поглощавшая все больше сил и средств война с Турцией, наконец, революционные события во Франции толкали венгерское дворянство к открытой конфронтации с Габсбургами. Характерно, что начальный, так называемый конституционный период Французской революции венгерское дворянство в массе своей воспринимало как частный случай конфликта между сословиями и абсолютизмом, поэтому восстание в Бельгии и революция во Франции были

для них событиями одной социальной природы и примером достойным для подражания. В одном из стихотворных памфлетов прямо говорилось: «Счастлиное время, путь француз, бельгиец указывает / Француз, бельгиец показывает пример, так неужели ты не осмелишься?»³⁰

Угрозы прекратить мобилизацию рекрутов и поставки продовольствия армии³¹ звучали столь громко, что отзвуки доходили даже до России. Г.А. Потемкин в письме к Екатерине II менее, чем за неделю до знаменитого декрета от 28 января 1790 г., писал: «Теперь скажу о союзнике нашем, как он по несчастью, через сущие безделицы навлек сумнение на себя в своих землях. По случаю наряда войск новых в Венгрии Штаты (сословия. – О.Х.) Ему задали ответ, что Короля у них нет, ибо он еще не короновался. Страх, истинно, слушать, как они раздражены и говорят так смело, что уши вянут»³².

Возврат к прежней форме правления в январе 1790 г. стал личной победой всех, кто считал себя венгерским патриотом. Наибольший восторг вызвало желание смертельно больного Иосифа созвать после четвертьвекового перерыва Государственное собрание. Это рождало надежду на то, что там сословия наконец выскажут императору свои жалобы и предложения. В своих обращениях на высочайшее имя комитатские собрания выражали сожаление по поводу непонимания, царившего между нацией и королем. Дворяне комитата Пешт писали: «Мы тем более глубоко скорбим, что в нас горит искренняя любовь к отечеству, мы с доверием относимся к любым законным требованиям государя и законным путем готовы все отдать на благо нашей родины»³³.

Однако чувство моральной победы не могло быть полным, пока теоретически существовала возможность возврата к временам «беззаконий и подавленной свободы». Граф Антал Амаде в своей речи перед дворянами комитата Нитра искренне признавался, что он не так радуется тому, что венграм (как того требует справедливость) возвращены их прежние законы и свободы, сколь содрогается, когда оценивает, как быстро они утратили все то, что предки их столькими трудами, пролив столько крови снискали и сохранили. Он призывал дворян задуматься над тем, как укрепить и защитить венгерские законы – залог «святой свободы» – «от уловок враждебных подстрекателей»³⁴.

Прежде чем приступить к обсуждению текста коронационной грамоты, предстояло обсудить и принять текст присяги самих членов Государственного собрания. В проекте присяги говорилось: «Я клянусь, что буду делать только то, что считаю необходимым и полезным для сохранения законов и прав сословий, для вечного счастья всего народа и поддержания податного сословия». И далее: «Обещаю всеми силами разрабатывать такие установления, которые могли бы сохранить и защитить права, величие исконно свободного по своей природе, а также независимого королевства»³⁵. Таким образом, одновременная

защита свободы страны и свободы политической нации путем защиты правовой системы королевства понималась сословиями как первоочередная задача.

Реформы Иосифа II оказали колоссальное воздействие на венгерское общество. Прав современный австрийский историк М. Чаки, когда пишет, что корни венгерского либерализма и консерватизма следует искать именно в десятилетнем правлении императора. Одна часть общества поставила перед собой задачу так укрепить венгерские законы «вопреки всем зловключениям и переменам, которые неизбежно сопутствуют времени и человеческой судьбе, чтобы ни течение времени, ни капризы фортуны, ни произвол недоброжелателей не могли их ни поколебать, ни уничтожить»³⁶. Другие уже не довольствовались восстановлением *status quo* и настаивали на пересмотре феодальной конституции.

Требование усовершенствовать законодательство королевства в соответствии с духом времени, т. е. отменить сословные привилегии дворянства и даровать равные гражданские права всем жителям королевства все настойчивее высказывали выходцы из третьего сословия, стремившиеся попасть в политическую элиту. Й. Хайноци, рассуждая о несправедливости сохранения налогового иммунитета дворянства, писал: «Свобода заключается не в том, что мы не платим налогов и не берем на себя возложенные на нас обязательства, но в том, что не несем иных обязательств кроме тех, которые мы берем с собственного нашего согласия, данного лично или через уполномоченных нами представителей»³⁷.

С именем Хайноци связано также одно из лучших определений гражданского патриотизма 90-х годов XVIII в. В письме к своему старшему товарищу графу М. Форгачу, которому не в последнюю очередь был обязан своей идейной зрелостью, Хайноци писал: «Если конституция поддерживает ненависть между дворянами и недворянами, и дворянство никогда не поделится с другими теми правами, которые оно произвольно себе присвоило, то я, по моему убеждению, обязан сделать все от меня зависящее, чтобы мои сограждане навсегда обрели свои права». И далее: «Таким образом, я остаюсь гуманистом, не переставая быть патриотом, но если два эти понятия несовместимы, то я желал бы быть скорее гуманистом, чем патриотом»³⁸.

Прогрессивно мыслящие дворяне сами все резче критиковали недостатки сословной конституции, которая, консервируя чрезмерное неравенство сословий, препятствовала свободному экономическому и социально-политическому развитию страны³⁹. Наибольшую известность в дни Государственного собрания 1790 г. получил памфлет графа Алайоша Баттяни «Для дружеского уха», в котором, по общему мнению исследователей, мало логики, но много искренних переживаний за судьбу родной страны. Последователь Ш. Монтескье, Бат-

трани призывал сосредоточить исполнительную власть в руках короля, в то время как законодательная должна была стать прерогативой Государственного собрания. Под нацией он традиционно понимал привилегированные сословия, но в то же время предлагал разрешить зависимым крестьянам свободу передвижения, вывести их из-под помещичьей юрисдикции, наделить правом владения собственностью, но, поскольку крестьянин все еще оставался несвободным, его интересы на Государственном собрании должны были представлять «достойные люди» из дворян⁴⁰.

На Государственном собрании было сформировано девять специальных комиссий – торгово-финансовая, общественно-политическая, юридическая, по делам образования и др., – призванных разработать проекты наиболее важных законов к следующей сессии. Комиссии работали с 1791 по 1793 г. (юридическая – по 1795 г.) и представили ряд принципиально важных проектов по развитию отечественной промышленности, торговли и системы денежного обращения, усовершенствованию законодательства, развитию городов, строительству дорог и каналов, улучшению положения крестьянства.

Активнейшую роль в работе комиссий играли дворяне реформаторских убеждений М. Шкерлец, Й. Подманицки, М. Форгач и многие другие. Соединяя традиции венгерского сословного конституционализма с идеями Просвещения, когорты прогрессивных мыслителей в значительной мере подготовила почву для восприятия венгерским обществом либеральных идей и принципа естественного равенства⁴¹. Позабыв о сословных различиях, они работали над столь необходимыми стране и обществу проектами умеренных реформ, которые, будь они претворены в жизнь, по выражению Э. Маюса, «поставили бы Венгрию в один ряд с Англией»⁴². Коллеги Маюса – Д. Секфю, Д. Кошари – считали, однако, что масса дворянства в комиссиях была далека от радикального реформизма. К этому стоит добавить, что материалы комиссий, за исключением экономико-политической и по делам образования, до сих пор не были объектами специального исследования.

Патриотический подъем, охвативший венгерское дворянство, все слои венгерского общества, не мог не вызывать озабоченности в венгерских придворных кругах. Император Леопольд II по праву считается одним из идейных вдохновителей и создателей австрийского полицейского государства. При помощи тайной полиции с ее разветвленной сетью агентов-осведомителей он собирал информацию об антиправительственной деятельности в империи, ловко манипулировал общественным мнением и боролся с политической оппозицией. Для того чтобы лишить венгерское дворянство социальной опоры, Леопольд постарался привлечь на свою сторону третье сословие, горожан и крестьян. Сотни агентов вели по деревням пропаганду в пользу доброго импера-

тора и готовили почву для массовых выступлений крестьян против землевладельцев. В городах шла тайная мобилизация в особые вооруженные формирования, на которые в случае необходимости император мог опереться в борьбе с дворянским бандериями.

С ведома и одобрения Леопольда II талантливый журналист, а с недавнего времени, как уже упоминалось, агент тайной полиции Л. А. Хофман обратил свое острое перо против ненавистных ему венгров. Созданный им памфлет получил название «Вавилон». Так автор недвусмысленно дал понять, что законотворческая деятельность венгерского дворянства – не что иное, как возведение новой вавилонской башни. Вслед за «Вавилоном» появился второй антивенгерский пасквиль – «Ниневия».

Одним из первоочередных вопросов, обсуждавшихся на Государственном собрании, был текст коронационной грамоты императора Леопольда II. Именно в этом документе четко фиксировались обязательства короля перед венгерской нацией. «Вавилон» увидел свет осенью 1790 г., в самый разгар работы над текстом коронационной грамоты, и сразу же привлек к себе пристальное внимание не только в Венгрии, но и за рубежом. А. Шлёцер не замедлил перепечатать обширные разделы из брошюр Хофмана в своей газете «Штатс-Анцайген», после чего внутривосточные проблемы Венгрии приобрели международное звучание.

Хофман верно подметил формальное несоответствие политических амбиций венгерского дворянства подлинной сути теории общественного договора. В памфлетах звучала желчная критика теории венгерской политической нации. «На всех углах и во всех корчмах ведутся разговоры о Монтеスキё, Питте или ФранкLINE⁴³, – писал он, – ... слово „свобода“ научились произносить даже младенцы. Для венгерского дворянина свобода стала важнее потребности в хлебе насущном»⁴⁴. Между тем в этом царстве свободы крестьяне остаются лично зависимы, а свобода – удел представителей привилегированных сословий. Чтобы ярче показать узкосословный (феодальный) характер венгерской политической элиты, Хофман провел сравнительный анализ французского и венгерского представления о нации: во Франции отменены титулы, и теперь все зовутся гражданами и согражданами, в Венгрии же дворянство оставило бюргерство в качестве своих слуг, а крестьян – в качестве своих рабов. Иными словами, в Венгрии семь тысяч человек правят семью миллионами⁴⁵. На этом основании Хофман делал вывод о политическом варварстве венгерского дворянства. Он сравнивал венгров с турецкими пашами, которые норовят получить всю полноту власти на вверенной им территории, чтобы творить там беззакония. В другом месте Хофман замечает, что даже из Индостана и Калифорнии не приходит столь диких новостей, как из Буды, с Государственного собрания. «Они

мало изучают науки, поскольку „Трипартитум“ для них в такой же степени неоспоримый источник по теории государства и права, в какой для турка Алькоран – источник всей мировой мудрости»⁴⁶.

Появившись в разгар работы Государственного собрания, памфлеты произвели эффект разорвавшейся бомбы. Венгерское дворянство, которое традиционно не позволяло центральной власти вмешиваться в поземельные отношения, считая себя подлинной надеждой и опорой «бедных налогоплательщиков», отказалось узнать в нелицеприятных строках памфлета свой портрет. Прервав работу, нижняя палата собрания принялась обсуждать животрепещущий вопрос: как увеличить сумму традиционного коронационного подарка императору (со времени последней коронации в 1741 г. цены возросли), не перекладывая бремя расходов на плечи податных сословий. Было принято соломоново решение: увеличить сумму всего в полтора раза, чтобы «не просто защитить налогоплательщиков, но и облегчить их участь»⁴⁷.

Как уже упоминалось, А. Шлёцер с самого начала волнений в империи Габсбургов внимательно следил за развитием событий в Венгрии. Сторонник и пропагандист идей Просвещения, он считал, что в современном обществе нет места таким пережиткам феодализма, как аристократические привилегии, сословное неполноправие или преследования за веру. Прочитав проект коронационного диплома, в котором вновь подтверждался исключительный правовой статус венгерского дворянства, Шлёцер перешел в решительное наступление⁴⁸.

В то время как прогрессивно настроенная часть венгерского дворянства на Государственном собрании строила планы экономических и социально-политических реформ, искала пути примирения интересов политической элиты с «духом времени», газета «Штатс-Анцайген» высмеивала претензии дворян именоваться венгерской нацией. Шлёцер наверняка не знал, что брошюра была заказана и оплачена императором Леопольдом II и стала орудием в тонкой политической игре. Он просто разделял взгляды автора на то, что «в Венгрии аристократия намеревается отнять у короля всю полноту его власти, и присвоить себе вечное и исключительное право самовластно и без участия короля деспотично управлять этой страной»⁴⁹. В своих комментариях к тексту венгерского коронационного диплома Шлёцер писал: «Они хотят сохранить все свои иммунитеты, полученные в варварское средневековье, по-прежнему не платить налоги, всех недворян держать в униженном состоянии и не допускать их к государственной службе»⁵⁰. Так Венгрия, которой во времена антитурецких войн и освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци сочувствовала вся Европа, превратилась в европейском общественном сознании в символ возрожденного варварства⁵¹.

В 1790 г. Й. Хайноци, убеждая дворянское сословие добровольно отказаться от своих феодальных привилегий ради своего и общего блага, писал: «Дворянство, будучи крупнейшим собственником, благодаря этому обстоятельству сохранит в своих руках большую часть законодательной власти и поэтому, а также в силу своих связей с бюрократическим аппаратом, будет иметь преимущество перед другими в получении должностей. Но если оно ослабит ту ненависть, которую к нему испытывают, если, скажем так, разделит свои права со всем народом, тогда воплощение в жизнь этого благородного намерения укрепит его собственные позиции»⁵². Тогда, в 1790 г. большинство Государственного собрания еще не было готово внять доводам прогрессивного юриста. Однако работа парламентских комиссий 1790–1795 гг. оставила свой след. Правда, большинство замечательных проектов реформ было положено под сукно. Одни историки считают, что двор вообще не собирался осуществлять программу, выработанную венгерской политической элитой. Другие полагают, что в Вене отказались от любых преобразований в Венгрии под влиянием революции во Франции и особенно после раскрытия заговора «венгерских якобинцев» в 1794 г.

Так или иначе, планы реформ 90-х годов подготовили казавшееся внезапным начало эпохи венгерского либерализма в первой половине XIX в., когда идеи, высказанные в этих проектах, не были забыты и вновь овладели умами политической элиты. Хотя дворянское сословие с трудом расставалось с представлениями о собственной исключительности, то положительное, что было в сословных ценностях венгерского дворянства, не в последнюю очередь помогло ему перейти к идее гражданского общества, стать инициатором проведения буржуазных по сути преобразований «эпохи реформ» (1825–1848 гг.).

Примечания

¹ Csáky M. Von der Aufklärung zum Liberalismus. Studien zum Frühliberalismus in Ungarn. Wien, 1981. S. 59.

² Обращение на высочайшее имя дворянского собрания комитата Бихар от 4 и 6 февраля 1790 г. цитируется по брошюре из фондов Венгерской национальной библиотеки имени Ф. Сечени (Будапешт). P. 3.

³ Marczali H. Az alkotmány tervezetek 1790-ben // Marczali H. Világtörténelem – magyar történelem. Bp., 1981. 319. old.

⁴ Josephus II in campis Elysiis. P. 26.

⁵ Цит. по: Meynert H. Kaiser Franz I. Zur Geschichte seiner Regierung und seiner Zeit. Wien, 1872. S. 236–237.

⁶ Berzeviczy G. Über Oesterreichs Grundsätze. S. 325.

⁷ *Candida postulata*. P. 3.

⁸ *Hungaria graviter aegra*. P. 4.

⁹ *Candida postulata*. P. 9.

¹⁰ *Skerlecz M. A nemesi felkelés // Skerlecz Miklós báró művei*. 549. old.

¹¹ *Candida postulata*. P. 14.

¹² *Kosáry D. Művelődés*. 337. old.

¹³ Для того, чтобы поступить на государственную службу необходимо было получить соответствующее образование. Годовой заработок рядового чиновника в центральных органах исполнительной власти в 60–80-е годы XVIII в. составлял около 400–500 форинтов. При этом обучение одного студента в престижной венской Терезианской академии обходилось как минимум в 500, в будайской Терезианской академии – около 250, дворянской академии в Ваце – около 130 форинтов в год. Поэтому за словами Форгача о том, сколькими затратами обременен дворянин, «занятый воспитанием своих потомков во имя общего блага», и в самом деле стояли немалые расходы на поддержание социального статуса.

¹⁴ *Candida postulata*. P. 13–14.

¹⁵ *Skerlecz M. A nemesi felkelés*. 554. old.

¹⁶ *Balázs É. Hungary and the Habsburgs*. P. 26.

¹⁷ *Монтецьке Ш. Избранные произведения*. М., 1955.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *De originibus et usu perpetuo potestatis legislativae circa sacra apostolicorum regum Ungaricae libellus singularis*. Vindobonae, 1764.

²⁰ Письма Ф. Балашша к Мак-Ненни по так называемому делу барона Шандора, датированные ноябрем–декабрем 1766 г., см: HHStA. Nachlaß Nenny. Karton 2.

²¹ *Strada F. Izdenczy József az államtanács első magyar tagja // A Bécsi Magyar Történelmi Intézet Évikönyve*. Bp., 1943.

²² *[Izdenczy J.] Irrtümmen in den Begriffen der meisten Ungarn von der Staatsverfassung ihres Vaterlandes, und von den Rechten ihrer Könige*. Gedrückt im Römischen Reiche, 1790. S. 42.

²³ *Domanovszky S. József nádor élete*. I. köt. 1. rész. Bp., 1944. 82.–83. old.

²⁴ *Townson R. Travels in Hungary*. P. 105.

²⁵ *Poór J. Bevezetés // Hajnóczy József*. 21. old.

²⁶ *Második József császárnak*. 480. old.

²⁷ Хронику событий, восстановленную по архиву венгерской придворной канцелярии, см.: *Marczali H. Op. cit.* 369.–383. old.

²⁸ *Pia desideria*.

²⁹ *Egy igaz hazafinak elmélkedései*. 16. old.

- ³⁰ Цит. по: *Benda K. Ismeretlen politikai költemény 1790-ból // Irodalomtörténet. 1951. 1. sz. 101. old.*
- ³¹ Анализ причин и хода конфликта венгерских сословий и императора в годы войны с Турцией см.: *Haselsteiner H. Joseph II. und die Komitate Ungarns. Herrscherrecht und standlicher Konstitutionalismus. Wien; Köln; Graz, 1983.*
- ³² Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 395.
- ³³ *Collectio representationum. Pars. I. P. 8.*
- ³⁴ *Amadé A. Dictio habita ... ad status et ordines inclyti comitatus Nitriensis anno MDCCCXXX die II. Martii congregatos. s.l., 1790. P. 2.*
- ³⁵ Проект присяги членов Государственного собрания цит. по: PML. *Vármegye Nemesi közgyűlésének iratai. Acta congregationalia. Pest Megyei Levéltár IV.3-c. 1790. 3953. 2. 1. Перевод окончательного текста присяги, сделанный в 1790 г., см. в Приложении.*
- ³⁶ *Orpheus. 1790. 290 old.*
- ³⁷ *Hajnóczy J. A magyar országgyűlésen javaslandó törvények lényege // Hajnóczy J. Közjogi-politikai munkái. 71 old.*
- ³⁸ Цит. по: *Hajnóczy József / Válogatta, a bevezetést és jegyzeteket írta J. Poór. Bp., 1998.*
- ³⁹ *Berzeviczy G. Über Oesterreichs Grundsätze. S. 318.*
- ⁴⁰ Текст памфлета опубликован: *Csaba J. Gróf Batthyányi Alajos «Ad amicum aurem» című munkája. Bp., 1917.*
- ⁴¹ *Csáky M. Von der Aufklärung zum Liberalismus. S. 61–64.*
- ⁴² *Mályusz E. A reformkor nemzedéke // Századok. 1923. 57. évf. 1. sz. 27.–28. old.*
- ⁴³ *Babel. S. 3.*
- ⁴⁴ *Ibid. S. 15.*
- ⁴⁵ *Ibid. S. 84–94.*
- ⁴⁶ *Ninive. S. 12.*
- ⁴⁷ *A magyar országgyűlési végezőseknek egyik darabja, úgymint: Ama nevezetes két Brosurák: Babel és Ninive ellen tett hiteles Tanúság. Pozsony, 1790. P. 2.*
- ⁴⁸ *Staats-Anzeigen. 1790. Bd. XV. Hf. 59. S. 257–259; 337–338.*
- ⁴⁹ *Babel. S. 85; Staats-Anzeigen. 1790. Bd. XV. Hf. 59. S. 258.*
- ⁵⁰ *Staats-Anzeigen. Bd. XV. Hf. 59. S. 354.*
- ⁵¹ *Balázs É. Berzeviczy Gergely. 53. old.*
- ⁵² *Hajnóczy J. A magyar országgyűlés. 71. old.*

3. Король и венгерская нация

Венгерский господствующий класс был этнически неоднороден и включал в себя нобилитет венгерского, немецкого, словацкого, хорватского, сербского, валашского происхождения. Интегрирующую роль играло сознание того, что все они – подданные венгерского короля. Таким образом, фигура монарха, идея верности ему имели важное значение в системе ценностей венгерской политической элиты. Кроме того, для страны, в которой институт короля был выборным, а с XIV по первую четверть XVI в. не было ни одной сколько-нибудь долго правившей династии, исключительную важность приобрела личная уния господствующего класса с каждым вновь коронуемым королем.

Отношение к правителям в Венгрии, как и в средневековой Европе в целом, определялось постулатом св. Павла о божественном происхождении светской власти, что очередной раз была призвана подчеркнуть церемония коронации. Святость королевского сана как политико-культурная реалья не ставилась под сомнение даже передовыми недворянскими мыслителями. Й. Хайноци в 1790 г. писал: «Из нашей собственной истории и истории других народов известно, что сохранению гражданской общности в наибольшей мере способствует, если живущие при монархической форме правления полагают, что в короле есть что-то божественное». И далее: «Почему бы нам не сохранить ее (королевскую власть. – О.Х.) святой и неприкосновенной, если можно найти другие средства держать эту власть в справедливых границах?»¹

В соответствии со средневековыми теориями, уподоблявшими социальную общность человеческому организму, коронованная особа была головой политического тела, подобно тому, как папа римский был главой тела церковного. Это популярное сравнение способствовало превращению светского главы государства в один из символов отечества. В стихотворении одного из образованнейших людей эпохи, обладателя крупнейшего книжного собрания графа Йозефа Телеки есть такие строки: «Ведь король и отечество – это не два разных тела, / Так чтобы одному шло на пользу то, что другому во вред. / Я пола-

гаю, что каждый король – глава своего народа. / Если один падет, другой не останется цел»².

С другой стороны, венгерский господствующий класс, как и типологически близкое к нему хорватское или польское дворянство, видел в центральной власти силу, враждебную корпоративным интересам привилегированных сословий, а поскольку они отождествляли себя с нацией – то и страны в целом. Одну из своих главных задач привилегированные сословия видели в защите политической системы, гарантировавшей исключительный статус дворянства от абсолютистских устремлений королевской власти. В «Золотой булле» 1222 г. короля Эндре II было оговорено право венгерского дворянства оказывать вооруженное сопротивление королю, нарушающему закон (*jus resistendi*). И хотя в 1687 г., после освобождения Венгрии от турок, по требованию императора Леопольда I это право было отменено, сознание того, что политическая нация королевства не покорный слуга трона, а бдительный страж национальных интересов, было живо в дворянской среде спустя десятилетия.

В реальности взаимоотношения сословий с королями не всегда складывались гладко. После того как в 1526 г. под натиском османов Венгрия лишилась политической независимости и территориальной целостности, венгерская корона фактически перешла к иноземной (т. е. не имеющей постоянной резиденции в королевстве) династии Габсбургов. Превращение Венгрии в кордон против османской экспансии, жесткие методы проведения католической контрреформации, подавление национально-освободительных движений, усиление централизаторского начала в управлении, эксплуатация ресурсов страны в интересах наследственных австро-чешских земель, – все это осложняло взаимоотношения господствующего класса, венгерского общества в целом, с правящим домом, а порой побуждало отдельных представителей политической элиты искать иных претендентов на венгерский престол.

На первый взгляд может показаться, что враждебность Габсбургам, особенно ярко выраженная в протестантской среде, была важным фактором в формировании венгерского национального самосознания. С этим трудно не согласиться, учитывая ту роль, которую образ «чужого», «внешнего врага» традиционно играет в консолидации национальных сообществ. Тем не менее Габсбурги – во многом благодаря мудрости своих венгерских советников – предпринимали конкретные шаги, чтобы сократить пропасть между династией и страной. Они сохранили превратившуюся, правда, в чистую формальность церемонию избрания короля на Государственном собрании. Не отменили они и традиционные коронационную клятву и коронационную грамоту, в которых новый король торжественно обещал уважать законы страны, соблюдать права и свободы привилегированных сословий.

Даже самое мощное антигабсбургское движение – освободительная война под предводительством Ференца II Ракоци – завершилось компромиссным Сатмарским миром 1711 г. между венгерским господствующим классом и правящей династией, по которому ценой прекращения борьбы стал отказ центральной власти от преследования мятежников. Осторожная, взвешенная политика императора Карла VI Габсбурга (как венгерский король – Карл III, 1711–1740) дала свои плоды. В 1723 г. Государственное собрание Венгрии ратифицировало так называемую Прагматическую санкцию – документ, устанавливавший «единство и неделимость» габсбургских владений и право их наследования по женской линии. Свою верность духу и букве Прагматической санкции венгерское дворянство смогло доказать в особо трудные для династии Габсбургов дни войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.). Когда в 1741 г. прусский король Фридрих II захватил Силезию, а чехи избрали королем передшедшего в антигабсбургский стан баварского курфюрста Альбрехта, только верность венгерского и солидарного с ним хорватского дворянства спасла для Габсбургов их короны и земли.

Для венгерской общественной мысли было характерно стремление включить Габсбургов в систему венгерских политических и культурных стереотипов, превратить их в настоящих венгерских королей. Примеры этому находим в публицистике рубежа 80–90-х годов. XVIII в. Так, авторы самых разных политических убеждений высказывали требование, чтобы Габсбурги чаще посещали подвластное им королевство и даже перенесли в Венгрию свою постоянную резиденцию. Знаток экономики и права М. Форгач в анонимном памфлете «Ясные требования к наилучшему государю» осторожно предлагал: «Поскольку интересы монархии в целом требуют, чтобы государь установил престол в ее центре, королевство отказывается от предложения постоянной резиденции и, чтобы доказать свое благоговение и преданность государям, просит только, чтобы оно могло, по мере того как будут позволять дела прочих провинций, у себя иметь возможность почтительно приветствовать»³. Анонимный автор в памфлете «Скромные желания одного венгерского сердца» писал: «И если Его Священнейшее Величество пожелает иметь свою резиденцию вне королевства, тогда пусть наследник престола, в соответствии с законом, переедет в Буду»⁴. Наконец, в популярном сатирическом стихотворении говорилось «На земле венгерской пусть дворец поставит. / В Бude, а не в Вене пусть страну правит»^{5*}.

Эти требования не были так утопичны, как это может показаться на первый взгляд. В годы войны за австрийское наследство на Государственном соб-

* Здесь и далее стихотворный перевод – автора.

рании 1741 г. Мария Терезия официально пообещала, и это вошло в число принятых на сессии законов, что после окончания войны переедет жить в Венгрию. «Парламентская столица» Венгрии – Пожонь, куда после захвата османами Буды переместились Государственное собрание, Наместнический совет, Казенная палата – была относительно маленьким городом и не подходила для резиденции великолепных Габсбургов. В 1747 г. в древней столице королевства Буда начались работы по сооружению большого королевского дворца. Однако строительство затянулось, и, наконец, было отложено на неопределенный срок⁶.

Сооружение нового дворца в Буда возобновилось только в 60-е годы. По случаю посещения кардинала К. Мигацци – епископа Ваца – Мария Терезия со свитой совершила небольшое путешествие по Дунаю, чтобы посмотреть, как продвигается возведение будайской королевской резиденции. Государыня выразила свое неудовольствие по поводу колоссальных расходов, которых требовало грандиозное строительство, а влиятельный придворный Й. Кевенхюллер-Метч вообще счел смешным, что для такого большого по размерам и великолепно украшенного здания предназначено место, где двор никогда не находился и не имел намерения переезжать туда в дальнейшем⁷. Императрица так и не перенесла свою резиденцию в великолепный будайский дворец. В 1777 г. там разместился университет, переведенный из Надьсомбата (совр. Трнава в Словакии) в Буду.

Но даже те, кто ясно понимал, что Габсбурги не будут переносить свою столицу в Венгрию, продолжали напоминать им, что они *венгерские* короли. В одном из писем к К. Мак-Ненни в апреле 1763 г. Ф. Балашша предложил проект рабочего кабинета для императрицы, который предполагалось обставить в венском Хофбурге или в королевском дворце в Пожони. Стены кабинета должны были украшать портреты всех венгерских королей и краткое описание их правления. Балашша полагал, что подобный кабинет не только создаст необходимую атмосферу для плодотворной работы государыни, но и станет своеобразной «наглядной агитацией» для молодых Габсбургов – будущих правителей Венгрии. Юные эрцгерцоги и эрцгерцогини гуляя по залам дворца привыкали бы смотреть на Венгрию как на составную часть владений Габсбургского дома и усваивали бы основополагающие нормы венгерского законодательства. Таким образом, даже слепо преданный династии Ференц Балашша стремился зримо включить Габсбургов в венгерскую государственно-правовую и историко-культурную традицию⁸.

Другим популярным мотивом было требование не допускать иностранцев к управлению Венгрией. Форгач ревниво сетовал на то, что «венгерские дела везде и всюду решаются государем без совета венгров»⁹. В упомянутом выше

стихотворном пасквиле наряду с ревностью звучали нотки национальной неприязни: «Пусть с земли венгерской немцы уберутся, / Обер, Унтер, Хунтер здесь не приживутся. / Должности любые в родном венгерском крае / Навсегда отныне пусть венгры занимают»¹⁰. На Государственных собраниях королевства неоднократно принимались законы, запрещавшие иноземцам участвовать в управлении Венгрией, но эти запреты так и оставались на бумаге.

Наконец, королям из династии Габсбургов предлагалось овладеть венгерским языком: «Языком венгерским пусть король владеет / С венгром по-венгерски говорить умеет»¹¹. Это неудивительно, если учесть, что Габсбурги традиционно владели несколькими языками подвластных им народов. Например, некоторые изучали чешский. Интересно, что декрет Иосифа II от 18 декабря 1789 г., объявлявший о созыве венгерского Государственного собрания, был составлен не на немецком, который с 1784 г. был официальным языком на всей территории монархии Габсбургов и который венгры так и не выучили, и даже не на латинском – государственном языке королевства Венгрии, а по-венгерски. Уловка советника императора Ш. Пастори вызвала самый искренний восторг в венгерском обществе. «Наш государь прекрасно знал, что в нем народ видит своего отца, отец же со своими детьми, как правило, говорит на их родном языке», – писала газета «Бечи мадяр курир»¹². По сообщению другой газеты – «Хади эш маш невезетеш тёртенетек» – дворяне немедленно взялись за составление достойного ответа Его Священнейшему Величеству¹³.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что венгры не желали признавать, что Габсбурги – это правители обширного конгломерата разнородных земель и строят (должны строить) свою политику исходя из интересов империи в целом. Вообще, для венгерской общественной мысли раннего Нового времени характерно стремление восстановить утерянную целостность политического организма «король–нация», в котором не должно быть места «посредникам», т. е. иноземным советникам.

Свою верность государю венгерское дворянство было готово возвести в ранг национальной черты. П. Аньош в поэме «Король в шляпе» обращается к Иосифу со словами: «Сердце венгра таково: вот как может чувствовать, / За государя доброго кровь готов он проливать» (1782)¹⁴. Подобное рассуждение можно встретить в «Записках» А. Дугонича, который в 1790 г. писал: «Я так представляю себе наш народ: за доброго короля он и кровь готов пролить»¹⁵. Наконец, в том же 1790 г., накануне коронации Леопольда II поэт Й. Пецели писал: «Милостивый Леопольд видел и знал, / Что венгерский народ за него готов жить и умереть»¹⁶.

Особое значение для массового сознания приобрел упомянутый выше эпизод войны за австрийское наследство. История о том, как в 1741 г. на Госу-

дарственном собрании в Пожони венгерские дворяне, выслушав взволнованную речь юной Марии Терезии, поклялись, согласно древней формуле «*Vitam et sanguinem pro Rege nostro!*», отдать жизнь и кровь за государя, превратилась в часть национальной мифологии¹⁷. Свою лепту в прославление бескорыстия венгерского дворянства внес французский просветитель Ш. Монтескье, посвятивший этому эпизоду главу «О верности дворянства» своей знаменитой книги «О духе законов».

«Известно, – писал философ, – что дом австрийских государей непрестанно притеснял венгерское дворянство. Он не предвидел, какие драгоценные услуги окажет ему это дворянство. Он искал у этого народа денег, которых у него не было, и не обратил внимания на людей, которые там были. Иностранные государи делили между собой его государство, и все составные части его империи, так сказать, распадалась на инертные и безжизненные массы. Жизнь была только в дворянстве; движимое негодованием, оно позабыло свои обиды и бросилось в бой, послушное голосу славы, призывавшей его прощать и умирать»¹⁸.

Для венгерской общественной мысли была характерна убежденность, что, подобно Монтескье, их подвиг помнят и ценят. Обороты типа «об этом известно всей Европе» неизменно предваряли рассуждения о верности венгров¹⁹. Однако память о жертве венгерского дворянства, похоже, быстро стерлась из австрийского массового сознания. Например, в торжественной речи в честь Марии Терезии, произнесенной по случаю нового 1751 учебного года в дворянской академии, носившей ее имя, член ордена иезуитов, преподаватель истории Священной Римской империи и латинского языка Андреас Фриц, живописуя недавние события войны за австрийское наследство, приписал победу мудрости советников юной государыни²⁰, хотя именно мудрых советников ей больше всего не хватало в первые годы царствования.

Через полвека в описании молодого венгерского экономиста Г. Берзевици эти события, обрастая вымышленными подробностями, выглядели уже так: «Пол-Европы объединилось чтобы поделить Австрийскую монархию. Мария Терезия искала убежища у нашей нации, с которой прежде так сурово обращались, и созвала Государственное собрание. Прекраснейшая женщина своего времени в королевском облачении, с маленьким принцем на руках²¹ произнесла перед сословиями речь на латыни, прося себе и Иосифу великодушия и защиты. Одно стремление овладело всеми сердцами окружавших ее, одна мысль возникла у всей бесчисленной толпы: „Умрем за нее“ – прозвучало изо всех уст, и все сабли были выхвачены из ножен. „Умрем за нее!“ – разнеслось по залу вновь. Тут же были собраны наличные деньги, переплавлено золото и серебро, проданы украшения и драгоценности, сформировано войско. Тут же

было забыто все, что произошло в течение последних веков, враги разбиты, и Терезия спасена»²².

Вообще, Мария Терезия наиболее близко подошла к воплощению идеала правителя, каким он виделся господствующему классу Венгрии в XVIII в. Правда, императрица не говорила по-венгерски. Зато она торжественно облачалась в венгерское платье в дни венгерских национальных праздников, окружила себя плеядой блестящих полководцев и государственных деятелей-венгров и с удовольствием гостила в роскошных резиденциях венгерских аристократов. Из поколения в поколение передавалась легенда о том, как председатель венгерской Казенной палаты граф Антал Грашшалкович (1734–1794), желая угодить любимой государыне, якобы посыпал солью весь путь от Буды до своего владения Гёдёллэ, чтобы императрица могла летом прокатиться на санях. Венгерский историк З. Фалленбюхль справедливо ставит под сомнение достоверность этой истории, поскольку расходы драгоценной соли в таких количествах должны были непременно фиксироваться Казенной палатой²³. Однако эта легенда как нельзя лучше отражает внешне идиллические отношения венгерского господствующего класса с Марией Терезией, не устававшей повторять о своей благодарности и не забывавшей, что ее самым высоким титулом до конца дней оставался титул венгерского короля²⁴.

Мария Терезия последовательно преодолевала вековую враждебность со стороны династии по отношению к Венгрии. При ней в Вене была создана венгерская лейб-гвардия, в которой служили преимущественно выходцы из провинциального дворянства. При ней венгры, с оружием в руках защищавшие владения Габсбургского дома в войнах, которыми так богат XVIII в., или исправно служившие в государственном аппарате, «массово» возводились в баронское и графское достоинство. Например, мелкий дворянин Пал Фештетич (1722–1782), зарекомендовавший себя как талантливый администратор и верный подданный, дослужился до должности вице-президента венгерской Казенной палаты и получил титул графа минуя баронский титул²⁵. Все это позволило националистической историографии XIX в. утверждать, что правление Марии Терезии стало бесславной эпохой «приручения» венгерской аристократии династией Габсбургов.

Перед потомством новой аристократии распахнуло двери самое престижное учебное заведение монархии Габсбургов – дворянская Терезианская академия, в которой углубленно изучались экономика, делопроизводство и юриспруденция. По венскому образцу в Буде, Ваце, Сенце (ныне Сенец в Словакии) и других венгерских городах открывались академии, призванные дать современное образование обедневшему католическому дворянству. В отличие от существовавших ранее академий и конвиктов под патронатом церкви, новые

учебные заведения в первую очередь готовили грамотных и преданных династии чиновников для органов центрального и местного управления.

Мария Терезия осталась в памяти потомков «самой любимой венгерской государыней», хотя именно при ней началась замена учреждений сословного представительства современным чиновничьим аппаратом, а дворянство повсюду стало платить налоги наравне с податными сословиями, была отменена наиболее тяжелая форма крестьянской зависимости – барщина. Пока эти нововведения не касались Венгрии. После того как на Государственном собрании 1763–1764 гг. венгерские сословия воспротивились тому, чтобы добровольно взять на себя часть налогового бремени, императрица отказалась от практики созыва сословного представительства и правила непосредственно из Вены, издавая декреты и рескрипты. Возможно, она прислушалась к рекомендации канцлера В. Кауница, который еще в 1761 г. предупреждал: «Необходимо всячески избегать созыва венгерского Государственного собрания, ибо опыт учит, что из этого проистекают одни несчастья»²⁶. В то же время мудрая Мария Терезия никогда не провоцировала открытого конфликта с венгерским дворянством, понимая, что вековую приверженность идеалам сословных свобод не искоренить за короткий отрезок времени несколькими распоряжениями сверху.

Поскольку источником власти короля была святая корона, которая символизировала венгерскую нацию, король не имел права нарушать ее фундаментальные законы. Не случайно церемония коронации предусматривала принесение коронационной клятвы и издание коронационной грамоты, подтверждавшей права и свободы сословий. Как писали дворяне в своем обращении к Леопольду II накануне коронации, грамота есть не что иное, как взятое в начале правления обязательство хранить конституцию королевства и по природе своей является средством обеспечения стабильности конституции и укоренившихся порядков правления.

Само понятие «верность государю» в правовом сознании венгерского дворянства было неразрывно связано с понятием «верность закону». У Форгача есть следующее утверждение: «Лишь тот должен считаться неверным государю, кто нарушает законы, а не тот, кто жертвует самого себя и свое имущество за их неприкосновенность»²⁷. Тесную взаимосвязь понятий «отечество», «закон», «король» удачно использовала официальная пропаганда. Епископ Й. Околичани, призывавший сословия в 1790 г. избрать наместника из членов Габсбургского дома, назвал свой анонимный памфлет «Венгр за закон, а по закону за короля и отечество»²⁸.

Вслед за идеологами Просвещения венгерские сословия видели в соблюдении законов принципиальное отличие монархии от деспотии. Монтескье определял деспотию как форму правления, в которой «всё вне всяких законов

и правил движется волей и произволом одного лица»²⁹. Форгач же писал: «Деспотов и тиранов мы страшимся, законного же нашего короля и того, кто правит нами в соответствии с законами королевства, мы нежнейше любим, охотно жертвуем за него и жизнь, и имущество»³⁰. Г. Берзевици в трактате «О принципах Австрии в управлении Венгрией», эпиграфом к которому служили слова Монтескье, что от рабства нет пользы ни рабу, ни господину, писал: «С самого начала, когда Фердинанд I получил венгерскую корону, главным принципом австрийской политики стало подавление прав и свобод Венгрии и введение неограниченной монархической власти». И чуть ниже: «Каждому, кто разбирается в людях, ясно с первого взгляда, и каждый штрих нашей истории неопровержимо доказывает, что деспотия не есть способ правления для Венгрии»³¹.

Важно подчеркнуть, что в первые годы своего правления Иосиф пользовался неизменной поддержкой сословий, которые, несмотря на отказ монарха короноваться святой венгерской короной, промедление с созывом Государственного собрания и прочие формальные нарушения венгерского права, сохраняли лояльность и выражали симпатию своему государю. Г. Берзевици в числе неоспоримых достоинств императора отмечал «его внутреннее желание осчастливить все человечество, неутомимое усердие, с которым он трудился ради счастья подвластных ему народов, его светлый ум, несмотря на суровое воспитание, его старание распространить просвещение и победить глупость и суеверия»³².

Например, в 1782 г. в комитате Угоча состоялась церемония вступления в должность фёйшпана графа Йозефа Телеки (Секского), на которой присутствовал королевский комиссар барон Лёринц Орци, больше известный благодаря своему поэтическому творчеству. Оба произнесли торжественные речи на венгерском языке (факт знаменательный для эпохи господства латыни), текст которых был позднее опубликован отдельной брошюрой. И Орци, и Телеки с энтузиазмом говорили об императоре. «Он государь, чьей любви к справедливости, чьему мудрому правлению, счастью подвластных ему народов не только дивится вся Европа, но во все четыре стороны света разносится об этом благая весть», – восклицал Орци. «Император Иосиф достоин не только любви подвластных народов, но и восхищения иноземных государей, которые, невзирая на долгий и трудный путь, должны прийти к нему, как царица Савская к Соломону», – вторил ему Телеки³³.

Этот эпизод важен прежде всего потому, что оба оратора, как и сотни их единомышленников, в конце 80-х годов решительно осудят централизаторскую и германизаторскую политику просвещенного монарха, на которого возлагались такие надежды.

Выше уже не раз говорилось о трагическом несоответствии между многими намерениями императора и тем эффектом, который реформы произвели в венгерском обществе. Пренебрежение к «пережиткам феодализма», которое роднит Иосифа с либералами XIX в., привело к тому, что общий язык с венгерской политической элитой во второй половине 80-х годов был окончательно утерян.

Понимая, какую опасность таит в себе скоординированное оппозиционное движение в масштабах страны, Иосиф в 1784 г. запретил комитатам вступать в переписку. Однако вопреки официальному запрету, комитаты все чаще нарушали запрет, пытаясь выработать солидарную позицию перед лицом центральной власти. Главным требованием сословий стало восстановление в полном объеме законодательства страны и отмены реформ, не соответствующих нормам венгерского права. Когда революционные события в Бельгии заставили императора восстановить там прежнюю форму правления, М. Форгач в анонимном памфлете обратился к государю с просьбой проявить ту же благосклонность в отношении Венгрии: «Мы, венгры, незаслуженно лишены всех наших прав и свобод (которые основаны единственно на точнейшем соблюдении законов), – писал граф, – и то, как с нами теперь обращаются, есть произвол»³⁴.

В конце 1787 г. Австрия, выполняя союзнические обязательства, вступила в крайне изнурительную войну с Турцией. Венгрии это принесло новые и новые рекрутские наборы, дополнительные поставки продовольствия и фуража армии и массу неудобств, связанных с тем, что военные действия проходили в основном на венгерской территории. Г. Берзевици в отчаянии писал: «О, как бы я хотел, чтобы народ моей страны, всех без исключения объединило одно чувство – сказать императору: „Государь, мы находимся в твоей власти, но мы не дадим ни продуктов, ни рекрутов, ни налогов до тех пор, пока не будет возвращена наша похищенная свобода“»³⁵. Глубокий экономический кризис, который в конце 80-х годов переживала монархия Габсбургов, на фоне революционных событий в Бельгии и Франции предопределил провал политики Иосифа II в Венгрии.

Реформы императора явственно показали тот предел, дальше которого не распространялась верность венгерского дворянства своему государю. Благие, соответствовавшие духу времени преобразования, проведенные без учета государственно-правовых особенностей традиции, противопоставили государя-революционера венгерскому господствующему классу, а в конце правления едва ли не всему венгерскому обществу.

Вообще, в последние годы правления Иосифа II сословия оказались в затруднительном положении: исполняя приказы императора, они нарушали законы страны, т.е. изменяли отечеству. Отказываясь исполнять распоряжения

императора, они оказывались неверны своему государю, значит – снова изменяли отечеству.

Те, кто разделял просвещенные идеалы императора и не отвернулся от него, оказались в меньшинстве. Более того, соотечественники не простили им сотрудничества с «королем-тираном» и заклеили как изменников родины. По стране ходил пасквиль на графа Яноша Фекете (1741–1803), офицера и поэта, пропагандиста идей Просвещения и горячего сторонника реформ Иосифа II. Анонимный автор обыгрывал значение фамилии графа – «черный» (Fekete) и приписывал ему «черное сердце», «черную душу», упрекал в том, что тот продал Отчизну. Другой «жертвой» патриотической пропаганды стал граф Криштоф Ницки (1725–1787), личный друг императора и один из активнейших проводников политики просвещенного абсолютизма в Венгрии. В стихотворении, посвященном патриотически настроенному дворянину Езерницки, анонимный автор приветствовал его: «Виват Езер!», подчеркивая, что в его имени не должно быть ничего общего с проклятым Ницки³⁶.

Стать сподвижником императора, отождествить свое имя с непопулярным курсом реформ – это поступок, требовавший немало гражданского мужества. Когда в 1785 г. просвещенный аристократ и лояльный подданный Габсбургов граф Ференц Сечени (1754–1820) согласился занять должность королевского комиссара в округе Печ, это неприятно поразило многих его патриотически настроенных друзей. М. Форгач интересовался в письме к Й. Хайноци, служившему в то время секретарем Сечени, не по его ли совету граф согласился занять эту непопулярную должность. В ответном письме Хайноци пояснил: «Друзья ... сказали ему: „В полномочиях комиссара нет ничего противозаконного, у тебя будет свобода действий, ты сможешь принести больше пользы на этом посту, чем без него“. В этой ситуации граф думал, что он может принять эту должность, не поступая при этом непатриотично и противозаконно»³⁷. Однако уже через год, почувствовав всю двойственность ситуации, Сечени, сославшись на состояние здоровья, подал в отставку.

Интересен текст обращения на высочайшее имя, в котором сословия комитата Загреб жаловались на графа Ф. Балашша. По словам дворян, он сосредоточил в своих руках три ключевые должности, будучи одновременно хорватским баном, королевским окружным комиссаром и фёйшпаном комитата Загреб. Воспользовавшись этой властью, сетовали дворяне, граф стал привлекать к управлению комитатом выходцев из неблагородных сословий, подверг комитат разорительным поборам в годы турецкой войны. Проявляя недостойную христианина гордыню, он всегда садился на первую скамью во время церковной службы. Наконец, граф чрезмерно увлекался женщинами, совращая добродетельных жен и не гнушаясь общением с девицами легкого поведения. На

этом основании комитатское собрание просило найти ему замену из любой другой достойной южновенгерской семьи³⁸.

Впоследствии на Государственном собрании 1790 г., где тон задавало патриотически настроенное комитатское дворянство, звучало немало резких слов в адрес ближайших сторонников покойного Иосифа. Когда голосовали за кандидатуры послов на переговоры с Османской Портой, нарекания вызвали те, кто в годы упразднения комитатов продолжал работать в качестве окружных комиссаров. Исключение было сделано только для графа П. Алмаши, который, по общему мнению, делал все возможное, чтобы облегчить положение округа, а также для графа Ференца Сечени, который добровольно сложил с себя обязанности комиссара³⁹. Зато когда в 1790 г. сподвижник покойного Иосифа II просвещенный аристократ граф Шамуэль Телеки (1739–1822), также бывший одно время окружным королевским комиссаром, выставил свою кандидатуру на выборах главы комитата Бихар, «патриотически» настроенное дворянство разворотило все печи и каминные в здании ратуши, где должен был остановиться граф, чтобы тот, не выдержав холода, снял свою кандидатуру и убрался из комитата восвояси⁴⁰.

Осознание того, что венгерские сподвижники императора были людьми достойными уважения, немало сделавшими для блага родной страны, приходило, как правило, позже, часто после их смерти. Вспоминая о событиях 1787 г., Ф. Казинци в своих мемуарах писал: «Граф Криштоф Ницки был ненавидим и любим своими современниками, все считали его великим человеком, знавшие близко – человеком достойным ... Когда Ницки умер, по всей стране наступила великая радость, но общественное мнение может ошибаться, равно как и отдельный человек»⁴¹.

Колебания и душевные сомнения, терзавшие лучших представителей дворянства, точно отразил в своей речи Янош Бёти, фёйшпан комитата Бихар. В 1784 г., когда в Венгрии был введен немецкий государственный язык, Бёти признавался, что с одной стороны – по должности и по рождению – привязан к Отечеству, обязан хранить его законы и обычаи, с другой – долг обязывает его служить государю и исполнять все его поручения. После нелегких раздумий он сделал свой выбор в пользу соблюдения закона: «Я буду исполнять приказы Его Священнейшего Величества до тех пор, пока они не противоречат нашим свободам, предоставленным нам по закону»⁴². Сознание того, что государь, какими бы благими намерениями он ни руководствовался, не имеет права посягать на сословные права и свободы, что не народ создан для короля, а король служит народу, вдохновило дворян сказать решительное «нет» императору.

Уже накануне декрета от 28 января 1790 г. было ясно, что курс императора потерпел полный крах. В конце 1789 г. Г. Берзевици писал: «Ничего из все-

го того, что император предпринял за время своего правления, полностью не осуществилось. Все разрушено, и на этом месте ничего не построено. В государственном аппарате царит величайшая путаница, дел скопилось множество, и ни одно не доведено до конца, все должно остаться незавершенным. Воспитание и школьное дело, новое гражданское и уголовное законодательство, немецкий язык, коммерческие заведения, фабрики и мануфактуры, метрическая система, регулирование тарифов и пошлин – все застряло, все идет медленным неуклюжим шагом и никак не может прийти к желанному концу. Даже пресловутая веротерпимость и отмена личной зависимости принесли на удивление мало перемен ... Магнат, дворянин, священник, солдат, горожанин, крестьянин – все жалуются, все чувствуют себя обманутыми»⁴³.

18 декабря 1789 г. Иосиф объявил о своем намерении созвать Государственное собрание, чем немедленно снял напряжение, накопленное к тому времени в венгерском обществе. Обращаясь к Наместническому совету дворяне комитата Пешт писали: «Мы будем изо всех сил трудиться для того, чтобы стало еще очевиднее, что венгерская нация в своей верности отечеству и королю, которая была известна всей Европе, никому не уступит, и желая блага и королю, и отечеству, во имя их взаимозависимого блага мы не только выставим рекрутов, не только выделим зерно, предоставление которых иначе, как через Государственное собрание сурово карается, но и жизнь, и имущество пожертвовать и посвятить готовы»⁴⁴.

Отмена большинства реформ 28 января 1790 г. и скоростная смерть императора послужила поводом подвести печальный итог десятилетию реформ. Вот что писали в обращении на высочайшее имя дворяне комитата Нитра в марте 1790 г.: «Мы видим святую корону, вывезенную из страны, мы видим Господа, у которого отняли храмы, закон, который лишили святости, родителей, у которых отобрали их детей, нацию без языка, королевство без его привилегий, мертвых без приличествующего им погребения»⁴⁵. Р. Таунсон, путешествовавший по стране в 1793 г., натолкнулся на эти строки в сборнике обращений на высочайшее имя, перевел их на английский язык и процитировал в своих путевых заметках.

На фоне «деспотического правления» Иосифа II происходит постепенная идеализация образа Марии Терезии. В политической литературе становится популярным противопоставление матери и сына. Например, в памфлете Э. Хорани «Иосиф II в полях Элизия» императрица, критикуя политику сына, встает на сторону венгерской сословной оппозиции. «Ты полагаешь, сын мой, что законы, которые ты создаешь, ведут к счастью, но что если венгры так не думают? Что если они находят несчастье там, где тебе видится счастье? Ответь мне, что выше, тысячи людей или один человек?» – поучает государыня своего отпрыска⁴⁶. В дру-

гом, анонимном, пасквиле на покойного императора говорилось: «Хочешь знать, от какого отца происходит и какой матерью рожден? / – Дивись! это был сын великой Терезии, / Безобразная трухлявая ветвь великой Австрии, / Из этого дома, по имени Иосиф Второй, / Но по дурным делам Первый»⁴⁷.

Первые месяцы правления Леопольда II были наполнены напряженным ожиданием. Каким окажется новый король? Поэт Янош Бачани в открытом письме к графу Форгачу уповал: «Вот если бы небеса дали нам такого государя, который обязанности свои не только знал, но и с желанием исполнял, который хотел бы стать своему народу не тираном, а истинным правителем, соблюдающим закон, и добрым отцом»⁴⁸. А. Дугонич, размышляя о судьбах страны в день празднеств в честь возвращения в Буду святой короны, выражал опасение, как бы не стал новый король продолжателем «бесславного правления» своего брата, но тут же оговаривался: «В отношении Леопольда я надеюсь на лучшее»⁴⁹.

Часть дворянства уже не хотела верить себя и страну произволу нового абсолютного монарха. Дворяне-протестанты во главе с П. Балогом провозгласили: «прервалась связующая нить» между венгерской нацией и домом Габсбургов. Поскольку Иосиф II своим правлением выказал пренебрежение к этому соглашению, то сословия вправе расторгнуть Прагматическую санкцию и освободить себя от обязательной верности монарху. Из-за своего внешнего сходства с теорией общественного договора Ж.-Ж. Руссо это идейное течение получило название «дворянского руссоизма». Вот как сформулировал позицию несогласных Г. Берзевици: «Венгрия – свободная страна, которая вручила управление своему королю на определенных условиях; поскольку он этих условий не выполнил, он нарушил договор и избавил нацию от необходимости повиноваться»⁵⁰. В анонимном стихотворном памфлете принцип общественного договора, как он понимался венгерским дворянством, сформулирован так: «Немец венгру слово честное давал, / Это слово клятвой страшно скреплял: / Что свободу древнюю он венгру сохранит, / Что его закон и счастье укрепит, / Ну, сдержал он клятву? – Здорово живешь, / Совести у немца нету ни на грош. / Милую свободу и закон попрад, / Твои комитаты на части разорвал. / Твой родной язык он взял да отменил, / Чем весь род венгерский чуть не загубил. / По закону, если не сдержал обет, / Подлому предателю веры больше нет»⁵¹.

Только умелое маневрирование нового императора Леопольда, сумевшего сначала примириться с внешними врагами – Османской империей и Пруссией – и только затем вступившего в диалог с сословиями, позволило разрешить конституционный конфликт. Стоило Леопольду II восстановить в полном объеме нормы феодального права, как венгерские патриоты успокоились, и попытки найти замену Габсбургам прекратились. Накануне коронации аноним-

ный автор, перефразируя древний лозунг венгерского дворянства «Умрем за нашего короля!», призывал, «глядя на залечившего раны венгерской нации Леопольда, кричать: „Давайте жить ради этой венценосной главы, давайте жить во имя отечества!“»⁵².

Так оказалось успешно разрешено противоречие между верностью дворянина государю и верностью закону. Нация воссоединилась с королем. Леопольд II восстановил мир в королевстве, а венгерское дворянство добилось подтверждения неприкосновенности своих прав и свобод. Традиционную дихотомическую концепцию единства венгерской политической нации и короля встречаем у переводчика с немецкого Жигмонда Освальда: «Король как глава нации является ее первейшим слугой, поскольку не нация создана для короля, а король для народа»⁵³.

В официальной пропаганде первой половины XIX в. также использовалась уходящая корнями в политическую культуру предшествующих эпох максима верности королю и закону. В 1837 г., когда на австрийском и венгерском престоле оказался тяжело больной, не способный к управлению государством Фердинанд Габсбург, в Венгрии вышла анонимная брошюра «Основные черты истинного патриотизма применительно к потребностям дня сегодняшнего». В ней утверждалось, что поскольку первородная независимость противоречит социальной организации человеческого сообщества, люди должны уметь повиноваться с самого рождения, и «одна из первейших обязанностей любого патриота – полное повиновение государю и закону»⁵⁴.

Вообще, тесной взаимосвязью понятий «король» и «отечество» можно отчасти объяснить то обстоятельство, что несмотря на острейшие противоречия между венгерскими сословиями и Габсбургами, в венгерском обществе вплоть до революции 1848–1849 гг. всерьез не рассматривались возможности смены династии или полного отделения от империи. Но и этот вопрос оказался фактически снят с повестки дня после заключения Соглашения 1867 г., согласно которому личность императора-короля становилась одним из главных связующих звеньев между Австрией и Венгрией. Возможно, поэтому в венгерской литературе и общественном сознании возник особый культ императора Франца Иосифа⁵⁵, а в кабинетах многих венгерских политических деятелей эпохи дуализма портрет императора нередко соседствовал с портретом вождя революции 1848 г. Лайоша Кошута.

Примечания

¹ *Hajnóczy J.* Egy magyar hazafi gondolatai néhány, az országgyűlésre tartozó dologról // *Közjogi-politikai munkái*. 51. old.

² Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 177.–178. old.

³ Candida postulata. P. 24.

⁴ Pia desideria. P. 3.

⁵ Egy igaz magyar hazafinak serkentő versei. 483. old.

⁶ *Fallenbüchl Z.* Grassalkovich Antal. Hivatalnok és főnemes a XVIII. században. Gödöllő, 1996. 33. old.

⁷ *Balázs É.* Hungary and the Habsburgs. P. 131.

⁸ Письмо Ф. Балашша к К. Мак-Ненни от 15 апреля 1763 г. см.: ННStA. Nachlaß Nenny. Karton 1.

⁹ Candida postulata. P. 3.

¹⁰ Egy igaz magyar hazafinak serkentő versei. 483. old.

¹¹ Ibid.

¹² Bécsi Magyar Kurír. 1790. 1. sz. 109. old.

¹³ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 49. old.

¹⁴ *Ányos P.* Kalapos király. 109. old.

¹⁵ *Dugonics A.* Följegyzései. 31. old.

¹⁶ *Pézteli J.* Az országgyűléshez. s.l., 1790. 2. old.

¹⁷ На этот эпизод ссылается П. Аньош в поэме «Король в шляпе» (*Ányos P.* Kalapos király. 108. old.), он часто фигурирует в публичных выступлениях комитатского дворянства (*Amadé A.* Dictio. P. 2) и обращениях комитатов на высочайшее имя (*Collectio ordinationum.* P. 52, 74), в политических памфлетах (*Forgách M.* Patriotische Vorstellung. S. 5) и публицистических поэмах (*Révay M.* A haza tért magyar koronának. 356.–357. old.).

¹⁸ *Монтеские Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 259–260.

¹⁹ «notum est toti Europae...» (*Amadé A.* Op. cit. P. 2), «toti, quanta est Europa, constat...» (PML. IV.3-a. 1787–1790. P. 34).

²⁰ *Fritz A.* Lobrede auf die Errichtung der Königlich Theresianischen Ritterschule, von P. Andreas Fritz der Gesellschaft Jesu Priester, der deutschen Reichs-Historie öffentlichen Lehrer lateinisch gehalten den 29. April 1751 und übersetzt von I. Jacob von Minoli Ritter des Ordens St. Johannis von Lateran, Kaiserlichen Rath, und Reichs-Hof-Raths Protonotario cum permissu superiorum. Wienn, 1752 (пагинация отсутствует).

²¹ Младенец Иосиф на руках у Марии Терезии – вымышленная подробность, в которую тем не менее искренне верили как современники событий, так и их потомки. Подробнее о рождении этого мифа см.: *Хаванова О.В.* К вопросу об отражении национального прошлого в венгерской публицистике 90-х гг. XIX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика, 1867–1918. М., 1997. С. 142–150.

²² *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 319.

²³ *Fallenbüchl Z.* Grassalkovich Antal. 36.–37. old.

²⁴ Германские курфюрсты не могли избрать женщину императором Священной Римской империи, поэтому в 1745 г. после смерти Карла Альбрехта Баварского императором был избран супруг Марии Терезии – Франц Стефан Лотарингский, ставший лишь соправителем при своей жене, фактически управлявшей и империей, и владениями Габсбургского дома.

²⁵ *Fallenbüchl Z.* Mária Terézia magyar hivatalnokai. Bp., 1989.

²⁶ Приведено в кн: *Balázs É.* Hungary and the Habsburgs. P. 60.

²⁷ *Candida postulata.* P. 22–23.

²⁸ [*Okolicsányi J.*] Hungarus pro lege, ex lege pro rege et patria. s.l., 1790.

²⁹ *Монтеस्कье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 361.

³⁰ *Candida postulata.* P. 22–23.

³¹ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 318.

³² *Ibid.* S. 321.

³³ *Orczy L., Széki Teleki J.* Méltóságos L. Bárá Orczy Lőrintz úrnak ... és azon dologban felséges urunk királyi commissariusának, Nagy Szöllösön MDCCLXXXII. esztendőben mind-szent.-havának XV. napján Méltóságos R.Sz. B. Gróf Széki Teleki József Úrnak ... és addig Békés vármegye administratorának, Nemes Ugocsa vármegyei Fő ispányi hivatalyába lett be-iktattása alkalmatosságával elmondott beszéde, a Gróf Teleki József úr arra tett feleletével együtt. Pest., 1782. 5., 25. old.

³⁴ *Patriotische Vorstellung.* S. 8.

³⁵ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 325.

³⁶ *Gálos R.* Egykorú gúnyversek II. Józsefről. 69. old.

³⁷ Цит. по: Hajnóczy József. 157. old.

³⁸ *Repraesentatio Congregationis I. Comitatus Zagradiensis.* Zagreb, 1790. P. 3–10.

³⁹ PML. Acta congregationalia. IV.3-c. 1790. 3229. 1/a. old.

⁴⁰ *Keresesi J.* Naplója. 211.–219. old. См. также: *Levy M.* Count Sámuel Teleki and his reform project. Comment on Habsburg Hungary in 1790 // East Central Europe. 1975. № 2. P. 152–170.

⁴¹ *Kazinczy F.* Pályám emlékezete. 79. old.

⁴² *Marczali H.* Magyarország II. József korában. II. köt. 537. old.

⁴³ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 321.

⁴⁴ PML. IV.3-a. 1787–1790. P. 47–48.

⁴⁵ *Collectio repraesentationum.* Pars I. P. 65.

⁴⁶ *Josephus II.* in campis Elysiis. P. 27.

⁴⁷ Második József császárnak. 480. old.

⁴⁸ *Batsányi J.* Nagy méltóságú gróf Forgách Miklós úrhoz (Budára, Sz. János' hav. 20-dik napján 1790) // *Batsányi J. Összes művei / Sajtó alá rend. D. Kereszturi. Bp., 1960. II. köt. Prózai művek. I. köt. 202. old.*

⁴⁹ *Dugoncs A.* Följegyzései. 61. old.

⁵⁰ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 325.

⁵¹ Egy igaz magyar hazafinak serkentő versei. 482. old.

⁵² *Ibid.* 379. old.

⁵³ [*Oszvald Zs.*] Az igaz hazafi kinek tulajdonságait együgyű beszédbe foglalta egy Hazája s nemzete javat óhajtó szíve. Pest, 1792. 10. old.

⁵⁴ Az igaz hazafiúság alapvonalai a jelenkor szükségeihez alkalmazva. Pest, 1837. 65. old.

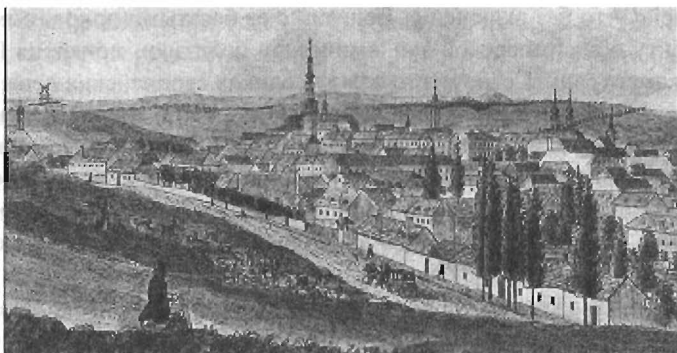
⁵⁵ *Белоусова В.М.* К вопросу о венгерской интерпретации Габсбургского мифа // *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика.* С. 134–141.

Миклош Шкерлец

Глава II

Экономическая политика Габсбургов и формирование национального самосознания

Вторая половина XVIII века — время, когда австрийская политическая элита сформулировала задачу создания из разрозненных владений Габсбургского дома единого экономического и государственно-политического организма. Методы экономической политики Австрии в Венгрии и последствия ее осуществления долгие годы вызывали дискуссии в венгерской исторической науке. В настоящей главе преимущественное внимание уделяется не экономической политике как таковой — это потребовало бы привлечения специфических экономико-статистических источников и применения специальных исследовательских методик. Здесь рассматривается включение в концепцию венгерского патриотизма действий по защите экономических интересов Венгрии перед лицом политики Австрии и показывается, как стремление преодолеть экономическую отсталость родной страны начинает восприниматься обществом как разновидность патриотической деятельности.

Первые попытки экономической интеграции Наследственных владений были предприняты еще во второй половине XVII в. Находившаяся в то время у власти группа австро-чешских аристократов, известная как «богемская партия», считала Венгрию, недавно освобожденную от османов, далекой периферией, буферной зоной, на которую не распространялись планы экономическо-

го переустройства монархии. Ситуация постепенно изменилась в течение XVIII в. Поражение в войне за испанское наследство заставило Габсбургов окончательно распрощаться с мечтами о мировом господстве. В войне за австрийское наследство они потеряли свою самую богатую и динамично развивавшуюся провинцию – Силезию, вернуть которую не удалось и в ходе Семилетней войны. В то время как в 1740 г. против династии выступили чешские сословия и некоторые из германских князей, венгры в самый трудный момент оказали Габсбургам военную и финансовую поддержку. После неудачной и крайне разорительной для Австрии Семилетней войны стало окончательно ясно, что без включения Венгрии с ее богатыми природными ресурсами в орбиту общеимперской экономической политики, монархия Габсбургов не сможет сохранить свое место в ряду великих европейских держав.

В конце XVII – первой половине XVIII в. экономическая политика Габсбургской монархии основывалась на принципах меркантилизма, который применительно к Австрии традиционно, хотя и не вполне точно, называют «камерализм». Как и в большинстве стран Европейского континента, австрийские камералисты стремились поддерживать отечественную промышленность и промышленный экспорт и одновременно препятствовать – с помощью системы таможенных пошлин и запретов – ввозу в страну сырья и готовых изделий. В то же время политика Вены в сфере экономики никогда не была единой, скоординированной и целенаправленной и чаще зависела от конкретных нужд государства и экономических воззрений находившихся у власти политиков. Камералисты исходили из того, что, во-первых, в монархии как едином экономическом организме необходимо добиться региональной специализации, максимально обеспечивающей потребности внутреннего рынка, и, во-вторых, что место отдельных регионов в разделении труда должно определяться уровнем и особенностями их экономического развития. Так, промышленность предполагалось поощрять прежде всего в австро-чешских провинциях, где степень урбанизации и плотность населения были высоки, в то время как преимущественно аграрной и малонаселенной Венгрии отводилась роль поставщика сырья и сельскохозяйственной продукции.

Камералисты одними из первых начали использовать налоги, тарифы и пошлины не только как источник пополнения казны, но как инструмент стимулирования или, наоборот, сдерживания развития тех или иных секторов экономики. Разрабатывая в начале 50-х годов новое таможенное регулирование, австрийские власти преследовали две цели. Во-первых, в обстановке постоянного дефицита бюджета они пытались хотя бы частично компенсировать потери имперской казны от налогового иммунитета дворянства. Венгерское Государственное собрание 1751 г., как и последующие сословно-предста-

вительные форумы, ноотрез отказалось возложить часть налогового бремени на дворянство. Придворная венгерская канцелярия, напротив, предлагала освободить привилегированные сословия от уплаты налогов с товаров, ввозимых в страну для их личных нужд и даже позволить им беспошлинно экспортировать продукцию помещичьего хозяйства¹. Во-вторых, интересы формировавшейся австро-чешской торгово-промышленной буржуазии, не способной пока конкурировать с более дешевыми и качественными прусскими товарами, требовали, чтобы продукция Наследственных провинций была обеспечена надежным рынком сбыта. В 1754 г. во владениях Габсбургского дома вступило в силу новое таможенное регулирование, опоясавшее протекционистскими таможенными пошлинами всю территорию монархии. В Венгрии оно получило название тридцатины по имени средневековой таможенной пошлины, составлявшей соответственно одну тридцатую часть стоимости ввозимого или вывозимого товара.

Впоследствии член экономической комиссии венгерского Государственного собрания М. Шкерлец, убежденный меркантилист, так писал о таможенном регулировании 1754 г.: «Практический опыт учит нас, что при умеренных налогах расцветает торговля и королевская казна получает больше, чем когда пошлины высоки, что мешает обороту товара. С другой же стороны, при низких таможенных пошлинах страну наполняют иноземные товары, душат отечественного товаропроизводителя и вывозится большая часть денег, находящихся в обороте. Закон 1754 года выбрал срединный путь, поскольку провел различие между иностранными товарами и товарами Наследственных провинций». Для товаров иностранного производства вводилась пошлина в размере 20% стоимости, импортные пошлины на товары Наследственных провинций устанавливались в размере 5%, экспортная пошлина на венгерские товары как за границу, так и в Наследственные провинции составляла два процента².

В то же время, писал М. Шкерлец, в Вене видели, что в Венгрию за сырье приходит больше наличных денег, чем вывозится из страны в уплату за промышленную продукцию. Под предлогом восстановления торгового баланса действовавший в Вене Совет по торговле направил свои усилия на то, чтобы таможенные сборы шли исключительно на повышение материального благосостояния австро-чешских провинций. Так постепенно начала складываться система, изолировавшая венгерскую торговлю от прямых контактов с иностранными торговцами, система, при которой доходы от посредничества, а это была немалая сумма, попадали в руки австрийских купцов. Совет по торговле распорядился, чтобы те товары, в которых особенно нуждались австро-чешские фабрики, были запрещены к вывозу из Венгрии, равно как и те, которых в Наследственных провинциях не хватало в достаточном количестве. Шкерлец приводит пример, как Совет, не запрещая напрямую вывоз шерсти из

Венгрии, ввел высокую экспортную пошлину и добился того, что венгерским купцам стало выгоднее продавать шерсть в Наследственные провинции, а не за границу. Поставляя шерсть в Австрию, купец платил только 3 форинта, если же за границу – по 3 форинта с каждого мотка³.

В следующем, 1755 г. пошлина на ввозимые иностранные товары повысилась до 30% их стоимости, если только товар не покупался у австрийского купца; тогда как пошлины на товары, ввозимые из Наследственных провинций, составляли всего 3%. Впоследствии, в 1764 и 1767 гг., был запрещен ввоз из-за границы новых товаров, производство которых на австро-чешских заводах достигло к тому времени определенной степени совершенства. В 1775, 1784 и 1788 г. таможенное регулирование претерпевало частичные изменения, но неблагоприятное для становления и развития венгерской промышленности соотношение таможенных тарифов и пошлин сохранялось, отсекая Венгрию от выгодных торговых партнеров за пределами монархии. Нельзя утверждать, что подобная система двойных тарифов принесла Венгрии одни только убытки. Несомненно, что венгерское сырье и сельскохозяйственная продукция получили таким образом гарантированный рынок сбыта. Между тем молодая венгерская промышленность, не имевшая внутренних ресурсов для становления и развития, не могла выдержать конкуренции с дешевыми австро-чешскими товарами.

Ф. Сабо считает, что взаимоотношения Венгрии и монархии Габсбургов коренным образом изменились на заключительном этапе Семилетней войны, когда австрийские власти особенно остро нуждались в деньгах. В начале войны прямой налог (контрибуция), ежегодно выплачиваемый Венгрией (4,3 млн. форинтов), был сопоставим с долей Австрии (4,1 млн.) и Чехии (5,9 млн.) в общих расходах. К началу 60-х годов в австро-чешских провинциях власти стали все чаще прибегать к косвенным налогам и принудительным займам, в Венгрии же изменить сумму контрибуции без согласия Государственного собрания было невозможно. Именно тогда оппозиционно настроенный канцлер Л. Надашди был заменен на более лояльного М. Палфи, при котором «добровольные кредиты» возросли в несколько раз. Обращение к венгерским аристократам с призывом пожертвовать деньги на войну осталось без ответа. На предложенное венгерской стороной повышение налога с духовенства – в то время, когда дворянство богатело на поставках продовольствия и фуража армии – австрийские власти не решились. В этой обстановке в Вене все чаще задумывались о том, какими мерами заставить венгров участвовать в справедливом распределении общих расходов. Так пришел конец прежней политике консенсуса⁴. Показательно суждение русского посла в Вене Д.М. Голицина, высказанное им в 1763 г.: «Из всех земель императрицы-королевы Королевств-

во Венгерское всегда меньше несло тягости. И хотя всегда наблюдали, чтобы канцлер оной земли был человек преданный двору, однако сей народ столь ревнителен о сохранении своих привилегий, что никогда не смеют их трогать, какова бы нужда не была»⁵.

В ряду мер, направленных на создание единой монархии, важнейшая роль отводилась сформированному в 1761 г. Государственному совету, выполнявшему функции совещательного органа при монархе. Его компетенция формально распространялась только на Наследственные провинции, но на практике на заседаниях Государственного совета регулярно обсуждались вопросы, имевшие непосредственное отношение к развитию промышленности и торговли в Венгрии. Венгерский историк Д. Эмбер в статье «Идея единой монархии в эпоху Марии Терезии» проанализировал причины непримиримых противоречий между Венгрией и династией⁶. Государственный совет рассматривал монархию как единое целое, части которого экономически дополняют друг друга, но дополнение они понимали в том смысле, что это Венгрия дополняет Наследственные провинции, а не наоборот. В 60-х годах Венгрия стояла на более низкой ступени развития: малочисленное население, неразвитая торговля, отсутствие промышленности, отставание даже в земледелии и животноводстве. Государственный совет несомненно пытался найти пути сглаживания неравномерности экономического развития. Но первостепенную задачу члены совета все-таки видели в процветании Наследственных провинций, переживавших промышленный подъем. Единственное, чего им не хватало – ресурсов и рынка. И то, и другое можно было найти в Венгрии. Государственный совет сделал все для того, чтобы австро-чешские промышленные товары беспрепятственно попадали в Венгрию, и чтобы потребление здесь все возрастало. Конкурентную борьбу с иностранными товарами, прежде всего из Силезии, вели с помощью самого сильного оружия торговой войны – налогов⁷.

Члены Государственного совета не имели единого мнения о том, как следует относиться к молодой венгерской промышленности. Так, советник Г. Блюеген испытывал к венграм трудно скрываемое чувство неприязни и неустанно повторял, что необходимо менять ситуацию, при которой колоссальные суммы денег ежегодно утекают в Венгрию в уплату за сырье и сельскохозяйственную продукцию. В. Кауниц – непримиримый противник сословно-феодалных привилегий – считал расцвет венгерской торговли большим несчастьем, поскольку это способствовало бы обогащению освобожденного от налогов местного дворянства. В то же время, если бы Венгрия взяла на себя часть общего финансового бремени, Кауниц был готов отменить все различия между королевством и Наследственными провинциями. Советник Э. Борье, которому и было поручено разработать принципы экономической политики в

Венгрии, считал развитие венгерской промышленности делом несвоевременным, ибо в стране не хватало рабочих рук даже для сельского хозяйства. Однако здесь можно было развивать те отрасли, в которых Наследственные провинции были неконкурентоспособны или нерентабельны. Он видел, что венгры уже осознали преимущества промышленного производства и будут всячески стремиться его развивать, но если не направлять этот процесс, он может превратиться в угрозу для Наследственных провинций⁸.

При подобном отношении к венгерской промышленности со стороны венских властей открытие в Венгрии новых фабрик было крайне затруднено. Вот как описывал ситуацию с молодой венгерской промышленностью М. Шкерлец: «Основание фабрик требует больших и обременительных расходов, и работы по основанию завода в самом начале представляют большую трудность. Возведение необходимого здания и часто закупка дорогостоящего оборудования сопровождаются такими первичными расходами, которые не приносят никакого дохода. К этому следует добавить закупку необходимого сырья, наем подмастерьев и учеников, которым равным образом необходимо сначала заплатить ... Но даже если дела у вновь основанного предприятия пойдут настолько удачно, что оно окупит все эти расходы, дело может осложниться тем обстоятельством, что сумму, необходимую для основания фабрики в такой стране, как наша, где очень мало граждан имеют возможность накопить некую сумму денег, можно найти с большим трудом; более же богатые землевладельцы заводские предприятия считают настолько ненадежным занятием, что деньги свои вкладывают либо в недвижимость, либо одалживают другому землевладельцу»⁹.

Перу известного венгерского поэта эпохи барокко, барона Л. Орци принадлежит стихотворение, в котором звучал вопрос, не испортит ли занятие торговлей древние венгерские нравы. И устами дворянина давался ответ: «Если у нас достаточно еды и вина, то чего еще нам желать? К чему венгру копить деньги?» Несмотря на то, что такого мнения придерживалось большинство провинциального дворянства, в венгерском обществе постепенно крепло понимание того, что страна отстает в экономическом развитии не только от передовых европейских стран – Англии и Франции, но и от австро-чешских Наследственных провинций. Дворяне и недворяне, католики и протестанты, обучавшиеся в западноевропейских университетах, возвращались на родину с новыми познаниями в экономике и стремлением применить их на практике. Все больше дворян втягивалось в рынок, начинало проявлять интерес к новым сельскохозяйственным культурам и новым методам хозяйствования. Это особенно было характерно для северных и северо-западных областей королевств-

ва, расположенных близко к границе с Австрией, тесно с ней связанных торгово-экономическими отношениями.

Миклош Шкерлец был не только теоретиком, но и неутомимым практиком, проявлявшим заботу о внедрении новых сельскохозяйственных культур, пород животных и методов хозяйствования. Он с огорчением констатировал, что «в народе еще живо предубеждение, что экономика родной страны основывается на земледелии, виноградарстве и скотоводстве и есть такие места, где презирают мануфактурный труд»¹⁰. Среди инициированных им в 70–80-е годы экономических проектов – разведение в Хорватии овец тонкорунных пород из Испании (опыт не удался), приобщение венгерских и хорватских крестьян к разведению шелковичных червей, издание и распространение популярных, доступных малообразованным людям пособий по пчеловодству и т. п.

Большой вклад в пропаганду экономических знаний внесло католическое и протестантское духовенство. Подлинным подвижником был лютеранский священник Шамуэль Тешшедик (1742–1820). Он изучал экономику в Германии и, вернувшись на родину, начал применять полученные знания на практике. В 1779 г. по завещанию фёйшпана комитата Бекеш Я.Д. Харукена, он получил 45 хольдов земли в местечке Сарваш для организации образцового хозяйства. Образ жизни Тешшедика был как у простого крестьянина: он трудился с утра до позднего вечера, превращая каменные земли в плодородные и разводя на пустошах тенистые рощи. Целью Тешшедика было показать, на что способен крестьянин, если он обладает трудолюбием и необходимыми знаниями. В 1784 г. он написал книгу «Венгерский крестьянин, что он из себя представляет и кем может быть», которую известный меценат и патриот Ф. Сечени впоследствии перевел с немецкого на венгерский язык¹¹.

Пропагандистом экономических знаний был член ордена иезуитов, профессор теологии Лайош Миттерпахер (1734–1814), прошедший путь от учителя шопронской гимназии до ректора Пештского университета. В 1759 г. Миттерпахер попал в Вену, где с 1762 по 1774 г. преподавал теологию и экономику в Терезианской академии. Его перу принадлежат такие брошюры, как «Проект изучения экономических знаний, которым обучаются молодые дворяне в Терезианской академии» и «Краткий проект изучения экономики в Терезианской академии»¹². В них он побуждал молодых дворян – будущую политическую элиту монархии Габсбургов – изучать экономику и потом применять эти знания на практике. «Изучение экономической науки, – писал Миттерпахер, – без сомнения одна из важнейших обязанностей дворянина. Разве не в руках дворянства находится производство продуктов первой необходимости и тем более предметов роскоши и изобилия – этой важнейшей составной части счастья любого государства?»¹³

С восшествием на престол Иосифа II в 1780 г. на смену меркантилистским принципам в экономике приходит физиократизм, страстным сторонником которого был император. После десятилетий преимущественного внимания к развитию промышленности и торговли в экономической политике венского двора произошел поворот на сто восемьдесят градусов. Физиократы считали главным богатством землю, а все те, кто был связан с промышленностью, торговлей, служил в бюрократическом аппарате, занимался наукой или искусством жили, по их мнению, за счет земледельцев. По этой логике землевладельцы и крестьяне должны были быть уравнены в налогах на землю. В Наследственных провинциях начиная с 1749 г. дворяне платили налоги с земельной собственности, так называемый *Adelsteuer*, который был несопоставимо легче, чем налоговое бремя на непривилегированные сословия. В Венгрии, напомним, дворянство сохраняло налоговый иммунитет под предлогом несения воинской обязанности.

Специальная комиссия под руководством князя К. Цинцендорфа начала работу над проектом налоговой реформы, в результате которой доходы казны увеличивались бы в десятки раз. Так могла претвориться в жизнь давняя габсбургская мечта обложить справедливыми налогами как дворян, так и крестьян. Однако добиться этого было затруднительно даже в экономически развитых Наследственных провинциях, не говоря уже о Венгрии или Трансильвании, где хозяйство сохраняло во многом натуральный характер и немедленный перевод налогов и повинностей в денежный эквивалент был невозможен.

Для того чтобы сделать налоги более дифференцированными и справедливыми были начаты перепись населения и составление земельного кадастра, вызвавшие резкое сопротивление в Венгрии. Но даже самые прогрессивно мыслящие дворяне оказались не готовы к немедленной отмене налогового иммунитета. М. Форгач, явно идеализируя ситуацию, писал: «Несомненно, что облегчение платящего налога народа нуждается в особом внимании, из того, однако, что платящему налогу народу должна быть оказана поддержка; не следует, что землевладельцы в этом королевстве каким-то образом обременяют налогоплательщиков». Более того, утверждал он: «Ни в одной наследственной провинции помещики не получают меньше услуг от своих зависимых людей, чем в Венгрии, и, в свою очередь, зависимые люди ни в одной наследственной провинции не получают больше помощи от своих господ, чем в Венгрии»¹⁴.

Иосиф II придерживался иного мнения. В письмах к канцлеру Л. Палфи император прямо угрожал ввести дискриминационные тарифы и пошлины на венгерские товары, если дворянство и далее будет противиться проведению налоговой реформы. 10 февраля 1785 г. он подписал декрет, в котором, в ча-

ности, говорилось: «Нет другой такой страны, в которой дворянство обладает столькими привилегиями и прерогативами ... Привилегия, предоставляемая дворянам, повсюду состоит в том, что они сами решают, какую сумму налога платить государству, являя тем самым пример для подражания»¹⁵. Не слушая никаких контраргументов, император приказал завершить подготовку налоговой реформы к 1789 г., чтобы по всей империи, за исключением недавно присоединенной и крайне бедной провинции Галиция, сеньориальные и крестьянские земли оказались уравниены в налогах. Последствия этого недалековидного упрямства просвещенного монарха известны.

Накануне Государственного собрания 1790 г. с новой остротой встал вопрос о взаимоотношениях с Австрией. Неблагоприятные для Венгрии последствия общеимперской экономической политики побуждали искать пути реорганизации взаимоотношений двух государств. Миклош Форгач – будущий глава экономической комиссии на Государственном собрании 1790 г. – в памфлете «Ясные требования к наилучшему государю» выдвинул следующую программу неотложных мер: неременное утверждение на Государственном собрании королевства размера тех средств, которые Венгрия выделяет на ведение войн или вносит в имперскую казну; введение практики регулярных отчетов сборщиков налогов перед Государственным собранием; предоставление Венгрии права чеканить собственную монету и помечать ее знаком королевства; отмена «притеснительного налога с венгерских продуктов, тридцатинны»¹⁶. Выполнение этих требований, считал автор, ничуть не затрагивая интересов монархии Габсбургов в целом, поставило бы венгерские финансы под контроль сословий и положило бы конец безнаказанному расхищению венгерских богатств.

Свое отношение к экономической политике Габсбургов высказал Г. Берзевици. Молодой экономист пришел к выводу, что владычество Австрии в Венгрии пагубно для его родины. Монархия Габсбургов для Берзевици – это типично деспотическое государство, а австрийские императоры (все без исключения) – деспоты, которые «с самого начала своего правления всегда имели по отношению к Венгрии губительные намерения: королевство под их управлением всегда было несчастно, затравлено и ни во что не ставилось»¹⁷. И это страна, которую Берзевици без преувеличения называет богатейшей частью империи.

Он не жалеет слов, описывая красоту своей родины: «Все, что природа породила в Венгрии – обильно и полно сил: как крепки ее вина, как тучен рогатый скот, как смелы лошади, как плодородна земля, как богаты ее копи, как полезны и обильны ее минеральные источники, каков животный мир лесов и рек ...»¹⁸. Странно, что империя Габсбургов так и не достигла той степени могущества и процветания, которая определена ей самой природой. Причина

всего этого, утверждает Берзевици, в том, что деспотические методы правления действуют против собственных интересов империи. «И эту простую, бросающуюся в глаза истину, – возмущался Берзевици, – австрийские государи уже два с половиной века не могут понять или не хотят понять – и то, и другое равно постыдно. Поэтому-то и извлекают они из Венгрии – самой большой, самой важной части своей монархии – наименьшую пользу: они стране и страна им в тягость»¹⁹.

Берзевици считал, что сохранение государственно-политической независимости королевства было бы спасительным выходом во взаимоотношениях двух государств. Если бы Австрия «дала надлежащее направление богатству природных ресурсов Венгрии», для империи открылся бы обильный источник все возрастающей мощи. «Блеск Габсбургов был бы поднят вместе с нашим благом на новую высоту, наши соседи боялись бы и завидовали», – утверждал Берзевици²⁰. Порочность австрийских методов управления Венгрией, т. е. нежелание развивать ее экономику как структуру независимого государства, была для автора очевидна, а вот средства борьбы с деспотизмом Габсбургов в двух рассматриваемых памфлетах – разные. В «Принципах» он еще не исключает возможности диалога с королевской властью: «О, как бы я хотел, – восклицает он, – чтобы народ моей страны, всех без исключения, объединило бы одно чувство – сказать императору: „Государь, мы находимся в твоей власти, но мы не дадим ни продуктов, ни рекрутов, ни налогов до тех пор, пока не будет восстановлена наша похищенная свобода“»²¹. В памфлете «О господстве Австрии» он уже видит единственный выход в низложении Габсбургов, ссылаясь при этом на положение Руссо о праве нации расторгнуть общественный договор при несоблюдении его условий одной из сторон («если государи не соблюдают соглашения, то обязательства подданных утрачивают силу»)²².

В несомненной пользе полного отделения от империи Берзевици убеждался, сравнивая статистические показатели Австрии, зависимого королевства Венгрии и свободных Пруссии и Швеции. Соотношение годового дохода к численности населения в этих странах подтверждает вывод Берзевици о том, что политическая независимость весьма благоприятно влияет на экономическое развитие²³. Вообще же, постоянное смешение понятий экономической и государственно-политической независимости наводит на мысль, что тезис об экономической целесообразности отделения Венгрии от Австрии был дополнительным аргументом в пользу независимости политической, и автора гораздо больше заботило сохранение государственного суверенитета Венгрии, чем экономический прогресс ценой отказа от независимости. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести следующие рассуждения Берзевици: «Раз дела обстоят так, то я не вижу, какая нам выгода с того, что мы являемся подданными

не Турции, а Австрии, которая взимает с нас налоги, но не позволяет пользоваться нашими законами и обычаями»²⁴.

На Государственном собрании 1790–1791 гг. была образована специальная экономическая комиссия. Во главе комиссии встал М. Форгач, в ее состав вошли передовые экономисты страны – Й. Подманицки, Я. Сапари, П. Алмаши, но подлинным вдохновителем и координатором стал М. Шкерлец. За два года напряженной работы удалось обобщить пожелания, выдвинутые комитетами, и выработать проект комплекса законов, направленных на появление условий для свободного развития промышленности, повышения производительности сельского хозяйства, создания транспортной инфраструктуры, улучшения торговых связей Венгрии с сопредельными странами.

В рассуждениях М. Шкерлеца, отражающих в конечном итоге коллективное мнение членов комиссии, заслуживают внимания два момента, важных для понимания корреляции между экономикой и патриотизмом. Во-первых, оценка деятельности, направленной на развитие экономики Венгрии, как формы служения отечеству, и во-вторых, обвинение австрийских властей в том, что их экономическая политика фактически превращает Венгрию в колонию Наследственных провинций.

Шкерлец остро чувствовал, сколь несовершенно венгерское законодательство с точки зрения поощрения сограждан к экономической деятельности. В средние века предпринимательство и торговля считались занятиями недостойными дворянина, и хотя теперь все больше дворян обращалось к опыту прогрессивного хозяйствования, общество в целом все еще оставалось экономически инертным. «Заниматься частным предпринимательством – занятие благородное, – пишет экономист, – разрабатывать же шахты, заниматься экспортной торговлей и основывать фабрики – столь благородное призвание, что оно никоим образом не умаляет ни дворянского, ни магнатского звания»²⁵. В этой связи комиссия предлагала поощрять иностранцев, которые захотят открыть в Венгрии фабрику, бесплатным предоставлением гражданства и даже возведением в дворянское достоинство, если жители города или комитата сочтут, что данное предприятие принесет им несомненную пользу.

Специальный закон, озаглавленный «О процветании венгерской промышленности», гласил: «Все местные власти обязаны исполнять королевские законы, изданные Наместническим советом и направленные на развитие экономики. Помимо этого первостепенной обязанностью является искреннее и сильное содействие этой благородной цели»²⁶. Шкерлец пояснял, что существует еще немало помещиков, которые до сих пор считают излишним наряды с привычными методами ведения хозяйства проявлять заботу еще о чем-либо, и многие чиновники полагают, что нет нужды уделять столько же внимания

промышленности и торговле, сколько политическим вопросам и по отношению к экономике нет иной обязанности, кроме как доводить до сведения общества соответствующие распоряжения центральной власти. Поскольку чиновники объясняли свое бездействие отсутствием специального закона, обязывающего их заботиться о промышленности и торговле, экономическая комиссия считала необходимым принятие соответствующего закона²⁷. Особо оговаривалось, что если в каком-либо «отсталом комитате» будут настолько заняты другими делами, что не смогут уделять достаточно внимания вопросам промышленности и торговли, там необходимо будет вверить заботу о развитии экономики одному или нескольким «кураторам»²⁸.

Интересен способ, каким комиссия предлагала пропагандировать экономические знания в широких слоях населения. Справедливо полагая, что нет более действенного способа, чем вложить слова о преимуществе новых методов хозяйствования в уста духовных пастырей, авторы закона предлагали: «Семинаристы, обучающиеся в семинариях всех признанных религий, пусть заканчивают курсы практической экономики, и пусть свидетельство об окончании этих курсов служит основанием повышения их в сане»²⁹. Если вспомнить, с каким воодушевлением служили делу пропаганды экономических знаний среди дворян и крестьян Ш. Тешшедик, Л. Миттерпахер и сотни их единомышленников, мера покажется более чем разумной и справедливой.

Вторым важным выводом экономической комиссии была характеристика политики Австрии в Венгрии как колониальной. «Нет нужды доказывать, – писал Шкерлец, – что австрийцы использовали в своих интересах систему таможенных запретов. Следствием этих запретов стало то, что венграм пришлось покупать худшие по качеству австрийские товары, если только они не хотели покупать втридорога лучшие по качеству иностранные товары». Подобная практика была характерна для западноевропейских колониальных держав. «Те страны, которые основывают заморские провинции, – напоминал экономист, – нужда заставила принять законы, согласно которым, во-первых, товары, производимые в колониях можно вывозить только в метрополию, во-вторых, нельзя основывать заводы для производства даже самых необходимых товаров, в-третьих, все необходимое можно ввозить только из метрополии. Эти законы привели к тому, что торговля иноземными товарами, равно как и сбыт продукции, производимой в колониях, оказался в руках метрополии... Это можно было оправдать тем, что метрополия вкладывала огромные средства в колонию, и в качестве компенсации не было другого способа возместить расходы»³⁰.

Однако Венгрия – не какая-нибудь заморская колония, возражал Шкерлец, а свободная страна, политический статус которой официально признан

династией Габсбургов и закреплена в международно-правовых актах. У этой страны есть свое законодательство, нарушить которое законным путем нет никакой возможности. И тем не менее, хотя ни один закон не воспрещал открытия в Венгрии фабрик, венскими властями было сделано все возможное, чтобы в королевстве не было промышленных предприятий, для чего был облегчен ввоз промышленной продукции из австро-чешских земель и возведены преграды для экспорта продукции венгерских мануфактур в Наследственные провинции. «Поскольку монархия состоит из двух самостоятельных и друг от друга полностью независимых частей, – писал он, – никто не станет отрицать, что таможенные пошлины должны устанавливаться с точки зрения торгового баланса. Но под этим торговым балансом следует понимать не полное *торговое подчинение*, но взаимное предоставление налоговых льгот, ибо *равновесие* и полное торговое подчинение исключают друг друга»³¹.

«Недостаточно сравнить физические величины собранных налогов, – убеждал Шкерлец, – необходимо принять во внимание человеческие ресурсы ... подсчитать, где больше обращение денег и скорость оборота, в Венгрии или Наследственных провинциях». Выводы, по его мнению, будут неутешительны: «После выплат налогов получится, что австрийцы с умеренным старанием смогут вести достойную жизнь, у венгров же едва ли останется хоть что-нибудь, чтобы работая со сходным усердием, как австрийцы, добыть хотя бы самое необходимое. Из этого заключим со всей уверенностью, что у немцев денежное обращение больше и быстрее, чем у венгров»³².

Рекомендованные комиссией законы были направлены на исправление перекосов в торговых отношениях Венгрии и Наследственных провинций. Предлагалось поставить тридцатинные сборы под контроль венгерских властей, препятствовать вывозу из страны сырья или повышать соответствующие экспортные пошлины только в тех случаях, пока эти ограничительные меры служат интересам венгерской промышленности.

Таким образом, в экономических концепциях Шкерлеца и Берзевици экономика оказалась тесно связана с политикой, и патриотизм для них и их единомышленников – это желание экономического процветания родной стране и убежденность, что это возможно лишь при условии политической независимости королевства.

Важнейшие мотивы творчества Миклоша Шкерлеца – развитие национальной экономики как форма служения отечеству и оценка экономической политики Габсбургов в Венгрии как колониальной – получили свое развитие в XIX в.

В эпоху реформ вдохновителем и движущей силой развития капиталистических отношений в Венгрии оставалось дворянство. В 1830 г. ключевая фигура «эпохи реформ» граф Иштван Сечени в своей знаменитой брошюре

«Кредит» назвал главным тормозом свободного экономического развития средневековый запрет на продажу земли и, как следствие, отсутствие доступного кредита для инвестиций в экономику. Он подверг критике крепостное право, налоговый иммунитет дворянства, цеховое устройство, призвал к преодолению сословных барьеров и включению непривилегированных классов в национальное сообщество. Не только теоретик, но и практик, он занимался вопросами навигации по Дунаю и Тисе, строительством первого постоянного моста между Пештом и Будой, пытался наладить в Венгрии разведение скаковых лошадей, вывезенных из Англии, и основал Национальное казино (подобие английского клуба) как место встречи политической элиты. Его примеру следовали другие аристократы: граф Лайош Баттяни открыл сахарный завод, граф Антал Форгач – трикотажную фабрику, продукция которой не уступала по качеству лучшим зарубежным аналогам, графы Андраши прославились своими сталелитейными цехами.

Венгерский историк П. Ханак справедливо отмечал, что вовлечение господствующего класса в экономическую деятельность было напрямую связано с концепцией гражданского патриотизма. Основывая заводы и фабрики, занимаясь коммерцией, модернизируя сельское хозяйство венгерское дворянство меньше думало об извлечении материальной выгоды (главном стимуле действий любого капиталиста) и больше о реформировании венгерского общества, о сохранении своей ведущей роли в политических процессах, и в этом безусловно прослеживается их живая связь с поколением 1790-х, с заложенными М. Шкерлцем идеалами. В то же время во второй половине XIX в., с ослаблением влияния либеральных идей, гражданское понимание экономического патриотизма вытесняется свойственным провинциальному дворянству отношением к экономике как недостойному занятию³³.

Венгерская политическая элита и в XIX в. продолжала бороться с австрийской экономической политикой, которую считала колонизаторской. Главный оппонент Сечени – Л. Кошут, стремясь привлечь внимание общественности к проблемам развития национальной экономики, в октябре 1844 г., когда австро-венгерские отношения в очередной раз обострились, организовал Союз защиты. Учредители Союза поклялись, что в течение десяти лет будут по возможности покупать только товары, произведенные в Венгрии, даже если они хуже по качеству и дороже. И хотя Сечени выступил с критикой этой инициативы, указывая на то, что подобная мера только еще больше осложнит взаимоотношения между Венгрией и Габсбургами, идея Кошута была с энтузиазмом подхвачена венгерским обществом и в провинции возникло около полутораста филиалов Союза³⁴.

Калман Миксат в своем романе «История Ности-младшего и Марии Тот» тонко иронизировал по поводу показного патриотизма некоторых своих современников. Барон Коперецкий (этнический словак) и венгерский аристократ Ференц Ности обсуждали меню банкета по поводу вступления Коперецкого в должность фёйшпана, и барон предложил на венгерское шампанское наклеить французские этикетки, а его собеседник Ности, наоборот, на французское шампанское – венгерские, сопроводив свою идею следующим комментарием: «Словацкий барин жульничает, как ты, а венгерский – как я. Если вдруг о твоём распоряжении узнают ... ты навеки опозоришься. А если выплывет наружу мое распоряжение ... тогда тебя будут приветствовать как тороватого барина и патриота»³⁵.

Новый всплеск экономического патриотизма охватил венгерское общество в 1897 г., накануне перезаключения экономического соглашения между Австрией и Венгрией на ближайшие десять лет. Требование Вены существенно (с 31,5 до 42%) увеличить долю Венгрии в общих расходах в связи с более динамичным, чем в Австрии ростом производства и приростом населения, вызвало решительный протест со стороны венгерского парламента и встретило сопротивление в широких слоях венгерского общества. Оппозиция требовала запретить к ввозу все австрийские товары, производство которых налажено в Венгрии. В ответ австрийцы пригрозили применить дискриминационные меры к венгерской сельскохозяйственной продукции. В результате квота Венгрии была сокращена до 33³/₄₀ процента.

По всей стране, как полвека назад, возникали общества защиты национальной промышленности, вновь стало модно и патриотично покупать товары венгерского производства. Члены этого движения носили в петлице или на корсаже платья тюльпан – символ Венгрии. Иностранным производителям запрещалось использовать изображение тюльпана в торговых марках и ввозить в Венгрию товары в упаковке цветов венгерского национального флага. Американский историк А. Мэй с иронией отзываясь о «тюльпановом движении», поскольку этот «истинно венгерский цветок» в страну завезли турки³⁶. Однако вне зависимости от времени и путей попадания этого цветка в Венгрию, в общественном мнении существовало убеждение, что изображение тюльпана встречается еще на коронационной мантии св. Иштвана. Вообще, в эпоху модерна тюльпан стал излюбленным национальным мотивом у венгерских художников. Достаточно упомянуть декоративный орнамент, которым Э. Лехнер украсил фасад и интерьеры здания Института геологии в Будапеште – одного из самых красивых архитектурных памятников рубежа веков. Так век спустя венгерский национализм по-прежнему причудливо соединял экономику с патриотизмом.

Дискуссия о характере и последствиях экономической политики Габсбургов в Венгрии вспыхнула в венгерской исторической науке в 1922 г., когда Ференц Экхарт выпустил в свет книгу «Экономическая политика венского двора в Венгрии при Марии Терезии»³⁷. На основе анализа налоговой и таможенной политики, а также динамики развития промышленности и сельского хозяйства он утверждал, не в последнюю очередь опираясь на труды Г. Берзевици и М. Шкерлеца, что в экономической политике Вены доминировали интересы австро-чешской аристократии, ради которых Габсбурги нередко жертвовали интересами Венгрии, более того, проводили заведомо антивенгерскую политику.

Подобно западноевропейским странам, писал Экхарт, накапливавшим первоначальный капитал путем ограбления заморских колоний, Австрия превратила в такую колонию соседнюю Венгрию. В результате, если в начале XVIII в. обе страны (за исключением территорий только что освобожденных от турецкого владычества) находились примерно на одинаковом уровне экономического развития, то с середины века разительный контраст между капитализирующейся Австрией и низведенной до статуса аграрного придатка Венгрией становился более отчетливым. Официальные доводы венских камералистов, что разорительные для Венгрии таможенные пошлины и тому подобные экономические меры призваны компенсировать казне отказ венгерского дворянства платить налоги, Экхарт заведомо отметал как несостоятельные.

Позднее, в 1958 г., Ф. Экхарт опубликовал вторую часть своего исследования «Экономическая политика венского двора в Венгрии, 1780–1815»³⁸, в котором доказывал, что при Иосифе II колонизаторская политика Вены достигает своего пика. Ради процветания австро-чешской промышленности император продолжал душить молодую венгерскую экономику, даже пригрозил превратить Венгрию в настоящую колонию, если венгерское дворянство и далее будет противиться отмене налогового иммунитета.

Если статистические данные, собранные в монографиях Экхарта, достоверны и служат хорошим подспорьем современным историкам³⁹, то интерпретация этих показателей порой не выдерживает критики. В начале 20-х годов венгерская историческая наука искала причины экономической отсталости Венгрии в событиях и явлениях Нового времени и чаще всего находила корень зла не в логике экономического и социально-политического развития страны, а во внешних факторах, например в чьей-то злой воле. Ту объективную реальность, что Вена после утери Силезии стремилась пополнить опустевшую казну, защитить промышленность Наследственных провинций от конкуренции прусских товаров и хотя бы частично восполнить потерю Силезии, поощряя промышленное производство в наиболее близких к ней по уровню

экономического развития Чешских землях, Экхарт назвал сознательной анти-венгерской политикой.

Утверждение историка о том, что Австрия и Венгрия в начале XVIII в. стояли на примерно одинаковой ступени экономического развития нуждается в уточнении. Д. Кошари справедливо возражал, что уже в начале XVIII в. по степени своей экономической развитости Австрия и Венгрия были несопоставимы. В центральных и южных районах Венгрии, только что освобожденных от турок, предстояло восстановление сельского хозяйства и цеховой организации, основанной на ручном труде. Западные и северные области королевства жили за счет горного дела, и там не было речи о мануфактурном производстве. Венгрия и до введения Веной таможенного регулирования 1754 г. была отсталой аграрной страной, экспортировавшей сырье, вино, скот и импортировавшей текстиль и другие промышленные товары. Теперь же Вена просто использовала и несколько видоизменила это разделение труда, но не внесла тем самым никаких кардинальных изменений в реалии многовекового экономического развития. Вторым спорным тезисом Экхарта является утверждение об упадке экономики Венгрии. В 70-е годы венгерская историческая наука показала, что в XVIII в. в экономике страны несомненно наблюдался прогресс, хотя медленный и односторонний, не столько в промышленности, сколько в сельском хозяйстве⁴⁰.

К теме экономической политики Австрии в одной из недавних публикаций вернулась Э. Балаж. Она обратила внимание на то, что в XVIII в. целый ряд европейских стран подпадал под определение колонии, если их экспорт зависел от воли другого государства, если то, другое государство находилось в более выгодном положении с точки зрения налоговых льгот, а его таможенная политика негативно влияла на возможности развития этих стран. Так, современники нередко называли Португалию английской колонией, хотя Великобритания и Португалия не имели персональной унии как Австрия и Венгрия⁴¹. Большинство историков согласно с тем, что использование термина «колония Австрии» в отношении Венгрии не более чем стереотип.

Итак, в современной историографии отвергается утверждение Экхарта о заведомой враждебности двора к молодой венгерской экономике. Уже сам факт отсутствия скоординированной экономической политики Вены говорит о том, что Габсбурги не ставили себе целью задушить страну экономически. В настоящее время венгерские историки формулируют новые исследовательские задачи. Они не отрицают, что во второй половине XVIII в. венгерская экономика была действительно поставлена на службу капиталистической модернизации Австрии, но предлагают продолжить непредвзятый анализ положительных и отрицательных следствий этого процесса. В данном случае сам термин

«колония» требует более вдумчивого изучения в историческом контексте, ибо в ту эпоху им обозначалась форма зависимости, отличная от той, каковую стали именовать колониальной в XX в., когда Ф. Экхарт создал свои труды по экономической истории Венгрии⁴².

Примечания

¹ *Kosáry D.* Művelődés. 31. old.

² *Skerlecz M.* A kereskedelmi bizottság által az állam gazdaságának fejlesztése érdekében ajánlott törvények és azok megokolása // *Skerlecz Miklós báró élete és művei.* 201. old. (далее – A kereskedelmi bizottság).

³ *Ibid.* 204. old.

⁴ *Szabo F.A.J.* Kaunitz and enlightened absolutism. P. 307–310.

⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 6. Д. 419.1763. Л. 57.

⁶ Поскольку материалы Государственного совета, за исключением указателей и протоколов, сгорели в межвоенный период, работы Д. Эмбера, имевшего возможность работать с оригинальными документами, представляют особый интерес.

⁷ *Ember Gy.* Az egységes monarchia gondolata Mária Therézia korában // *Századok.* 1936. 7.–8. sz. 255. old.

⁸ *Ibid.* 257.–258., 266. old.

⁹ *Skerlecz M.* A kereskedelmi bizottság. 194.–195. old.

¹⁰ *Ibid.* 323. old.

¹¹ Magyarország története. IV/2. 983. old.

¹² [*Mitterpacher L.*] Entwurf der oekonomischen Kenntnisse welche in dem k.k. Theresianum der adeligen Jugend beygebracht werden. Wien, 1773; [*Idem.*] Entwurf der ökonomischen Studien in der k.k. thesesianischen Akademie. Wien, 1775.

¹³ [*Mitterpacher L.*] Entwurf der oekonomischen Kenntnisse. S. 3.

¹⁴ *Candida postulata.* P. 16.

¹⁵ *Balázs É.* Hungary and the Habsburgs. P. 259.

¹⁶ *Candida postulata.* P. 27.

¹⁷ *Berzeviczy G.* De dominio Austriae. P. 99.

¹⁸ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 311.

¹⁹ *Ibid.* S. 317.

²⁰ *Ibid.* S. 318.

²¹ *Ibid.* S. 325.

²² *Berzeviczy G.* De dominio Austriae. P. 99.

²³ *Ibid.* P. 101.

²⁴ Ibid. P. 100.

²⁵ *Skerlec M.* A kereskedelmi bizottság. 293. old.

²⁶ Ibid. 322. old.

²⁷ *Skerlec M.* A magyar királyság földrajzi és politikai helyzetének leírása a kereskedelem szempontjából // *Skerlec Miklós báró élete és művei.* 82. old.

²⁸ *Skerlec M.* A kereskedelmi bizottság. 281. old.

²⁹ Ibid. 329. old.

³⁰ Ibid. 366. old.

³¹ Ibid. 368. old.

³² Ibid. 369.–370. old.

³³ *Hanák P.* The bourgeoisification of the Hungarian nobility – reality and utopia in the 19th century // *Etudes historiques hongroises.* 1985. P. 406–408.

³⁴ Краткая история Венгрии: С древнейших времен до наших дней. С 182.

³⁵ *Mukcam K.* История Ности-младшего. С. 225–226.

³⁶ *May A.J.* The Hapsburg monarchy, 1867–1914. N.Y., 1968. P. 348–349.

³⁷ *Eckhart F.* A bécsi udvar gazdaságpolitikája Magyarországon Mária Terézia korában. Bp., 1922.

³⁸ *Eckhart F.* A bécsi udvar gazdaságpolitikája Magyarországon, 1780–1815. Bp., 1958.

³⁹ *Dickson P.G.M.* Finance and government under Maria Theresia, 1740–1780. Oxford, 1987. Vol. I. P. 9.

⁴⁰ *Kosáry D.* Művelődés. 31.–35. old.

⁴¹ *Balázs É.* Európai gazdaságpolitika – magyar válasz. Bp., 1996. P. 7. (História Könyvtár. Előadások a történettudomány műhelyeiből. J 9).

⁴² Ibid. 20.–21. old.

Иллюстрация к роману А. Дугонича «Этелка». 1788 г.

Глава III

Этнокультурные составляющие национального самосознания

Если государственно-правовые аспекты дворянского патриотизма своими корнями уходят в систему средневековых ценностей венгерского дворянства, основывающихся на его политических, юридических, нравственных представлениях о власти, то этно-

культурные аспекты национального самосознания были тем новым, что зародилось лишь в последней трети XVIII в. и впервые отчетливо прозвучало в движении дворянского сопротивления реформам просвещенного абсолютизма 1790 г. К этнокультурным аспектам можно отнести следующие характерные для того периода явления. Во-первых, борьбу за обновление (возрождение) венгерского языка, в которую оказались вовлечены широкие слои населения, отождествившие судьбу родного языка с судьбой отечества. Во-вторых, прославление национального прошлого, ставшее поголовным увлечением как в

среде дворян, так и недворян, хотя порой не в форме подлинного познавательного интереса, а как желание увидеть (при этом нередко в искаженной, скроенной по собственным представлениям национальной истории) свой идеализированный облик. Наконец, в-третьих, возрождение и культивирование средневекового дворянского костюма, получившего название национального. Его ношение, как у мужчин, так и у женщин, становится равносильным открытой декларации своих патриотических убеждений.

Для этнокультурных аспектов характерно, что эти идеи были впервые сформулированы не идеологами политических течений, а писателями и философами, и не как политические доктрины, а как чисто теоретические положения. Позаимствовав и присвоив их себе, движение венгерского дворянства перевело эти идеи из мира теорий в мир политики. В таком виде они и были унаследованы буржуазным национализмом XIX в. Этот факт заставляет пристальнее взглянуть в начальные стадии развития этнокультурных форм патриотической идеологии и практики.

1. Язык

XIX век, вместе с процессами капиталистической модернизации и формирования современных наций, принес с собой такому полиэтничному государственному образованию, как королевство Венгрия, неразрешимую проблему – языковой вопрос. Тщетные попытки по примеру Франции интегрировать в рамках единого национального сознания все этнические общности, населявшие королевство, породили нескончаемые конфликты между господствующей венгерской нацией и противостоящими ее ассимиляторским устремлениям хорватами, сербами, словаками, румынами, русинами, ставшие не в последнюю очередь причиной распада в 1918 г. многонационального королевства Венгрия.

Однако прежде чем языковой национализм трансформировался в ту разрушительную силу, что противопоставила друг другу народы Австро-Венгрии,

ему предстояло пройти стадии чисто интеллектуального течения, имевшего целью воссоздание литературного языка как средства сохранения венгерской нации (конец XVIII в.) и более массового патриотического движения, развивавшего родной язык как средство сплочения нации, как оружие в борьбе за политическую независимость нации (первая половина XIX в.).

Необходимость обновлять или, как тогда говорили, «возрождать» венгерский язык возникла потому, что еще и в XVIII в. латынь господствовала во всех сферах общественной жизни. На ней составляли законы, вели дела в центральных и местных органах управления, не говоря уже о том, что образование, наука, литература были латиноязычными. Это было оправдано как с точки зрения полиэтничного венгерского государства, так и с точки зрения взаимоотношений венгерских сословий с имперскими властями. Таким образом, латынь была подлинным языком межнационального и межгосударственного общения. Однако литературный венгерский язык оставался неразвитым: грамматика и правописание не были систематизированы, в нем было много латинских заимствований, лексика была бедна, что затрудняло создание художественных произведений. Отсутствие соответствующей терминологии тормозило развитие науки. Наконец, в общественном мнении закрепилось убеждение, что венгерский язык вообще не приспособлен для таких высоких задач, как стать языком литературы и науки.

С другой стороны, не следует забывать, что в конце XVII – начале XVIII в. господствующий класс Венгрии был венгеро-, хорвато-, словакоязычным. Их высокая культура была, конечно, латинизирована, но они говорили и переписывались, вели хозяйственную документацию в своих имениях не на латыни, а на том языке, который считали родным¹. Венгерский – несмотря на всю свою архаичность – продолжал служить интеллектуалам для выражения их мыслей и чувств. Достаточно сослаться на произведения политического деятеля, мыслителя, поэта XVII в. Миклоша Зрини. Вытеснение венгерского языка немецким имело место преимущественно в среде аристократии и началось после поражения освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци.

Движение за возрождение венгерского языка, пока еще в форме чисто литературного течения, началось даже не в самой Венгрии, а за ее пределами, в столице империи Габсбургов, Вене. В 1760 г. императрица Мария Терезия решила образовать венгерскую лейб-гвардию. Так она хотела приблизить, «приручить» венгерское провинциальное дворянство, которого после войны 1703–1711 гг. побоялись, побороть его враждебность к династии, сделать лояльным и по возможности инкорпорировать в имперские структуры путем служебных, личных, семейных связей. Предприятие императрицы оказалось

удачным: двор и столица пополнились новыми красками, а молодые венгерские дворяне получили возможность приобщиться к европейской культуре. И если поначалу юные гвардейцы чувствовали себя неуверенно в одной из самых великолепных столиц Европы, то с годами молодых венгров уже трудно было отличить в пестрой толпе придворных. Литературовед Ш. Эххардт приводит рассказ об одной французской монахиня, которая из книг знала, что венгры дики, необразованны, некрасивы. Встретив в Вене венгерских лейб-гвардейцев, она была поражена их изысканными манерами и европейской образованностью. Вероятно, решилась монахиня, дурное мнение о венграх у других народов – плод зависти².

Вдохновленные идеями французского Просвещения, гвардейцы решили организовать литературный кружок с целью распространения французской литературы, философии, культуры у себя в Венгрии. Во главе кружка встал Дёрдь Бешенеи, молодой талантливый литератор, первую свою пьесу – «Трагедия Агиса» (1772) – посвятивший императрице. Это событие принято считать началом венгерской литературы Нового времени. Традиция отдавать досуг занятиям изящной словесностью сохранялась и у последующих поколений венгерских лейб-гвардейцев. Служба при дворе стала, помимо прочего, своего рода школой для начинающих литераторов. За ними даже закрепилось собирательное название «гвардейцы». В 1773 г. Бешенеи вышел в отставку, но остался в Вене как представитель венгерских кальвинистов. Он успешно продолжил литературное творчество и занятия наукой, написал философский труд «Вещи» и философско-правовой трактат «Путь законов». Он также неустанно размышлял над судьбами родного языка и культуры, над связью языка с национальным бытием.

Вслед за философами рационалистами, видевшими единственное средство выражения нации в национальном языке, Бешенеи выдвигает задачу возрождения венгерского языка, а на основе этого – развития науки и культуры. Свои взгляды он изложил в памфлете «Мадяршаг», который был написан в 1778 г., но не был пропущен цензурой и вышел в свет только в конце 80-х годов XVIII в. В нем автор с горечью описывал плачевное состояние родного языка: «Я дивлюсь, глядя на наш великий народ, который столь велик, благороден и стоек в защите других своих сокровищ, а родной язык, похоже, совсем забыл»³. Это представлялось Бешенеи тем более опасным, что «никогда еще на земле ни один народ не приобщился к мудрости, пока не перевел на свой родной язык различные науки». И далее: «Каждый народ обретает знание лишь на родном языке, на чужом же – никогда»⁴.

Среди неотложных задач по возрождению родного языка Бешенеи назвал составление толковых словарей, написание учебников венгерской грамматики,

перевод на венгерский язык шедевров мировой литературы, критический разбор выходящих в свет венгерских книг. Он справедливо полагал, что для успешного решения этой нелегкой задачи в движение за возрождение венгерского языка необходимо вовлечь как можно более широкие круги образованной читающей публики, для чего по всей стране следует создавать всевозможные патриотические общества.

В 1781 г. в памфлете «Благочестивое намерение создать венгерское научное общество» Бешенеи выдвинул задачу учреждения венгерской академии наук по образцу французской. В академии ученым – представителям различных дисциплин предстояло развивать родной язык и литературу, всевозможные науки на венгерском языке⁵. От других проектов научных обществ, выдвигавшихся в те годы, план Бешенеи отличали демократизм и научный подход⁶. К сожалению, академическим проектам писателя не было суждено осуществиться, но программа возрождения родного языка и литературы нашла немало горячих сторонников среди тех, кого Д. Кошари назвал пишущей интеллигенцией⁷: дворяне и недворяне, католики и протестанты, учителя, священники, монахи, журналисты, инженеры, экономисты, каждый своими силами, каждый в своей области. Так, Б. Беняк разработал философскую терминологию, Ф. Казинци упорядочил географические термины, М. Реваи и Я. Молнар приспособили к законам венгерского языка термины физики.

Тех, кто наблюдал за успехами венгерского литературного движения со стороны, не мог не удивлять этот спонтанный, но с каждым днем набиравший силу процесс и те масштабы, которые он принимал. Пионер венгерской статистической науки Мартон Швартнер (сам этнический немец) не скрывал своего недоумения: как смогли венгры, это азиатское племя, не имевшее корней в Центральной Европе и столь отличное по языку и культуре от соседних народов, выстоять под ударами германских императоров из Саксонской династии, пережить татаро-монгольское нашествие, эпидемии «черной смерти» и османское владычество. «Это почти чудо или перст Провидения, что язык мадьяр все еще жив, что в природе существует (в Пруссии последний прус, который умел говорить по-пруски, умер в конце XVII в.) хотя бы один венгр», – писал ученый⁸.

В стране возникли кружки и патриотические общества, члены которых старались привлечь внимание соотечественников к проблемам родного языка и литературы. Они составляли словари и учебники, занимались переводами, пробовали перо в поэзии и прозе. Движение было еще крайне разрозненным, его участники действовали поодиночке, порой даже не подозревая о существовании друг друга. Среди членов этих обществ были уже известные писатели, такие как Э. Хорани, М. Реваи, Й. Пецели, М.Д. Ковачич, а также молодые литераторы, которым еще только предстояло стать гордостью венгерской ли-

тературы – Я. Бачани и Ф. Казинци. Как заметил венгерский литературовед Д. Кокаи, эти самые литературные кружки и патриотические общества выполняли важнейшую задачу – сводили вместе писателя и читателя. При этом художественные достоинства произведения не имели решающей роли. Важнее был сам процесс приобщения к культуре и постижение ее на родном языке⁹.

На начальном этапе литературного движения активное участие в нем принимали патриотически настроенные дворяне. Именно во второй половине XVIII в. закладываются основы крупнейших частных библиотек – Ф. Сечени, И. Баттяни, Г. Радаи, И. Чаки и др. Именно при щедрой финансовой поддержке аристократии издавались книги и периодика, создавались литературные общества, открывались читальни и т. д. Например, М. Д. Ковачич – впоследствии известный собиратель и публикатор источников по истории Венгрии – в 1786 г. затеял издание газеты «Меркур фон Унгарн» и для привлечения внимания читателей представил издание как печатный орган патриотического научного общества (которое еще только намеревался создать). В листе подписчиков газеты можно было встретить имена виднейших венгерских государственных деятелей и церковных иерархов (епископ Й. Баттяни, верховный судья (országbíró) К. Зичи), в том числе высших чиновников, непосредственно занимавшихся разработкой и проведением в Венгрии реформы образования (Й. Урмени, М. Шкерлец). Финансовая поддержка дворянства позволяла Ковачичу рассылать газету в школы бесплатно¹⁰.

Вообще, пресса играла большую роль в преодолении замкнутости и обособленности литературных движений. Декрет Иосифа II о печати значительно упростил издание периодики и существенно смягчил цензуру. В результате газеты и журналы стали главным источником информации для большинства читающей публики. Достаточно просмотреть подшивку газеты «Мадяр хирмондо» за десять лет ее существования, чтобы убедиться, насколько богаче стал за это время венгерский язык, интереснее и содержательнее сюжеты.

Движение за возрождение языка охватывало все более широкие слои населения, но до определенного времени оставалось чисто интеллектуальным течением, далеким от злободневных политических проблем. Его участники руководствовались скорее бескорыстной любовью к родному языку, нежели политическим расчетом. Вскоре, однако, последовали события, которые сместили акцент с просветительской миссии на политическое противостояние курсу императора. В результате любовь к родному языку стала синонимом любви к отечеству.

Западная рационалистическая философия XVIII в. равнодушно взирала на понятия «нация» и «язык», видя в них исключительно политические термины, выводимые из определения государства¹¹. Французские энциклопедисты име-

новали нацией группу людей, живущих под управлением одного правительства внутри общих границ. Отсюда следовало, что нация и язык отождествляются с государством. В этом смысле для современников не было принципиальной разницы между этнически однородной Францией и полиэтничными, разноязыкими владениями Габсбургского дома. Д. Секфио считал, что австрийские власти не понимали той страшной, разрушительной силы, которую таила в себе политика государственной централизации, не в последнюю очередь направленная на этноязыковую гомогенизацию населения империи. В Вене не хотели признавать права отдельных частей империи Габсбургов на культурную обособленность. Известен случай, когда императрица не разрешила печатать для королевства Венгрия календарь, отличный по содержанию и оформлению от календаря для австро-чешских земель.

В то же время нельзя отрицать, что австрийские власти эмпирически понимали консолидирующую роль общего языка в управлении обширными владениями и давно вынашивали планы превращения немецкого языка в единственный государственный язык. Известно, что еще в 1761 г. В. Кауниц разработал проект, по которому владение немецким становилось непременным условием занятия любых должностей в центральных и местных органах управления. Однако Мария Терезия не любила решительных шагов с непредсказуемыми последствиями и предпочитала действовать медленнее, но наверняка. Так, с середины 60-х годов стало очевидно стремление властей сделать немецкий язык одним из основных предметов в начальной и средней школе. Учреждались специальные стипендии для венгерских дворян, желавших обучаться в Вене. При поступлении даже в венгерские дворянские академии родители все чаще особо подчеркивали, что их ребенок уже владеет немецким языком¹².

Иосиф II, стремясь совместить границы государства и нации, в 1784 г. издал указ, объявлявший немецкий язык государственным на всей территории страны. Отныне делопроизводство и торговля, законодательство и обучение в школах должны были вестись на немецком. «Иосиф еще не понимал связи между языком и нацией, между администрированием и тем языком, на котором оно ведется, своими германизаторскими декретами он просто хотел усовершенствовать систему управления, не будучи в состоянии вообразить то волнение, которое он породит среди венгров», – писал Д. Секфио в «Венгерской истории»¹³. Привязанность венгров к латинскому языку казалась императору признаком отсталости. По его мнению, это говорило либо о том, что у нации нет родного языка, либо о том, что простой народ не умеет читать и писать, и что образованные люди, искушенные в латыни, обладают преимуществом выражать свои мысли на письме. Раз народом правят на языке, который он не понимает, Иосифу казалось, что не будет большой беды в том, что

желающие заниматься общественными делами вместо мертвой латыни будут использовать современный немецкий язык¹⁴. Император не желал провоцировать спешку и неразбериху. В своей инструкции королевским комиссарам он предписывал, чтобы те собрали достоверную информацию о должностных лицах комитатов, в частности о том, каков среди них процент тех, кто способен в течение нескольких лет овладеть немецким языком настолько, что сможет выполнять свои служебные обязанности¹⁵.

Однако венгерское дворянство не желало вникать в тонкости языковой политики императора. Морально-психологический эффект этого декрета было бы трудно переоценить. В австрийцах венгры видели не столько освободителей от векового османского ига, сколько «похитителей» древней свободы королевства. И вот теперь, как иронично заметил Р. Таунсон, старый мадьяр был обязан учиться, причем учить немецкий язык. Страшнее этого могла быть лишь весть о вторжении турок¹⁶. Кроме того, декрет таил в себе еще более грозную опасность: венгерское дворянство, в большинстве своем не владевшее немецким, оказывалось таким образом исключенным из общественно-политической жизни страны, фактически отстранялось от власти в государстве.

От венгерского дворянства не укрылся государственно-политический смысл языковой реформы. В обращении комитата Бихар на высочайшее имя говорилось: «Нравы, законы, язык и природу этого народа, хотят уничтожить, поскольку считают некультурным и варварским, и германизировать его посредством реформ, чтобы был один язык, одна нация и не королевство Венгрия, а единая, во всех частях одинаковая Австрийская монархия»¹⁷. В короткий срок в адрес Наместнического совета поступило более ста официальных протестов, в которых дворяне настойчиво убеждали императора отменить декрет о языке.

Во-первых, по их мнению, он противоречил законам страны, которые предписывали законотворчество и делопроизводство вести на латинском языке. Характерно, что дворяне были готовы сделать исключение для коммерческой деятельности. Возможно, потому что торговля как грязное, не достойное венгерского дворянина занятие, никогда не была сферой деятельности выходцев из благородного сословия¹⁸. Во-вторых, они апеллировали к справедливости: нельзя заставлять достойных мужей, столько лет посвятивших службе отечеству в различных государственных учреждениях, становиться перед выбором – учить немецкий или оставить службу. Не следует также смешивать профессионализм со знанием языка: нельзя давать должности только за его знание или отнимать только из-за незнания. В-третьих, дворяне приводили логические доводы: как можно требовать ясности изложения сложных вопросов, связанных с применением законов и административным управлением от

тех, кто лишь недавно приступил к изучению немецкого языка. В-четвертых, они не забывали напоминать Иосифу о своих многочисленных заслугах перед домом Габсбургов (прежде всего война за австрийское наследство) и выражали надежду, что теперь они вправе требовать уважения к своим законам и обычаям. В-пятых, они ссылались на примеры из истории, когда властители огромных многонациональных империй, например Тамерлан, правили, не прибегая к запретам на употребление языка той или иной провинции. И таким доводам не было конца¹⁹. Центральные власти были вынуждены вводить все новые и новые отсрочки для вступления в силу закона, а протесты комитатских собраний звучали все решительнее.

Шли годы, а среди комитатских дворян существенно не прибавлялось тех, кто мог и хотел составлять документы на немецком. Не возрастало и число знающих немецкий язык учителей. Ф. Казинци, служивший инспектором школьного округа, в мемуарах так описывал эти годы: «Мой главный нотариус не знал немецкого, мой товарищ Ференц Тиса – немного, но писать как раз не умел, так что весь груз лег на мои плечи. Мне приходилось переводить с немецкого входящие документы, чтобы их мог прочесть вице-испан, и переводить на немецкий исходящие. Но я так увлекся этой работой, что она стала мне в радость»²⁰.

Уже после отмены йозефинистских реформ в Венгрии дворяне комитата Пешт в обращении на высочайшее имя так написали о тех «ужасных временах»: «Мы видели, что для ведения дел в стране и комитатах вместо законного языка ввели иностранный язык и из-за незнания этого языка много ценных и до этого верно служивших обществу патриотов лишилось работы, а их места без ведома сословий повсюду заполнили иноземцы, не знавшие ни венгерских обычаев, ни законов, ни порядков, ни языка, ни того, как обращаться с народом, а следовательно негодные для службы в Венгрии»²¹.

В литературном движении и прежде было немало дворян, хотя дворянское сословие в целом оставалось в стороне от борьбы за возрождение языка. Но постепенно даже те, кто не выказывал особого интереса к судьбам родной словесности, поняли, что движение за возрождение венгерского языка с его идеей взаимозависимости языка и национального бытия может быть использовано для защиты сословных интересов венгерского дворянства. Дворяне в Венгрии поняли, что под знаком возрождения языка можно сокрушить йозефинизм и отстоять свои сословные права и привилегии. Пример Франции или того же Иосифа II красноречиво свидетельствовал, что язык является мощнейшим инструментом консолидации государственных образований. Характерно, что газета «Хадн эш маш невезетеш тёртенетек» связывала начало пре-

вращения русского языка из разговорного в литературный с именем Петра I, известного своими централизаторскими реформами²².

Язык, наряду с понятиями «закон», «обычай», «свобода» стал одной из составляющих понятия «отечество»²³, был объявлен наиболее пригодным для выражения патриотических чувств. В обращении дворян комитата Бараня к королевскому комиссару Й. Шплени говорилось: «То, что сегодня чувствуют наши венгерские сердца, мы можем выразить только по-венгерски»²⁴. Один из авторов прямо назвал венгерский язык «патриотическим»²⁵. Язык все чаще начинает упоминаться среди важнейших сокровищ венгерской нации. Анонимный автор одной сентенции в ряду явлений, поддерживающих силу любой нации, называет язык, смелость и экономику и считает, что тот, кто задумает нацию погубить, пусть разрушит эти три опоры²⁶. Антийозефинистская направленность высказывания очевидна. Именно Иосиф II отнял у венгерской нации ее язык (правда, латинский). Своим желанием уравнять в правах привилегированные и непривилегированные сословия император фактически низвел дворянство до «рабского состояния», лишив дворян возможности проявлять смелость. Наконец, он нанес урон экономике страны, поддерживая систему неблагоприятных для Венгрии тарифов и пошлин. Однако здесь важно другое: язык для автора стоит на первом месте, даже впереди такой традиционно венгерской черты характера, как смелость.

В 1790 г. журналист Ш. Сачваи издал памфлет под характерным названием «Зеркало патриотов», в котором выдвинул три ждущие неотложного решения задачи: сделать счастливой венгерскую нацию, т. е. избавиться от немцев; поднять на должную высоту венгерский язык и установить в королевстве братскую любовь, т. е. решить религиозный вопрос, даровав полноту гражданских прав протестантам. Таким образом, развитие родного языка оказывается для автора священной обязанностью венгерского патриота²⁷.

Особенно яркую картину возросшей филологической активности соотечественников дает венгерская пресса. Вопросам, прямо или косвенно связанным с возрождением родного языка, посвятили свои страницы и первый литературно-критический журнал «Орфеус», и газета «Мадяр курир», и даже издание, первоначально ориентированное лишь на информирование читателей о ходе турецко-австрийско-русской войны – «Хади эш маш невезетеш тёртенетек». Это не замедлило сказаться на числе подписчиков. У «Мадяр хирмондо» оно возросло с 320 до 600, у крайне популярных «Хади эш маш невезетеш тёртенетек» и «Мадяр курир» – до 1 200, из журналов первенство удерживал «Мадяр музеум» под редакцией Я. Бачани – от 600 до 700 подписчиков ежегодно²⁸.

Страницы периодических изданий пестрели сообщениями «патриотов» об организации обществ возрождения венгерского языка. Из Кашши, например,

писали: «Мы от всей души трудимся на пользу отечества, регулярно собираемся то у одного из нас, то у другого, и держим совет, как сделать так, чтобы венгерский язык поднялся на достойную его высоту»²⁹. Казалось, что венгерская образованная публика поглощена одной идеей – перевести на родной язык различные науки, философские труды, шедевры мировой литературы. В газетах можно было встретить такое объявление: «Господин Жигмонд Тёрёк, ходатай по делам обедневших дворян, обещает выплатить 20 форинтов тому патриоту, который переведет на венгерский язык „О духе законов“ Монтескье. Расходы по изданию книги он берет на себя»³⁰.

Перевод литературного произведения рассматривался и переводчиком, и читателем не просто как разновидность интеллектуального труда, а как подвиг во имя Отечества. В редакцию журнала «Орфейус» пришло письмо от канцлера Л. Палфи (инициированное советником придворной канцелярии Ш. Пастори) с похвалой в адрес переводчика Вольтера, поэта Й. Пецели. «Такой работой, – говорилось в нем, – обогащается литература, которая потом возносит выше славу отечества». На что гордый похвалой Пецели через журнал же ответил, что перевод его отличается от оригинала, потому что во время работы им владела одна мысль, как бы звучал вольтеровский текст, будь он написан венгром по-венгерски»³¹.

Однако порой благородное намерение прославить язык и отечество перерастало в желание во что бы то ни стало доказать превосходство венгерского над другими языками. Хрестоматийным стал пример учебника алгебры и геометрии на венгерском языке, написанный А. Дугоничем. Сложность и запутанность, неоправданная архаизация венгерского языка и сомнительные научные достоинства сделали обучение математике по этому учебнику практически невозможным. Зато знаменателен побудительный мотив создания этого «шедевра». Автор хотел доказать всей стране, что «немецкий язык никогда не будет пригоден для объяснения различных наук в такой степени, как венгерский»³².

Д. Кошари, считающий Дугонича типичным представителем «второго уровня» венгерского сословного движения, т.е. ограниченным, провинциально мыслящим субъектом, видит в его рассуждениях симптомы идеи национальной, в том числе языковой, исключительности венгров. Эта идея в XIX в. начнет питать венгерский языковой национализм и станет причиной конфликтов между народами, населяющими королевство Венгрия³³. Однако не следует забывать, что идея языкового превосходства не была чужда и таким величинам первого порядка, как Д. Бешенеи. Он считал, что невенгерские народы, населяющие королевство, обязаны выучить венгерский хотя бы из благодарности, что они живут на венгерской земле и едят венгерский хлеб³⁴. Вообще, знание венгерского языка в благодарность за возможность вкушать венгерский хлеб – часто

встречающийся мотив у националистически настроенных авторов, как прославленных (Ф. Казинци), так и малоизвестных (например Ж. Освальд)³⁵.

Литераторы надеялись, что в деле развития языка им помогут сословия и прежде всего патриотически настроенное дворянство. Я. Бачани обратился с открытым письмом к одному из своих авторитетнейших современников, М. Форгачу, прося поддержать идею о провозглашении венгерского языка государственным. Он писал: «Государства образуются, управляются и сохраняются не только военной силой, но и пером и умом, и проще всего этого можно достичь, развивая национальную литературу и науки»³⁶. Но все оказалось не так просто. Движение за возрождение языка было причудливой смесью сословно-политических и просвещенческих идей. Дворянство желало распространения венгерского языка, но в то же время не позволяло изменять сословную конституцию³⁷. Пока действовал закон о едином государственном немецком языке, сословия выступали единым фронтом против «общего врага». После отмены Иосифом II большинства его реформ перед венгерским обществом встал вопрос, вернуться к освященной веками латыни или, воспользовавшись уникальностью сложившейся ситуации, сделать государственным языком венгерский.

Восточные и северо-восточные комитаты (где доля этнических венгров была довольно высока) отдавали предпочтение венгерскому, в то время как более близкие к Вене комитаты Задунавья и особенно королевство Хорватия-Славония выступали за восстановление в правах древней латыни. И у той, и у другой стороны находилось немало доводов в пользу собственной позиции. Дворяне комитата Унг в письме к собранию комитата Пешт сообщали: «Доводим до Вашего сведения, что мы приняли решение, согласно которому постановили, что отныне протоколы по всем гражданским делам и переписку мы будем вести на венгерском языке, как следуя примеру прочих досточтимых комитатов, так и во славу родного языка нашего отечества»³⁸. Дворяне комитата Тренчен, напротив, полагали, что «если латынь, собственный язык нации, который является языком законодательства и языком ученых, выкинуть из страны, это будет противоречить Божьему установлению»³⁹. Дворяне комитата Зала в обращении на высочайшее имя писали: «Латинский язык, на котором написаны законы королевства, привилегии и грамоты, как в политических, так и в юридических учреждениях запрещен и на его место водружен немецкий, а чтобы потомки наши законным и для нас святым языком не смогли бы воспользоваться и не могли бы понимать свои права и законы, введены проклятые так называемые нормальные школы для обучения тевтонскому языку»⁴⁰.

В начале 1791 г. большинство комитатов перешло на венгерский язык. Дворянское собрание комитата Пешт в феврале 1791 г. постановило: «Вести

протоколы на родном венгерском языке, всем должностным лицам приказать любые документы составлять по-венгерски. Довести до сведения общественности, чтобы по возможности все прошения и жалобы подавались на этом языке. Пусть известие об этом решении достигнет соседних комитатов, чтобы знали, что здесь латинский язык впредь будут использовать только при сношениях с Венгерской придворной канцелярией и Наместническим советом, а также при решении вопросов, касающихся венгерского законодательства»⁴¹.

В рядах высшего венгерского чиновничества не было единства по вопросу о государственном языке. Советники Венгерской придворной канцелярии, выступавшие посредниками между государем и страной и составлявшие от имени короля все рескрипты, в большинстве своем симпатизировали венгерскому литературному движению. Не случайно в декабре 1789 г. именно из недр придворной канцелярии вышел первый королевский декрет на венгерском языке. Однако проработка вопроса о языке была поручена советнику австрийского Государственного совета барону Й. Изденци, известному своей открытой враждебностью венгерскому сословному движению. Убежденный государственный деятель, Изденци выступал за сохранение латыни как государственного языка. В этом его поддерживал другой преданный слуга династии, глава Иллирской придворной канцелярии Ф. Балашша. Поскольку короли из Габсбургского дома никогда не выучат венгерский, считал Изденци, и австрийские власти никогда не допустят полного суверенитета Венгрии во внутренних делах, в интересах сохранения целостности монархии необходим язык, понятный обеим сторонам. К тому же и Изденци, и Балашша полагали, что в случае введения венгерского государственного языка невенгерские народности королевства (прежде всего хорватское дворянство) лишатся возможности полноценно участвовать в делах управления⁴².

С открытием Государственного собрания летом 1790 г. стало ясно, что сословия гораздо более озабочены подтверждением своих политических прав и урегулированием своих отношений с центральной властью, чем судьбами родной словесности. Чтобы избежать нежелательных в этот момент разногласий сословия пошли на компромисс и проголосовали за сохранение государственного языка латыни «*nunc adhuc*» (т. е. впоследствии государь вернется к решению этого вопроса). Собрание также не поддержало планы М. Реваи организовать венгерскую академию наук: слишком мало общего имел этот проект с защитой сословных привилегий⁴³. Верно заметил современник этих событий писатель Шамуэль Дечи, весьма скептически оценивавший потенциал сословной оппозиции: «Страстная приверженность дворянства к родному языку вызвана не подлинной заботой о судьбе национального языка, а страхом потерять свои сословные привилегии, и как только удастся получить верные

гарантии неприкосновенности дворянских свобод, они тут же забудут о языке»⁴⁴. Характерно, что к 1792 г. вопрос о языке временно выпал из поля зрения венгерских сословий. Так что, когда в 1792 г. по инициативе Венгерской придворной канцелярии королевским рескриптом сословиям было даровано право обращаться на высочайшее имя по-венгерски, дворянство, как писал Д. Секфю, просто не заметило этой победы и не воспользовалось ее плодами⁴⁵.

На рубеже XVIII–XIX вв. сословия временно охладели к вопросам языка, но в стране окрепли силы, не только ставившие целью превратить венгерский язык в государственный, но и, вслед за немецким философом-романтиком Й. Гердером, стремившиеся связать нацию, государство и язык. Это таило большую опасность для этнически-пестрой Венгрии. «Ни в одной стране мира нет большего числа языков и как следствие большего числа народностей, чем в Венгрии», – писал статистик М. Швартнер⁴⁶. И в самом деле, согласно переписи 1804 г. в Венгрии (включая Хорватию) на тот момент проживало 7 млн. 556 тыс. человек, из них венгров – 42%, хорватов и сербов – 18,5, словаков – 14, румын – 10, немцев – 9,2, русин – 3,8%⁴⁷.

Часть деятелей реформаторского лагеря вопрос о языке рассматривала в неразрывной связи с социально-экономическими и политическими преобразованиями и не настаивала на жестких ассимиляторских мерах. Так, Й. Хайноци еще в 1790 г. в обращении к Государственному собранию писал: «Если мы хотим посмотреть правде в глаза, необходимо признать, что наши способности выражаться на родном языке весьма скромны и совсем не таковы, как у образованных мужей других народов». И далее: «Если во всех учреждениях мы введем родной язык, то и у нас, как и в других землях, самые разные слои населения приобщатся к большей учености: дух свободы вселится в каждого человека, прочнее станет гражданское сообщество, даже еще более усилится, ведь тогда иноземцам будет затруднительно нами командовать». При этом реформатор предусматривал сохранение латыни при сношениях с имперскими властями, с одной стороны, и хорватскими властями – с другой, так чтобы не пострадали ни целостность владений Габсбургского дома, ни единство земель короны св. Иштвана⁴⁸.

Сторонников такой концепции венгерской нации, которая основывалась не на общем происхождении или языке, но в гораздо большей мере на исторической связи, общей истории, исторической преемственности и общей культуре, называли *Hungari*, что прямо указывало на генетическую связь со средневековой концепцией *natio Hungarica*, объединявшей господствующий класс королевства Венгрия поверх этнических и языковых границ. Для *Hungari* была характерна убежденность, что реформы не могут ограничиваться защитой или обновлением языка и поэзии, при сохранении в неприкосновенности уста-

ревших социальных структур. Наиболее последовательно принципы национального варианта социальных реформ были изложены в письме Г. Берзевици к лидеру движения за обновление языка Ф. Казинци. «Вы развиваете идею национализма, – писал Берзевици, – я же придерживаюсь иного мнения, поскольку национализм сам по себе несколько односторонен и поскольку мы в Венгрии не представляем собой нацию». И далее: «По моему определению, на первом месте стоит государство с его независимостью, самостоятельностью и максимально возможным счастьем жителей ... остальное, например национализм, привилегии, конституция, обычаи, занимают подчиненное положение»⁴⁹.

Для Ф. Казинци, напротив, величайшая служба отечеству состояла не в улучшении социальных и экономических условий для населения, но в улучшении образования и реформе венгерского языка. Казинци и его сторонники именовали *Magyari* или *Magyaren*, подчеркивая тем самым этнический аспект их видения национального сообщества. Сам Ференц Казинци в молодости оказался замешанным в заговоре «венгерских якобинцев» и в 1795 г. был приговорен к тюремному заключению. Освободившись в 1801 г., он сумел объединить вокруг себя многих писателей, более того – стать авторитетнейшим лидером языковой реформы. Ведя обширную переписку, он координировал литературную деятельность по всей стране.

Влияние Казинци на современников и на последующие поколения весьма значительно. Концепция венгерского национального государства, основным критерием которого был венгерский язык, не в последнюю очередь восходит именно к нему, и многочисленные венгерские шовинистические политики и деятели культуры позднее апеллировали именно к Казинци. Секфю писал, что на рубеже XVIII–XIX вв. венгры не подозревали, что их желание сделать венгерский язык государственным в стране, где господствующий этнос не составлял и половины от общего числа жителей, заложит фундамент будущих межнациональных конфликтов, поскольку и западноевропейские философы-рационалисты не предвидели эти последствия⁵⁰. Так или иначе, в XIX в. в Венгрии победил не толерантный вариант государственного патриотизма, представленного *Hungari*, но изоляционистский мадьяризаторский национализм, что не в последнюю очередь стало одной из причин кровавых столкновений в период революции 1848 г. и послужило источником внутривнутриполитической нестабильности в эпоху дуализма.

Примечания

¹ Balázs É. Latinität als Charakteristikum des Adels in Osteuropa // *Opuscula finnougrica Gottingensia*. 1983. № 1. S. 52.

- ² *Eckhardt S.* A Francia forradalom eszméi Magyarországon. 141. old.
- ³ *Bessenyei Gy.* Magyarország. A magyar néző. 9. old.
- ⁴ *Ibid.* 11. old.
- ⁵ *Bessenyei Gy.* Egy magyar társaság iránt való jámbor szándék. 5. old.
- ⁶ *Gálos R.* Bessenyei György életrajza. Bp., 1951. 245.–248. old.
- ⁷ См.: *Kosáry D.* Értelmiség és kulturális elit a XVIII. századi Magyarországon // Valóság. 1981. 2. sz. 11.–20. old.
- ⁸ *Schwartner M.* Statistik Königreichs Ungern: Erster Theil. Zweite Vermehrte und Verbesserte Ausgabe. Ofen, 1809. S. 120.
- ⁹ *Kókaly Gy.* Intézmények szerepe a 18. század végi magyar szellemi élet újjászervezésében // Magyar Könyvszemle. 1993. 109. évf. 2. sz. 167. old.
- ¹⁰ *Windisch É.* Kovachich Márton György, a forráskutató. Bp., 1998. 22.–23. old. (Társadalom- és művelődéstörténeti tanulmányok. 24).
- ¹¹ *Szekfü Gy.* Iratok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez (1790–1848). Bp., 1926. 8.–9. old.
- ¹² См., например, протоколы комиссии по делам образования при Наместническом совете: MOL. C 67. Helytartótanácsi Levéltár. Magyar Királyi Helytartótanács. Dep. litterario-politicum. 1779. Protocolla. 4. cs. P. 816, 817; или MOL. C 67. Dep. litterario-politicum. 1780. Universitas Budensis. Fasc. 12. 182. cs. № 35.
- ¹³ *Hóman B., Szekfü Gy.* Magyar történet. Bp., 1936. V. köt. 48 old.
- ¹⁴ См.: *Marczali H.* Magyarország II. József korában. II. köt. 384. old.
- ¹⁵ См.: *Hajdú L.* II. József igazgatási reformjai Magyarországon. 465. old.
- ¹⁶ *Townson R.* Travels in Hungary. P. 141.
- ¹⁷ Обращение на высочайшее имя комитата Бихар от 4 и 6 февраля 1790 г. цитируется по тексту брошюры из фондов Венгерской национальной библиотеки имени Ф. Сечени (Будапешт).
- ¹⁸ См., например, речь Я. Бёти. *Marczali H.* Magyarország II. József korában. II. köt. 528. old.
- ¹⁹ *Collectio ordinationum.* P. 69–90.
- ²⁰ *Kazinczy F.* Pályám emlékezete. 74. old.
- ²¹ PML. IV.3-a. 1787–1790. P. 41.
- ²² Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félv. 285. old.
- ²³ *Ibid.* 379. old.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Ibid.* 129. old.
- ²⁶ Bécsi Magyar Kurír. 1790. XVII sz. 267. old.
- ²⁷ [*Szacsvay S.*] Hazafiak tüköre. 5. old.
- ²⁸ *Kókaly Gy.* Intézmények szerepe. 175. old.
- ²⁹ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félv. 273. old.

- ³⁰ Ibid. 278. old.
- ³¹ Orpheus. 1790. I sz. 13.–14. old.
- ³² *Dugonics A.* Följegyzései. 16. old.
- ³³ *Kosáry D.* Művelődés. 320. old.
- ³⁴ *Bessenyei Gy.* Egy magyar társaság iránt. 5. old.
- ³⁵ «Нет ничего более естественного, чем если кто любит венгерский хлеб, пусть также любит и уважает наш язык и народ» – *Oszvald Zs.* Az igaz hazafi. 24. old.
- ³⁶ *Batsányi J.* Nagy méltóságú gróf Forgách Miklós úrhoz. 201. old.
- ³⁷ *Szekfű Gy.* Nemzetiségi kérdés rövid története // Állam és nemzet. Tanulmányok a nemzetiségi kérdéstről. Bp., 1942. 85. old.
- ³⁸ PML. IV.3-c. 1790. 3755.
- ³⁹ См.: *Szekfű Gy.* Iratok. 33. old.
- ⁴⁰ MOL. P 623. Széchenyi család levéltára. Az 1790. országgyűlésre vonatkozó iratok. VII. köt. 9. cs. 7. sz. Repraesentatio Comitatus Szaladiensis. Fol. 2.
- ⁴¹ PML. IV-3-a. 1791. P. 21.
- ⁴² *Szekfű Gy.* Iratok. 35.–44. old.
- ⁴³ *Gálos R.* Bessenyei György életrajza. 250. old.
- ⁴⁴ *Décsi S.* Pannoniai Foenix. s.d. et l. 322. old.
- ⁴⁵ *Szekfű Gy.* Iratok. 53. old.
- ⁴⁶ *Schwartner M.* Statistik Königreichs Ungern. S. 118–119.
- ⁴⁷ *Benda K.* Az emberbarát vagy hazafi? 13.–28. old.
- ⁴⁸ *Hajnóczy J.* A magyar országgyűlés. 92.–95. old.
- ⁴⁹ Цит. по: *Csáky M.* Von Aufklärung zum Liberalismus. S. 184.
- ⁵⁰ *Szekfű Gy.* Nemzetiségi kérdés. 150 old.

2. «Славное прошлое» и национальная идентичность

Исторические и социально-антропологические исследования последних десятилетий, например труды Э. Хобсбаума об «изобретенных традициях» западноевропейских национальных государств¹, убедительно доказали, что «национальное прошлое», как оно воспринимается в массовом сознании, является относительно недавней конструкцией и объективно служит цели консолидации национальных сообществ вокруг общезначимых символов, событий и личностей. События рубежа 80-90-х годов XVIII в. в монархии Габсбургов иллюстрируют роль исторического прошлого в обретении венграми этнокультурной и национальной идентичности, в легитимации политических движений.

В венгерском общественном сознании было традиционно сильно уважение к национальному прошлому и гордость за великие свершения предков. Из поколения в поколение передавались рассказы о могуществе венгерского государства при Анжуйской династии и Матяше Корвине, о славных битвах с турками, об упорной борьбе с габсбургским абсолютизмом. Вторая половина XVIII века – время распространения в Венгрии философии и культуры Просвещения, улучшения качества образования, повышения интеллектуального уровня политической элиты. Именно в эти годы появляются первые серьезные критические публикации источников по истории Венгрии (прежде всего работы Д. Праи и Й. Катоны), начинаются пока разрозненные действия по объединению ученых в научные сообщества. Еще в 60–70-е годы историография и источниковедение оставались поприщем лиц духовного звания, причем, как правило, занимавших важные официальные посты, которые открывали доступ в государственные архивы. После того как Иосиф II распустил большинство религиозных орденов, бывшие монахи влились в ряды интеллигенции и вопреки своему церковному прошлому развивали светские тенденции в гуманитарных науках².

Венгерское дворянство оставалось в основном далеким как от проблем развития родного языка, так и от усилий по сохранению отечественной исторической традиции. Покровительство ученым, подлинный и деятельный интерес к национальной истории были уделом просвещенных мещанов. Казинци с иронией вспоминал о своих школьных годах: «То, что венгру пристало знать свою национальную историю и к этим углубленным студиям необходимо приступать в ранней юности ... во время бесполезного изучения этой важнейшей и благороднейшей из наук даже не приходило в голову»³.

Кругозор подавляющего большинства провинциального дворянства ограничивался историческими анекдотами, тешившими их сословную спесь, и верой в то, что они ведут свое происхождение от воинственных гуннов. Эта теория, возникшая в средние века и затем перекочевавшая в «Трипартитум» Вербёци, служила одним из оправданий исключительного социального статуса венгерского дворянства, поскольку гунны были свободным народом, и их потомки образовали привилегированное сословие, противостоявшее зависимым людям – потомкам рабов и трусов, уклонившихся от воинской службы.

Политика австрийского абсолютизма, объективно направленная на экономическую и государственно-политическую консолидацию разнородных владений Габсбургского дома, неизбежно вела к тому, что отдельные земли теряли часть былого суверенитета, а этническое, лингвистическое, культурное своеобразие проживавших здесь народов подвергалось все большему давлению со стороны господствующего немецкого этноса. Особое недовольство политика Габсбургов вызывала в ревниво охранявшей свой особый государственно-политический статус Венгрии. До тех пор, пока усилия по культурной интеграции Венгрии в монархию направлялись мягкой рукой Марии Терезии, ничто не предвещало открытого конфликта. Но когда Иосиф II отказался короноваться венгерской короной, ввел немецкий государственный язык и фактически упразднил комитатскую систему – тот осто́в, на котором держалась государственно-правовая автономия Венгрии, – в стране начало зреть недовольство режимом, постепенно принимавшее формы неприязни к немцам и ко всему немецкому. Как саркастически писал Д. Секфю в «Венгерской истории», политика германизации Венгрии, под предлогом распространения в стране культуры, сопровождалась наплывом немецких землемеров, учителей, парикмахеров, авантюристов и проходимцев⁴.

В политической и художественной литературе, сначала в завуалированной форме, а потом и все более открыто, зазвучало недовольство германизирующим курсом императора. Самым известным и, пожалуй, парадоксальным событием стал выход в свет в 1788 г. романа А. Дугонича «Этелка»⁵. Действие в нем разворачивается в начале X в., вскоре после смерти легендарного

вождя Арпада, приведшего венгров в бассейн Карпат. Дочь Арпада, Этелка, воплощает в романе венгерскую нацию. Ее отчим Дюла символизирует императора Иосифа II, которого венгры за отказ короноваться венгерской короной не признали законным венгерским королем. Злонамеренный советник Дюлы, Рока (в переводе с венгерского – Лисица) служит собирательным образом «продавшихся» немцам венгерских советников императора. Считается, что прототипом Роки послужил советник Наместнического совета и близкий друг Иосифа II граф К. Ницки. В романе обличались декрет о немецком языке и засилье немцев в венгерском государственном аппарате, но в столь туманных выражениях, что вскоре после смерти Иосифа, в 1790 г., Дугоничу пришлось издать специальный «Ключ» к роману, где и объяснить сложную символику своего произведения⁶.

По единодушному приговору литературоведов, роман более чем слаб. Д. Кошари даже назвал это произведение «клиническим случаем», имея в виду всю абсурдность претензий автора на создание шедевра⁷. Тем не менее за четыре года (1788–1791) роман выдержал четыре издания и пользовался неслыханной популярностью у провинциального дворянства. Эти читатели, скорее всего, нимало не сомневались, что древние венгры думали и действовали так, как это описано у Дугонича, хотя многие сцены из «Этелки» больше напоминали жизнь провинциального Сегеда – родного города писателя. Газеты писали об одном дворянине, сначала окрестившем дочь Оттилией, но по настоянию друзей, желавших, чтобы у нее было венгерское имя, объявившем, что отныне девочка будет именоваться Этелкой⁸. Вскоре это было уже самое популярное женское имя. Молодые дворянки стремились походить обликом и манерами на главную героиню романа, стали гладко зачесывать волосы и носить простые, скромные платья. В женщинах, выходящих в 1790 г. встречать торжественную процессию со святой короной, патриотически настроенные журналисты, видели воскресшую Этелку.

По мнению Секфию, с выходом в свет «Этелки» А. Дугонича возникает венгерский национализм Нового времени, который до этого находил выражение лишь в интеллектуальном движении за развитие венгерского языка⁹. С историком можно согласиться в том, что в XIX в. действительно получил широкое распространение жанр развлекательно-дидактического романа, соответствующего вкусам провинциального дворянства. В общественной мысли культ сконструированного национального прошлого начинал влиять на представления о будущем социальном устройстве и стал одним из существенных элементов национального самосознания буржуазной эпохи.

Все, что было освящено древностью и традицией, обретало в массовом сознании ореол святости. К этому драгоценному наследству причислялась в

первую очередь венгерская «конституция», завещанная мудрыми предками. За создание правовых норм, защищавших сословия от любых происков центральной власти, предки не раз удостоивались высочайших похвал от потомков. Автор одного анонимного памфлета, рассуждая о «воистину достойной удивления мудрости предков», утверждал: «То, что другие стремящиеся к свободе и счастью народы лишь недавно частью постигли умом, частью узнали из опыта, было изложено уже в первых законах королевства»¹⁰. Как выразился автор другого анонимного памфлета: «Из горячей любви к моей милой родине, во имя сохранения доставшейся нам от предков судьбы я готов отдать имущество, кровь и жизнь»¹¹.

Получив в конце 1789 г. известие о созыве Государственного собрания, а в начале 1790 г. о возвращении в Венгрию святой короны и отмене реформ последнего десятилетия, провинциальное дворянство стало стихийно имитировать черты антигабсбургских движений рубежа XVII–XVIII вв. Повсеместно, как по мановению волшебной палочки, дворянство облачалось в костюмы куруцев – бойцов войска Ракоци. Если возникали сомнения относительно того, как должен выглядеть тот или иной элемент костюма, давали простор фантазии. На улицах не смолкали звуки духовых инструментов, игравших боевые мелодии эпохи войны за независимость. На балах танцевали «танец Ракоци». Дворянин Жигмонд Боронкаи из Земплена размножил текст «Манифеста», с которым Ференц II Ракоци в 1704 г. обратился к Европе. Дворяне комитата Пешт предлагали составить обращение к потомкам куруцев, проживающим в изгнании, с призывом вернуться на родину. Не все удовлетволялись «возвращением» времен куруцев. Многим хотелось подчеркнуть живую связь с легендарными гуннскими предками. Так, в Надьвараде (совр. Орадя Маре в Румынии) была воздвигнута триумфальная арка, на которой красовалась надпись: «Стране нужен древний, славный, могучий Аттила»¹².

Перемены происходили с такой быстротой, что некоторые современники справедливо сомневались в искренности тех, кто так легко поддавался веянию времени. Ш. Сачваи в памфлете «Зеркало патриотов» так осуждал их: «Многие спешат приспособиться, суетливо перенимают внешний облик; те, кто вчера были настоящими немцами, сегодня уже настоящие венгры, а завтра будут такими, какой подует ветер. – Наши предки назвали бы их незаконно-рожденными венграми, и их сейчас по праву оттесняют в сторону, ибо какой умный человек доверится таким перевертышам?»¹³ Сходные мысли об этих днях впоследствии высказывал М. Швартнер в «Статистике королевства Венгрия». Он писал, что как среди дворян, так и среди венгерских крестьян и раньше можно было встретить немало таких, чьи предки были немцами, или славянами, или влахами, но их внуки уже не имели ни одной черты своего

немецкого, славянского или влашского происхождения. «Подобные травести (*Travestiren*) встречались и раньше, но в 1789 г. это вошло в моду»¹⁴, – констатировал Швартнер.

Память о временах куруцев никогда не стиралась в общественном сознании окончательно. С одной стороны, ее хранили крестьяне, связывавшие с именем Ракоци свои надежды на облегчение феодального гнета. С другой стороны, традиции куруцев были живы в сердцах той группы дворянства, которая сохраняла враждебность центральной власти. Главным образом это были протестанты, которым дискриминационные законы запрещали занимать государственные должности. В годы правления Иосифа II лагерь недовольных пополнили католики, возмущенные наступлением центральной власти на права и привилегии дворянства, а также политикой императора по отношению к церкви. Все эти противоречия вышли на поверхность в начале 1790 г. и наполнили общественную жизнь страны приметами возвращения времен Ракоци¹⁵.

Тогда возник особый жанр политической литературы – патриотические песни, восходящие к поэтическим традициям куруцев. Такие песни пользовались широкой популярностью среди дворянства и дошли до нас в многочисленных списках. Один из ярких образцов подобного жанра, «К венграм!»; был опубликован К. Бендой. Он же выявил параллели между этой поэмой и такими шедеврами подлинной куруцкой поэзии, как «Увы тебе, древний, прекрасный венгерский народ» и «Горькими слезами плачь, венгерский народ»¹⁶.

Подобно песням куруцев, поэма «К венграм!» начинается с плача по горькой судьбе несчастного венгерского народа. Затем следуют жалобы, причем традиционные для начала XVIII в. мотивы о разделе страны, о хозяйничании иноземных солдат и т.п. сменяются актуальными для 80-х годов жалобами на утерю свободы и экономическое разорение: «На шее у тебя немец, / Он охотится за твоей жизнью, / Душит твою свободу, / Разорят твою страну, / Тянет деньги из твоего кошелька, / Пьет твою кровь, / Чувствуешь ли ты это?» Новой является также концовка поэмы. Антинемецкие произведения начала XVIII в., как правило, заканчивались упованием на Бога, который один может помочь несчастным венграм. В поэме 1790 г. звучит призыв «не запугивать словами, а метать громы и молнии», т.е. поднять открытое восстание. «Будет так, как ты хочешь, / Если в землю уложишь / Того, кто тебя угнетает». В последней строфе звучит призыв: «Пойдем же, мой дорогой, мой прекрасный венгерский народ, / Немцев убивать, / Их кровь проливать. / Все будет так, как ты хочешь, / Мы достигнем золотых времен, / В нашей цветущей стране, / В прекрасной Паннонии, / Снова»¹⁷.

Таким образом, движение 1790 г., претендуя на роль выразителя интересов всей страны, приняло облик нового антигабсбургского освободительного

движения, хотя на самом деле не располагало той социальной базой, которая была у широких народных движений конца XVII – начала XVIII в. Но возрождая память о подвигах куруцев, проповедуя высокие идеалы свободы и верности отечеству, оно стало связующим звеном между освободительными войнами раннего Нового времени и буржуазными национальными движениями середины XIX в., черпавшими патриотический пафос в традициях антигабсбургской борьбы. Тот факт, что движение куруцев объединяло в своих рядах представителей самых разных социальных групп, делал идеал свободы и верности родине достоянием всех слоев венгерского общества. Так прославление национального прошлого оказывало влияние на складывание идеала гражданского патриотизма.

Обращение к прошлому, поиск этнокультурного своеобразия происходило на фоне политического конфликта между Венгрией и Веной, принимавшего форму противостояния венгров и австрийских немцев. Р. Таунсон писал: «В Вене я узнал, что венгры не любят австрийцев и австрийские власти, и во время пребывания в Венгрии, с кем бы я не встречался, я находил этому подтверждения. Причины этой ненависти – в давней вражде, передаваемой от отца к сыну, в общественном мнении, поддерживаемом народными пословицами и поговорками»¹⁸. Интересно, что в романе австрийского писателя Р. Музиля (1880–1942) «Человек без свойств», содержащем размышления о причинах распада Австро-Венгрии, есть такие строки: «Австриец так же терпеть не мог венгров, как венгры его». В другом месте, рассуждая о расплывчатости австрийской идентичности, Музиль замечал: «Австриец встречался только в Венгрии, да и там как объект неприязни»¹⁹. Какое место в этом многовековом процессе формирования взаимных стереотипов занимал рубеж 80–90-х годов XVIII в.?

Автостереотипы и образы «другого» формируются, как правило, в результате длительных контактов и регулярных взаимодействий. Венгры и австрийские немцы были обречены на то, чтобы сосуществовать в одном регионе, а с 1526 г. в рамках одного, хотя поначалу и аморфного государства – монархии Габсбургов. В венгерском массовом сознании негативный опыт этих контактов и взаимодействий накапливался столетиями и находил свое концентрированное выражение в периоды обострения отношений между Венгрией и Габсбургами, как это имело место в 1790 г. Можно сказать, что в Новое время неприязнь между венграми и немцами превратилась в одну из черт общественного сознания как в Венгрии, так и в Австрии. Рассматриваемый период стал важной вехой в процессе формирования венгерской национальной идентичности, в том числе и с помощью культивирования антигабсбургского про-

шлого и конструирования «образа другого», в роли которого выступала собирательная и, как правило, карикатурная фигура австрийского немца.

Начиная с XVI в., «немец» в венгерском общественном сознании – это уже не только представитель одной из национальностей, проживающих на территории королевства, не просто житель сопредельной державы (т.е. иностранец), но и чужеземец-угнетатель, хозяйничающий в родном венгерском доме, диктующий венграм определенные политические решения, навязывающий культурные ценности. Австрийцы же смотрели на венгров с опаской и пренебрежением. Ставка части венгерского дворянства в XVII в. на Османскую Порту в борьбе с Габсбургами за освобождение и объединение страны послужила причиной возрождения в сознании европейцев образа жестоких варваров, потомков Аттилы, некогда грабивших мирные германские города и села.

Вена не могла простить венгерскому дворянству его сословный сепаратизм, его стремление не допустить низведения Венгрии до статуса прочих провинций империи, поэтому на королевство, освобожденное в конце XVII в. от турок, смотрели как на дикую, нецивилизованную страну, говорящую на непонятном языке, как на источник политической нестабильности и все возрастающих затрат. Интересно: когда в 1785 г. в Венгрии была проведена первая перепись населения, то австрийские власти не поверили, что в этой стране проживает 10 млн. жителей и приказали провести повторную перепись²⁰. Относительная отсталость Венгерских земель давала австрийцам повод считать, что венгры стоят на несоизмеримо более низком уровне экономического, общественно-политического и культурного развития. Сачваи в «Зеркале патриотов» приводит обидную поговорку: «Немец – головой, венгр – руками»²¹.

Венгерские авторы пытались обратить объективный недостаток Венгрии – ее относительное культурное отставание от передовых европейских стран – в достоинство. Как некогда Тацит, критикуя порочный и развратный Рим, идеализировал древних германцев, так и венгерские патриотически настроенные мыслители воспевали нравственную чистоту своих соотечественников. Для венгерской публицистики конца XVIII в. (да и последующих эпох) стало характерным такое противопоставление: венгр – прямодушен и чист, немец – хитер и коварен. «Такого замечательного человеческого типа еще не было, – убежденно писал Г. Берзевици, – крестьянин говорит мало, произносит свои зрелые суждения важно, его тело обладает силой льва, он неустрашим и отважен, его доброе неиспорченное сердце не знает никакой корысти – таков же был и венгерский дворянин – ... главной чертой его характера были великодушие, гостеприимство, сердце, которому чужд эгоизм...»²².

У другого автора, Э. Хорани, читаем не менее проникновенные строки: «Чистоту он (венгр. – *О.Х.*) впитал с молоком матери, его уста в сердце, а

сердце – на устах, на белое он говорит белое, на черное – черное». И далее: «Венгр является совершенным творением Господа, в родной стране у него есть все, что ему нужно, и чего ни у одного другого народа нет. Он живет в маленькой своей хижине, довольный своей жизнью и никому на свете не завидует. Он из тех, кто сладко спит даже тогда, когда все вокруг сотрясается, но если стихия переходит определенные рамки, он просыпается и вместо первого приветствия выбивает своему врагу зуб»²³.

Перемены к худшему в этом идеальном национальном типе приписывались пагубному влиянию немцев и австрийской столицы Вены. Хотя, как уже отмечалось выше, этот город на протяжении веков был для Венгрии важнейшим культурным центром, посредником между страной и Западной Европой, образ габсбургской столицы как средоточия пороков и источника соблазнов никогда не терял своей обличительной силы. В 1778 г. при Будайском университете открылась дворянская академия, названная, как и ее венский прообраз, Терезианум. Председатель комиссии по делам образования при венгерском Наместническом совете граф Ф. Балашша, в прошлом выпускник венского Терезианума, признавал, что опасные соблазны существуют как в Вене, так и в Буде, но в последней, утверждал Балашша, будет легче сохранить в венгерской молодежи «скромность, нравственность, трудолюбие и стремление к знаниям»²⁴.

В 1789 г. Берзевици с горечью писал: «Венгры – это нация, которая еще свободна от порока переходящей всякие границы утонченности, она обладает завидным великодушием, неустранимостью, любовью к отечеству, рвением перед государем, чистосердечной неиспорченной прямою». И далее: «Таков был венгерский дворянин, прежде чем Вена лишила его власти, сделала рабом утонченных потребностей и своих кредиторов. Ах! он уже не тот, что был – опора Отечества!»²⁵ Сходные мотивы звучали в обращении на высочайшее имя дворян комитата Нитра. «Суровый образ жизни и воспитание древних скифов, – писали они, – держали в страхе Европу. Но эта сила обратится в ничто, если народ перенимает одежду и нравы других народов, если увлеченный театром, музыкой, гуляньями забывает закон и свободу, если в стремлении к культуре становится смешон. Если из наших сыновей мы растим белоручек, они вырастут годными лишь для разврата, а не для ношения оружия, как требует суровая мораль этого народа»²⁶.

Даже критика социально-политических реформ Иосифа II под пером венгерских авторов обретала порой антинемецкую направленность. Г. Берзевици – европейски образованный мыслитель и политик, которому был чужд узколобый шовинистический патриотизм, высказался с нотками этнической неприязни: «Во всех начинаниях императора проявилась известная мелоч-

ность, которая не достойна императора. Речь идет о той самой скаредной душонке, которую мы замечаем в покрое австрийской униформы и которая печется о том, как должны сидеть пуговицы на штанах у солдат и с помощью какого фасона солдатских рубашки сэкономить для армии 30 локтей полотна. Так же и в политике»²⁷.

Проклятия в адрес завезенной немцами «утонченной роскоши» звучали столь часто, а смена внешнего облика многих венгерских патриотов произошла столь молниеносно, что А.Л. Хофман не смог обойти это явление в своем памфлете «Ниневия». Название было навеяно библейским сюжетом о пророке Ионе, который получил от Бога повеление идти в ассирийский город Ниневию с проповедью покаяния за грехи и предсказанием о гибели города через сорок дней, если его жители не раскаются. Проповеди Ионы пробудили к покаянию сердца горожан, и впоследствии Бог пощадил их. Нетрудно догадаться, что Хофман вообразил себя новым Ионой, проповедующим среди диких, примитивных, чуждых цивилизации варваров-венгров. Образ, выбранный памфлетистом тем более точен, что библейский Иона был искренне огорчен Божьей милостью к вразумленным и помилованным жителям Ниневии.

Заказной пасквиль, написанный напуганным немецким журналистом, недавно бежавшим из Венгрии, где торжества по поводу «восстановления конституционной формы правления» сопровождалось требованием особо горячих голов изгнать из страны немцев-предателей, не стоил бы пристального внимания, если бы в нем не был точно схвачен тот карикатурный образ венгерского национализма, который в XIX в. окажется вновь и вновь возрождаться несмотря на то, что сам автор «Вавилона» и «Ниневии» окажется вскоре заслуженно забыт. Рассуждения о «Святой Свободе» при сохранении сословного неполноправия, переход на венгерский язык, который не является родным почти половине населения, прославление боевых традиций куруцев, нередко сотрудничавших с врагами христианской веры турками-османами, примитивное, как могло показаться стороннему наблюдателю, увлечение внешней, зрелищной стороной патриотизма, – Хофман, похоже, выбрал наиболее уязвимые для критики черты венгерского движения 1790 г. и гиперболизировал их до неузнаваемости. Против набравшего мощь венгерского национального движения заказчик (венский двор) и исполнитель (Хофман) выбрали, пожалуй, самое верное оружие – нарождающийся немецкий национализм. Он был, несомненно, более интегрирован в европейскую систему ценностей, поэтому критика венгерского варварства из уст немецкого просветителя звучала убедительно для европейской читающей публики. Блестящий полемист, Хофман не жалел красок, чтобы возродить в памяти европейцев картины гуннской дикости, убедить их в недемократическом характере политических процессов в Венгрии.

Например, Хофман напоминал читателю, что именно немцы веками играли в Венгрии цивилизаторскую роль: «Новые патриоты хором произносят хулу немцам, проклинают их под тем предлогом, что они ввергли страну в ненавистную изнеженность, изгнали старинную грубость, вывели из моды праздность; облагородили чувства лучшей части венгерского дворянства»²⁸. Писатель воссоздает карикатурный образ венгров, которые, отказавшись от всех благ цивилизации, возвращаются в свое «исходное состояние»: едят сало, живут в домах без обоев на стенах и мебели по углам, спят на сырой земле, смотрятся в портрет Аттилы или Ракоци вместо зеркала, носят «национальные» усы и козлиные бороды и т. д.²⁹

В анонимном памфлете «Анти-Ниневия», появившемся в том же 1790 г., Хофману не замедлили напомнить, что вовсе не немцы создали большую часть тех достижений цивилизации, к которой при их посредничестве приобрелись венгры. «Для Германии уже большая честь, – возражал неизвестный автор, – когда Венгрия признает, что в науках она отстает; уже большая честь, когда мы посылаем наших сыновей учиться в Германию; уже большая честь, когда в наших библиотеках стоят зачитанные труды ее великих людей. Что же касается моды и губительной роскоши – избави нас Бог!»³⁰

Пожалуй, Хофман был прав только в одном, что для истинного патриота недостаточно имитировать внешнюю сторону своей принадлежности к национальному сообществу. Патриотизм не в штанах или козлиной бородке, утверждал Хофман, а в разуме и благородстве, не следует культивировать в своей стране гуннское варварство, возрождая ненависть к чужакам и возвращаясь к обычаям эпохи Аттилы и скифов. В то же время, как писали дворяне комитата Темеш, в цитированном выше обращении по поводу увоза в Вену венгерской короны, любовь к отечеству выражается не во внешних признаках, но продемонстрировать ее зачастую можно только через внешние атрибуты, каковыми для части венгров стали усы, бороды, национальная одежда.

Э. Хорани откликнулся на пасквили Хофмана пьесой «Чудесная судьба Элеутерия Паннонского», в которой действуют вымышленные, но легко узнаваемые персонажи: лжепророк Иона (Хофман), Элеутерий Паннонский (сам автор), Достопочтенный (воплощение духа венгерской нации), Ангел Мира, сестрички Вавилон и Ниневия, жители города Вены. В остроумных диалогах разъясняется платформа венгерской сословной оппозиции, но главное – высмеиваются стереотипы немцев о венграх, развеиваются мифы о ненависти венгров к немцам. Например, на вопрос Элеутерия, являются ли австрийцы врагами Венгрии, Ангел Мира отвечает: «Нет! Это милый и кроткий народ, ему свойственно прямотушие, и он не позволяет себя дурачить всяким там лжепророкам»³¹. В финале пьесы австрийцам предлагалось заключить специ-

альный договор, по которому император-король по полгода живет в Австрии и Венгрии, в Австрии изучается венгерский язык, в Венгрии – немецкий. Венгры и немцы перестают «награждать» друг друга обидными прозвищами. Наконец: «Венгры, вопреки своей ненависти к немецкой нации, сохраняют невозмутимость, когда на стол подают лягушек и черепах, в свою очередь немцы не обзывают венгров салом». Венгерских и австрийских авторов, которым впредь вздумается чернить законы и обычаи друг друга, предлагалось помещать в сумасшедший дом³².

Образ «другого», персонифицированный в австрийском немце, продолжал играть роль в кристаллизации венгерского национального самосознания и в XIX в. П. Ханак показал, что в XIX в. немец в массовом сознании представлял как высокомерный имперский чиновник и как преуспевающий предприниматель. Историк считал, что таким образом негативные стереотипы о немцах выполняли компенсаторную функцию: ощущая свою экономическую отсталость и недостаток политической самостоятельности, венгры в карикатурной форме изображали тех, кем хотели, но по объективным причинам, не могли быть³³.

С другой стороны, поскольку центростремительные тенденции в австро-венгерских отношениях оставались сильнее, чем центробежные, негативные стереотипы не только разжигали вековую вражду, но и, в определенной мере, аккумулировали негативные эмоции и, через высмеивание оппонента и самовосхваление, снимали напряжение в обществе, время от времени возникавшее в ходе неизбежных политических и экономических конфликтов. В этом смысле если немцев не было бы, их следовало бы выдумать. Косвенным подтверждением этого служат слова одного из персонажей романа К. Миксата «История Ности-младшего» – венгерского патриота Йошки Каби: «Признай только, брат, что немец хитер ... Ведь не будь немец хитрым, нам бы не на кого было гнев свой излить, а без этого удаль нации давно б плесенью покрылась»³⁴.

Рубеж 80–90-х годов XVIII в. стал важным этапом превращения интереса к истории, культа «славного прошлого» в важную составную часть национального самосознания. Не будучи специфически венгерской чертой, этот интерес тем не менее через память о прошлом помогал обретать видение будущего. Правда, видение это, как в конце XVIII столетия, так и век спустя, формировалось под сильным влиянием дворянских идеалов и ценностей. Консервативная мысль конца XIX в. по-прежнему видела компенсацию за экономическую и политическую отсталость в особом свойстве венгерского национального характера. Публицист Г. Бекшич так писал о нем: «Западные нации далеко впереди нас по культуре ... Но исконный и вечный дух народа нельзя

обрести через ученость ... Этот дух, дух любви к отечеству и свободе рождается с народом, так же как разум появляется на свет вместе с человеком»³⁵.

Кульм национального прошлого стал важной приметой венгерского национализма буржуазной эпохи. В общественном сознании он нашел свое выражение в преувеличенном значении, которое придавалось знанию истории, пусть даже в ее мифологизированном варианте. К. Миксат в цитированном выше романе описал приготовление комитата Бонто к торжественной встрече нового губернатора. Одним из эпизодов церемонии должен был стать салют из старинных пушек, принадлежавших по преданию борцу с габсбургским абсолютизмом Имре Тёкёли (1657–1705). В этой связи автор скептически замечал, что «сейчас по разным городам и крепостям рассыпано гораздо больше пушек, чем их было у него (И: Тёкёли – О.Х.) когда-либо»³⁶.

Итак, национальное прошлое в XIX в. продолжало служить политическим целям дня сегодняшнего. Для этого достаточно упомянуть пышное празднование в 1896 г. тысячелетнего юбилея прихода венгерских племен в бассейн Карпат – так называемого Миллениума. В этот период обретает особую популярность образ «волжского всадника», праотца современных венгров, символизировавшего приверженность традиции и воплощавшего дворянскую доблесть³⁷. Однако несмотря на разительное сходство многих рассуждений радетелей традиций в конце XVIII в. и консерваторов конца XIX в., здесь нельзя говорить о прямой преемственности: позднейшие поколения были слабо знакомы с творчеством Л. Орци, Й. Гвадани или А. Дугонича и черпали вдохновение у современных им западных философов.

Примечания:

¹ The invention of tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

² Kazinczy F. Pályám emlékezete. 33. old.

³ Windisch É. Kovachich Márton György. 16. old.

⁴ Hóman B., Szekfű G. Magyar történet. V. köt. Bp., 1936. 55. old.

⁵ Dugonics A. Etelka, egy igen ritka magyar kisasszony Világos-váratt Árpád és Zoltán fejedelmeink ideikben. Pozsony, 1788. I.–II. köt.

⁶ Dugonics A. Följegyzései.

⁷ Kosáry D. Művelődés. 656. old.

⁸ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félv.

⁹ Hóman B., Szekfű G. Magyar történet. V. köt. Bp., 1936. 60 old.

¹⁰ Pia desideria. P. 7.

¹¹ Egy magyar hazafinak elmélkedési. 3. old.

- ¹² *Benda K.* Emberbarát vagy hazafi? 70. old.
- ¹³ [*Szatsvai S.*] Hazafiak tüköre. P. 4.
- ¹⁴ *Schwartner M.* Statistik Königreichs Ungern. S. 120.
- ¹⁵ *Benda K.* Ismeretlen politikai költemény 1790-ből. 104. old.
- ¹⁶ *Ibid.* 102. old.
- ¹⁷ *Ibid.* 101.–102. old.
- ¹⁸ *Townson R.* Travels in Hungary. P. 96.
- ¹⁹ *Музиль P.* Человек без свойств. М., 1984. Т. 1. С. 203–204.
- ²⁰ *Balázs É.* Hungary and the Habsburgs. P. 12.
- ²¹ [*Szatsvai S.*] Hazafiak tüköre. P. 6.
- ²² *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 318.
- ²³ [*Horányi E.*] Eleutherii Pannonii mirabilia fata. P. 31.
- ²⁴ MOL. Magyar Királyi Kancellária. A 39. 1779. № 5702. Protocollum Commissionis in negotio studiorum. P. 46.
- ²⁵ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 317–318.
- ²⁶ Цит. по: *Marczali H.* Az 1790/91-diki országgyűlés. I. köt. 22. old.
- ²⁷ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze. S. 320.
- ²⁸ *Ninive.* S. 44.
- ²⁹ *Ibid.* S. 45–46.
- ³⁰ *Anti-Ninive.* s.l., 1790. S. 21.
- ³¹ [*Horányi E.*] Eleutherii Pannonii mirabilia fata. P. 9.
- ³² *Ibid.* P. 200.
- ³³ *Hanák P.* The image of the Germans and the Jews in 19th century Hungary // *Pride and prejudice. National stereotypes in 19th and 20th century Europe East to West /* Ed. by L. Kontler. Вр., 1995. P. 67–87.
- ³⁴ *Миксам К.* История Ности-млашего. С. 483.
- ³⁵ *Beksics G.* Mátyás király birodalma és Magyarország jövője. Вр., 1905. 42. old.
- ³⁶ *Миксам К.* История Ности-млашего. С. 231.
- ³⁷ *Hanák P.* The bourgeoisification of the Hungarian nobility. P. 418.

3. Национальный костюм

Одним из самых зрелищных достижений движения дворянского сопротивления конца 80-х годов стало вхождение в моду национального костюма*. Венгерский писатель и литературовед А. Серб выразил дух того времени так: «На улицы Пешта и Пожони вышли одетые в национальные костюмы дамы и кавалеры, как будто история повернула вспять и люди поверили в возможность восстановить прошлое»¹. Вспоминается и утверждение венгерского поэта и литературного критика Ф. Толди, что внешний вид не имеет никакого значения, пока в жизни нации все в порядке.

Воистину достоин удивления энтузиазм, с которым венгры срывали с себя, а порой и с других иноземные парики и воротники, и та гордость, с которой они облачались в, как им казалось, точные копии одежды своих предков². Если полагаться только на эмоции современников, может сложиться впечатление, что до конца 80-х годов все ходили исключительно в немецком платье, а в конце 80-х, проникнувшись патриотическим духом, вдруг все сразу переоделись в национальную одежду. Однако историки костюма свидетельствуют, что это не так³.

Выше уже не раз говорилось, что венгерский дворянин почитал своей главной обязанностью защиту отечества. Отсюда и то уважение к военной форме, которое жило в сердце каждого венгра. Одежда венгерского воина практически стала мужским национальным костюмом, который носили все, даже те, кому по роду своей деятельности не было нужды постоянно находиться в армии. Основными элементами костюма были доломан (*dolmány*) и ментик (*mente*), узкие штаны, сапоги и высокая шапка с пером. Доломан представлял из себя разновидность полукафтана, его длина зависела от возраста и

* Строго говоря, в венгерском языке существуют два понятия: венгерский национальный костюм и венгерский народный костюм. Первый принадлежал политической нации королевства и иначе может быть назван «средневековый дворянский костюм». Второй носили горожане и крестьяне. Таким образом, первый – объект скорее культурологии, второй – этнографии.

социального положения владельца. Молодежь носила короткие доломаны, люди старшего возраста более длинные, священники и государственные служащие – до колена. Ментик – нечто вроде отороченного мехом плаща с рукавами – набрасывали поверх доломана⁴. Тот и другой богато украшались галуном и были самых разных цветов: синие, красные, зеленые, желтые. Этот костюм, пусть в несколько видоизмененной, приближенной к европейским образцам форме (доломан становился все короче и все более напоминал сюртук), просуществовал на протяжении всего XVIII в. и, что немаловажно, никогда не подвергался гонениям со стороны властей.

Мария Терезия нарядила свою элитарную венгерскую лейб-гвардию в несколько театральные, но все-таки национальные костюмы. При венском дворе прекрасно понимали, что такая форма не только обладает национальным колоритом, но и свидетельствует о привилегированном социальном статусе. Влиятельный царедворец Й. Кевенхюллер-Метч писал в особой записке, что «в такой униформе даже недворянин почувствует себя господином»⁵. Венгерские дворяне, обучавшиеся в венской Терезианской академии, главной задачей которой являлось воспитание политической элиты с общеимперской идентичностью, были одеты не в черную, как все, а в серую, отделанную серебром униформу⁶. Когда в 1777 г. Венгерская придворная канцелярия обсуждала, во что должны быть одеты студенты дворянской Терезианской академии в Буде, предложенные эскизы недвусмысленно напоминали венгерский национальный костюм⁷.

Венгерские магнаты, собираясь в Вену или Пожонь, по особо торжественным случаям надевали свои расшитые золотом и украшенные драгоценными камнями «национальные» костюмы. Провинциальное дворянство, не столь обремененное почетной обязанностью являться к венскому двору, имело национальный костюм как минимум для коронации венгерского короля и своего собственного бракосочетания. Даже Иосиф II, отказавшийся короноваться венгерской короной и собиравшийся отменить венгерскую феодальную конституцию, с удовольствием позировал придворным художникам в форме венгерского гусара.

Что касается женского национального костюма, то он тоже никогда не сходил со сцены окончательно. Его основные элементы – шнуровка на лифе платья и украшенный кружевом и вышивкой фартук – неизменно присутствовали в нарядах как провинциалок, так и придворных дам. Голову женщины украшала парта (*parta*) – убор, напоминавший кокошник. Нет нужды говорить, что наряд дворянки шился из бархата или атласа, отделывался золотым шитьем, кружевами, жемчужными нитями. Такие платья изготавливались долго, стоили дорого и передавались по наследству от матери к дочери.

Однако неоспоримым фактом остается и то, что в повседневной жизни национальный костюм все больше вытеснялся более практичным западноевропейским (немецким, французским). В стране появлялось все больше иностранных учителей, врачей, инженеров. Обучавшиеся в заграничных университетах студенты- и семинаристы-протестанты возвращались домой, по словам современников, «в немецком платье и с немецкой женой» и способствовали распространению в Венгрии иноземной моды. Мемуаристика XVII в. содержит немало забавных подробностей о том, как впервые попадая в Западную Европу венгерские юноши, прежде уверенные в том, что и там все носят ментики и доломаны, оказывались всеобщим посмешищем из-за непривычного для немцев, голландцев, англичан покроя венгерской одежды. В результате, все более и более широкие слои населения – не только «денационализированная» аристократия, но и дворяне, горожане – переходили в повседневной жизни на западноевропейский костюм.

Подобная метаморфоза была в интересах Габсбургов, которые стремились интегрировать Венгрию в монархию не только экономически и политически, но и культурно. «Патриоты» негодовали: все эти западноевропейские выдумки (особенной ненавистью пользовались парики с косичками) казались им неприличными для венгров, оскорбляющими их национальное достоинство. Как впоследствии возмущался отнюдь не враг западноевропейской учености и культуры Г. Берзевици: «Изнеженность, вкус к благополучию и роскоши, праздность благодаря иностранцам получили в Венгрии признание и распространение»⁸. Кажущаяся необратимость этих перемен в первую очередь взволновала философов и писателей. Именно из их уст прозвучало предостережение, что подражание внешнему виду других народов неизбежно грозит нации утерей собственной индивидуальности.

Одним из первых мыслителей, который сформулировал идею о возможных необратимых последствиях слепого подражания чужеземной моде, был поэт П. Аньош. В 1782 г., когда, с одной стороны, носить платья и прически европейского образца было не просто престижно, но и естественно, а с другой стороны, Иосиф II еще не давал повода для открытого проявления беспокойства о сохранении национальной самобытности венгров, Аньош опубликовал стихотворение «О древней венгерской одежде», которое сопровождал эссе «Мои мысли по этому вопросу». В эссе он прямо утверждает: «У одежды есть какая-то тайная сила, действующая на людские сердца». И далее: «Другая одежда рождает другой язык, другой язык – другие стремления, другие стремления – другие склонности, и так шаг за шагом мы теряем отечество, нация превращается в другую нацию»⁹.

Заимствование чужой одежды кажется поэту абсурдным по двум причинам. Во-первых, все народы далеко не идеальны. Слепо перенимая их одежду, подражатель рискует не только не усовершенствовать свою природу, но и обрести все те грехи, пороки, слабости, которые этим народам свойственны. Во-вторых, нет на свете такого дикого и необразованного народа, в котором не было бы чего-то особенного, только ему свойственного. Какой же смысл перенимать чужое, спрашивает автор, когда есть шанс развить и упрочить свои неповторимые качества. Аньош искренне недоумевал, почему венгры не замечают опасности, таящейся в увлечении иноземными нарядами. «Со сменой одежды, – полагал он, – как бы угасает искра того благородного огня, который мы впитали с молоком матери». Единственный способ возродить былое величие венгерской души – это немедленно достать дедовы лапти*, ибо если вся нация наденет свою древнюю одежду это не будет выглядеть смешно. «Видел я у разных народов и более чудную одежду, – замечает поэт, – к которой тем не менее все относились с уважением, потому что в нее была одета вся нация»¹⁰.

Однако какую бы верную и оригинальную мысль не высказал Аньош, призыв его в 1782 г. вряд ли мог быть услышан и оценен по достоинству современниками. Условия для того, чтобы увлечение национальным костюмом обрела форму массового движения, созрели к концу 80-х, когда недовольство политикой Иосифа II достигло высшей точки и начало искать выход в, казалось, спасительном для нации возрождении языка и культуры. Близкая Аньошу идея о взаимосвязи одежды и национального духа вновь встречается в 1790 г., в анонимном памфлете «Размышления истинного патриота». «Большинство молодежи в нашей стране, – писал автор, – вследствие небрежного образа жизни, а в особенности под воздействием позаимствованных у других народов обычаев настолько отошло от традиций наших предков, что теперь и венграми-то называться не желает, более того, десятки тысяч молодых людей, похоже, совсем забыли о том, кто они, и одеваются в немецкое, испанское, французское платье»¹¹.

Интересное свидетельство того, что и в 80-е годы костюм венгерского дворянина тем не менее оставался символом национальной идентичности и социального статуса, содержится в семейной переписке графов Фештетичей. Супруга Пала Фештетича (дальнего родственника знаменитого Пала Феште-

* Словом «лапти» на русский язык переводят венгерское слово «boszkor», обозначающее разновидность обуви в виде цельного куска кожи, обмотанного вокруг стопы и стянутого у щиколотки тесьмой. Это была типичная обувь венгерского крестьянина. Отсюда, кстати, прозвище беднейшей прослойки венгерского дворянства – «boszkoros nemesek», «лапотники».

тича – вице-президента венгерской Казенной палаты), Каетанна, доводилась сестрой ректору дворянской академии в Иглау (совр. Йиглава в Чехии), Иммануилу Штильфриду. С его помощью Фештетичи устроили одного из своих сыновей в дворянскую академию в Брюнне (совр. Брно в Чехии). Барон Штильфрид в особом письме педантично перечислил, что из одежды и предметов повседневного обихода необходимо иметь при себе юному графу по приезде в Брюнн. «Твой сын по желанию твоего любезного супруга может носить венгерское платье, – писал барон, – но в Брюнне нет венгерского портного, так что тебе придется ежегодно пересылать ему одежду»¹².

Во второй половине 80-х годов, когда взаимоотношения Иосифа II с венгерской политической элитой обострились, фрондирующие венгерские аристократы стали даже внешним видом показывать свою оппозиционность Вене. Например, блестящий офицер и знаток экономики граф Дёрдь Фештетич отпустил длинные «национальные» усы в пику царившей при венском дворе французской утонченности¹³. После того как Иосиф II отменил большинство своих реформ в Венгрии, подобные внешние перемены стали приметой времени и объектом насмешек для авторов, подобных Л. Хофману.

Зимой 1790 г. дворянские комитатские собрания обсуждали последний декрет покойного императора и готовили свои жалобы и предложения назначенному на лето Государственному собранию. По традиции, а также ввиду важности происходящего дворяне являлись на собрания в национальных костюмах. Современники воспринимали это весьма эмоционально. Один из очевидцев, не будучи в силах сдержать чувств, нахлынувших на него при виде дворян в праздничном венгерском наряде, с саблями на поясе, к тому же говорящих по-венгерски, назвал это «собранием ангелов»¹⁴, что по-видимому, было далеко от истины. Кстати, дворяне на этих собраниях так проникались патриотическим духом, что принимали такие решения: «Запретить своим домашним впредь носить чужеземные платья». Как сообщала газета «Бечи мадьяр курир», дворяне комитата Ноград и Хонт, придя домой с одного из таких собраний, растрепали замысловатые «невенгерские» прически своих жен и дочерей¹⁵. Поэт Й. Гвадани, выразитель умонастроений консервативного провинциального дворянства, в послании к венгерским дамам писал: «Никогда не подпускайте к себе цирюльника / Его завивка не годится для ваших венгерских головок»¹⁶. После всего сказанного выше не покажется преувеличением утверждение Х. Марцали, что движение 1790 г. началось с возрождения национальной одежды¹⁷.

Подлинно массовый характер увлечение национальным костюмом обрело с возвращением на родину святой короны. Сформированные в комитатах бандерии сознательно избрали для себя форму куруцев времен войны 1703–

1711 гг. Этот ясный намек на годы антигабсбургской борьбы должен был подчеркнуть патриотическую направленность движения. В национальные костюмы были одеты не только бандеристы, но и восторженные жители, встречавшие процессию. Улицы и площади городов украшали изображения венгерских воинов в парадной национальной одежде, как это было, например, в Кайше. Там на рыночной площади прямо перед кофейней соорудили триумфальную арку, которую венчало изображение восседавшего на коне императора Леопольда и стоящего перед ним с саблей наголо венгра в роскошном национальном костюме¹⁸.

Цветам костюма бандеристов было дано символическое истолкование. Предводитель войска барон Йожеф Орци в своей приветственной речи, обращаясь к воинам, торжественно провозгласил: «Мы безраздельно верны своему отечеству, и тому, что его благополучие и неприкосновенность его законов мы готовы купить ценой собственной жизни, есть свидетельства в нашей одежде: красный цвет говорит о том, что мы готовы пролить кровь за наше отечество, за наши свободы, черный, что мы не боимся даже смерти, а золотом наш костюм украшен потому, что мы хотим, чтобы этот благородный дар земных недр сделал нашу любовь к отечеству столь же высокой пробы»¹⁹. Впрочем, каждый был волен толковать пестрые костюмы бандеристов по-своему. Безымянный полковой поэт так писал о красном и синем цвете униформы: «Знай, если ты прольешь кровь за отечество, то будешь вознагражден за это на небесах»²⁰. Зато недружественным сторонним наблюдателям они напоминали буйство красок турецких кафтанов.

Наступившее в венгерском обществе поголовное увлечение национальным костюмом можно охарактеризовать скорее как политическую акцию, нежели как свидетельство подлинного интереса к родной культуре, осознание глубокой духовной связи с предшествующими поколениями. Переодеваясь в национальное платье, венгры прежде всего хотели таким образом открыто декларировать свои политические убеждения, свое патриотическое чувство.

Газета «Хади эш маш невезетеш тёртенетек» напоминала читателям, что в революционной Франции группа женщин пришла в Национальное собрание, чтобы отдать все свои драгоценности на благо родины. Взамен они просили учредить какой-нибудь орден, который они могли бы носить в знак своей любви к отечеству. Вспоминая об этом эпизоде, газета была вынуждена признать, что для венгерских женщин подлинным знаком любви к отечеству стала национальная одежда²¹. Неудивительно, что жительницы Пешта и Буды были не на шутку возмущены, когда в поэме Й. Пецели в честь возвращения на родину святой короны обнаружили такие строки: «Прибыв в Буду, ты, верно, весьма удивился тому, что там теперь едва ли можно встретить венгерскую

даму»²². Обвинение звучало тем более серьезно, что в обыденном сознании Буда – древняя столица Венгрии – воспринималась как своего рода хранилище национального духа (в отличие от более близкой к Вене Пожони), подлинное сердце страны. В поэме Гвадани «Путешествие деревенского нотариуса в Буду» столица представляется главному герою местом, где дамы и кавалеры разгуливают по улицам в национальных костюмах²³. Вскоре в редакции газеты, где прежде была опубликована поэма Пецели, пришло разгневанное письмо: «Мы, дамы Буды и Пешта, все как одна одеты в национальные костюмы и так ждем прибытия короны»²⁴. Тем же, кто не спешил переодеться в венгерское платье, блюститель нравов Й. Гвадани приводил в пример женщин Востока: «Жену турка, татарина и перса ни за что не заставить одеть иноземное платье, / Национальная одежда – это ее красота, ее достоинство, ее украшение»²⁵.

Неписанным правилом стало появление на балах и светских раутах, публичных собраниях, наконец, просто на людях в национальной одежде. Газеты писали о том, что в Пеште бывали балы, куда не пускали, даже если в платье один лишь воротник был иноземного образца²⁶. Сам глава венгерской католической церкви архиепископ эстергомский Й. Баттяни появлялся на балах в Вене, одетый во все венгерское и с саблей на боку²⁷. Существовал даже проект «национального костюма» для священников, эскиз которого был опубликован в газете «Хади эш маш невезетеш тёртенетек».

Увлечение всем венгерским шло рука об руку с презрением ко всему тому, что казалось немецким. В анонимном памфлете, написанном в форме куруцкой песни, говорилось: «Если и на этот раз немец сумеет тебя обольстить / И снова обрядить тебя в свои обноски, / Может быть уже никогда ты не встанешь на ноги / И навеки останешься рабом»²⁸. Особой ненавистью пользовались узкие штаны европейского покроя. Они превратились в символ засилья немцев. Один из памфлетов так и назывался «От венгров в длинных штанах к венграм в коротких». В нем тем, кто последнее время носил немецкое платье, предлагалось очиститься от немецкой скверны, переодеться в венгерские штаны и подпоясаться мечом Аттилы²⁹.

От наблюдательных современников не ускользнуло то, что адвокаты «суровой простоты предков» отнюдь не отказывались от удобств современной жизни. Отпускавшие венгерские усы аристократы были европейски образованными людьми и их тацитовское противопоставление благородной простоты и порочной роскоши было философским, умозрительным, а не буквальным. Хофман желчно упрекал этих, как сказали бы в XIX в., «почвенников» в том, что высокие идеалы не мешают им носить немецкое платье и парики по последней венской моде, разъезжать в немецких экипажах с лакеями в livреях. Журналист советовал им мазать волосы салом, а не пудрить свои непат-

риотические косички, как это делают венские щеголи³⁰. В другом месте Хофман язвительно прокомментировал: «Они рассуждают о древней простоте и проклинают пагубную роскошь немцев, а сами носят сапоги, которые сделал немецкий сапожник за тысячу дукатов, и тратят столько золота на свои шубы, сколько немцу хватило бы на три добротных сюртука»³¹.

Иностранцы, одетые в венгерскую одежду, удостаивались всяческих похвал. Пресса с удовлетворением отмечала, что невенгерские жены высших должностных лиц королевства, как, например, супруга верховного судьи графа К. Зичи, урожденная Кевенхюллер, блистала на балах исключительно в венгерских платьях³². Сообщалось также, что все иностранки спешат заказать себе праздничные национальные костюмы к главному событию 1790 г. – коронации Леопольда II, чтобы появиться в сердце отечества «в подобающем виде»³³, тем более, что сама императрица обещала предстать перед своими венгерскими подданными в национальном костюме.

Венгерскую читающую публику убеждали, что иностранцы сознательно выбирают венгерскую одежду в силу присущих ей уникальных свойств. Вот типичная заметка из газеты: «Многие иностранки не только предпочитают носить венгерские платья, но и уверены в том, что в них есть то обаяние, та таинственность, которых обычно не так легко достичь прекрасному полу. Ведь и вправду, настоящее венгерское платье пожилую даму превратит в молоденькую, полную – в стройную, а венгерский платок большую голову скрасит, маленькую – украсит»³⁴.

Наконец, свидетельством того, что вхождение в моду венгерского национального костюма было неразрывно связано с попыткой вернуться к прежнему социальному строю, может служить следующее рассуждение современника. «Прежде, – жалуется анонимный автор, – многих дворян было не отличить от мастеровых, многих венгерских дам от их горничных, дочерей от матерей – все носили одинаковую одежду, теперь же тот не венгр, кто одет не по-венгерски»³⁵.

На Государственном собрании 1790 г. разгорелись жаркие споры, стоит ли объявлять ношение национального костюма обязательным для венгерского дворянина. Противникам этой нелепой точки зрения противостояли как близкие к венским придворным кругам венгерские аристократы, так и рассудительные советники Венгерской придворной канцелярии. Например, проводник интересов Вены граф Л. Палфи выдвинул экзотический аргумент, что, в случае объявления венгерского костюма обязательным для ношения, немцы, получившие венгерское дворянство, так называемые *indigenati*, будут вынуждены являться на Государственное собрание сразу в двух комплектах одежды, так как по рождению они немцы, а по членству в политической нации – венг-

ры. Канцелярия же, ссылаясь на «Трипартитум» Вербёци, напоминала, что принцип дворянской свободы не предполагает ограничений в сфере одежды. В конце концов от объявления национальной одежды чем-то вроде униформы венгерского политика отказались³⁶.

Как интерес к национальному костюму стал следствием описанных выше процессов в венгерском обществе, так и спад политической активности к 1792 г. предопределил угасание моды на национальную одежду³⁷. И хотя увлечение национальным костюмом было скорее культурным феноменом, сам факт противопоставления национального чужеземному создавал в венгерском сознании доминанту: венгр это тот, кто носит национальную одежду.

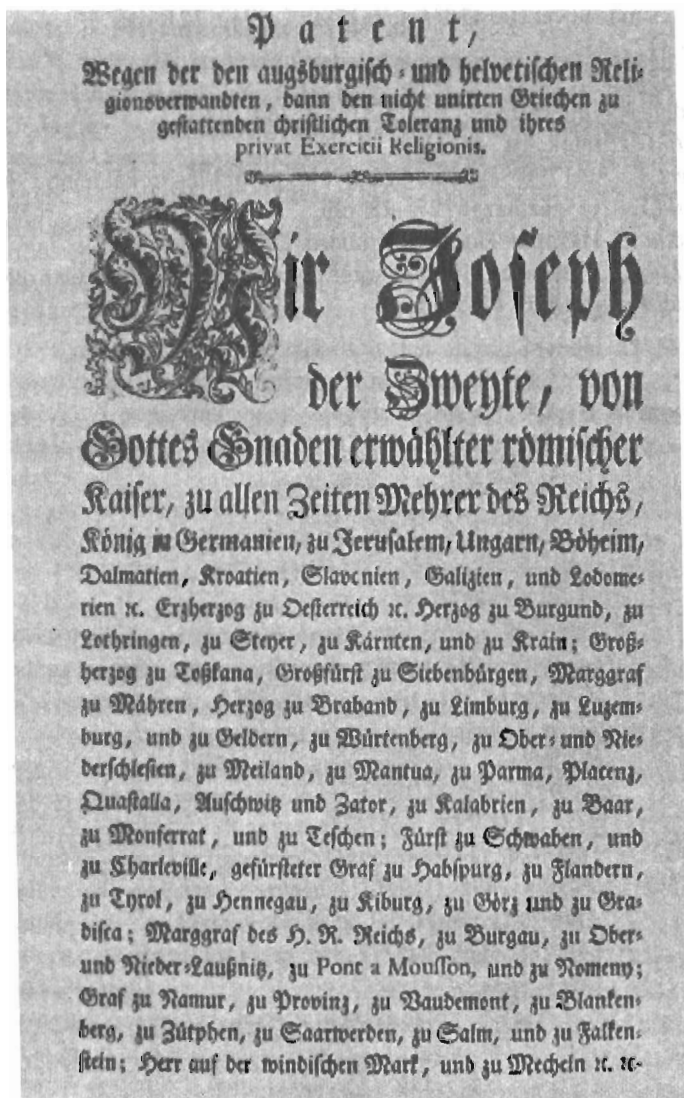
Судья и переводчик-любитель Ж. Освальд в патриотическом памфлете 1792 г. называет главными признаками национальной принадлежности одежду и язык. Он рассуждает: «Наша национальная одежда настолько нравится иностранцам с хорошим вкусом, что можно по праву дивиться тому, как среди нас еще встречаются такие, кто может променять ее на состоящую из лоскутков и кусочков, столь неудобно скроенную, не дающую телу дышать, непрактичную чужеземную одежду». Автор памфлета утверждает, что «англичане, которые считают себя первой нацией в мире, если на их счастье им удастся попасть в Венгрию, возвращаются на свою изысканную родину в венгерском одеянии». Он воспевае одежду предков, которая «шилаь из ярко-алого сукна, украшалась золотыми и серебряными пуговицами, а у прекрасного пола – из тяжелых шелков с жемчугами, золотыми и серебряными застежками». Ее носили всю жизнь и передавали из поколения в поколение. Современную же одежду можно носить не более месяца: она или выйдет из моды или придет в негодность³⁸.

Перекочевав в XIX в., этот интерес к венгерскому костюму получил дальнейшее развитие как в национальной идеологии, так и в массовом сознании. В романе Миксата «История Ности-младшего» крестьянка-словачка так рассуждает о нарядах своей венгерской госпожи: «Надень она вместо всяких шелков своих да бархатов сборчатую юбку, вышитую рубаху да фартук, сапожки обуй, да чепчик бабочкой нацепи – ох, и красавица была бы. А так ... что ж, барыня она барыня и есть»³⁹. Вообще, в эпоху дуализма венгерская политическая элита будет по-прежнему облачаться в шитые золотом ментики и доломаны, шапки с перьями и сапоги, повязывать на пояс мечи по особо торжественным случаям⁴⁰. На страницах газет вновь и вновь будет возникать полемика, стоит ли объявить ношение национального костюма в дни государственных праздников обязательным как для мужчин, так и для женщин⁴¹. В то же время неестественность, манерность такой квазинациональной одежды в полной мере раскрылась в середине 90-х годов XIX в., в эпоху Миллениума.

Примечания

- ¹ Szerb A. Magyar preromantika. Bp., 1929. 8. old.
- ² Kazinczy F. Pályám emlékezete. 164. old.
- ³ Dózsa K. How the Hungarian national costume evolved // The imperial style: Fashion of the Habsburg era. N.Y., 1980. P. 75–87.
- ⁴ Undi M. Uri- és népviselet a barokk korban // Magyar művelődéstörténet. Barokk és felvilágosodás / Szerk. S. Domanovszky. s.l. et d., 372.–373. old.
- ⁵ HHStA. Handbilletenprotokolle. Bd. 6. Allgemeines Tagliches Exhibitions- und Expeditions-Protokoll vom 1 Januarii bis inclusive letzten Juni 1776. T. III. 30 Januarii Nachmittag. S 338.
- ⁶ [Khevenhüller-Metsch J.J.] Aus der Zeit Maria Theresias. Wien, 1910. Vol. III. S. 147.
- ⁷ MOL. A 39. Magyar Kancelláriai Levéltár. Acta generalia. 2895/1777.
- ⁸ Berzeviczy G. Über Oesterreichs Grundsätze. S. 318.
- ⁹ Ányos P. A régi magyar viseletről // Ányos P. Versei / Bevezetéssel és jegyzetekkel kiadta E. Császár. Bp., 1907. 87.–88. old.
- ¹⁰ Ibid. 88. old.
- ¹¹ Egy igaz hazafinak elmélkedési. 14. old.
- ¹² Письмо И. Штильфрида к К. Фештетич без даты (написано скорее всего в 1780 или 1781 г.) см.: MOL. Festetics család levéltára. P. 259. Festetics Pálné levéltára. 3. d.
- ¹³ Townson R. Travels in Hungary. P. 38.
- ¹⁴ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 129. old.
- ¹⁵ Bécsi Magyar Kurír. 1790. XVI. sz. 151. old.
- ¹⁶ Gvadányi J. A nemes magyar dámákhoz (пагинация отсутствует).
- ¹⁷ Marczali H. Az 1790/91-diki országgyűlés. I. köt. 45. old.
- ¹⁸ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. II. félév. 819. old.
- ¹⁹ Márki S. A koronaörzö nemesek naplója. 337. old.
- ²⁰ Ballagi G. Politikai irodalom Magyarországon. 315. old.
- ²¹ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. II. félév. 430. old.
- ²² Gvadányi J. Egy falusi notárius budai utazása. Bp., 1983.
- ²³ Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 285. old.
- ²⁴ Ibid. 286. old.
- ²⁵ Gvadányi J. A nemes magyar dámákhoz.
- ²⁶ Bécsi Magyar Kurír. 1790. XIV. sz. 192. old.
- ²⁷ Váczy J. A nemzeti felbuzdulás. 271. old.
- ²⁸ Egy igaz magyar hazafinak serkentő versei. 482. old.
- ²⁹ Róbert Zs. Az 1790/91-diki országgyűlés pasquillus irodalmához // Irodalom és a felvilágosodás: Tanulmányok / Szerk. J. Szauder, Á. Tamai. Bp., 1874. 799. old.

- ³⁰ Ninive. S. 49.
- ³¹ Ibid. S. 50.
- ³² Hadi és más nevezetes történetek. 1790. I. félév. 321. old.
- ³³ Ibid. 312. old.
- ³⁴ Ibid. 554. old.
- ³⁵ Mindenés gyűjteménye. 1790. XXII. sz. 264. old.
- ³⁶ Szekfü Gy. Iratok. 40., 45. old.
- ³⁷ Róbert Zs. Az 1790/91-diki országgyűlés pasquillus irodalmához. 800. old.
- ³⁸ Osvald Zs. Az igaz hazafi. 27.–28. old.
- ³⁹ Муксам К. История Ности-младшего. С. 270.
- ⁴⁰ См.: Lukacs J. Budapest, 1900: A város és kultúrája. Bp., 1996. (фото № 43).
- ⁴¹ Ország-Világ. 1896. 175. old.

Декрет о веротерпимости. 1781 г.

Глава IV

Соотношение
религиозных и
патриотических
убеждений

В истории нередки случаи, когда конфессиональная принадлежность становится одним из критериев причисления к национальному сообществу, как православие в Сербии или католицизм в Польше. Однако бывает, что несмотря на усилия определенной части общества провозгласить ту или иную религию национальной, вероисповедание остается вне нациообразующих признаков. Королевство Венгрия было не только полиэтничной, но и поликонфессиональной страной. В конце XVIII в. 60% населения исповедовало католицизм (в том числе униатство), 15 – кальвинизм, 13 – православие, 9 – лютеранство, 1,7% – иудаизм. За исключением хорватов (преимущественно католиков), евреев, сербов, ту или иную этническую группу практически невозможно связать с какой-то одной конфессией. Венгерский этнос был разделен на католиков и кальвинистов, немецкий и словацкий – на лютеран и католиков, румынский и русинский – на православных и униатов¹. Причем если аристократия, благодаря умелой политике венского двора к середине XVIII в. почти поголовно вернулась в лоно католичества, то мелкое и среднее дворян-

ство в значительной своей части (а в восточных районах практически поголовно) продолжало исповедовать протестантизм.

Далее в главе рассматривается соотнесение конфессиональной принадлежности с верностью отечеству, как оно трактовалось в конце XVIII в. венгерскими католиками и протестантами. Сходные явления у невенгерских народов королевства – немцев-лютеран, католиков хорватов, православных сербов и румын – должны составлять предмет отдельного исследования.

И венгры-католики, и венгры-протестанты имели свои собственные традиции сочетания веры и патриотизма. Католическая традиция восходила к средневековой легенде о Венгрии как королевстве Девы Марии (*regnum Marianum*). В ней говорилось, что первый христианский король Венгрии св. Иштван вручил страну под особое покровительство Богородице. Впоследствии иезуиты воспользовались легендой, чтобы провозгласить римско-католическую веру единственной национальной, в отличие от «импортированных» немецких религий, лютеранства и кальвинизма.

Протестантская (прежде всего кальвинистская) патриотическая традиция была тесно связана с тираноборческими идеями Жана Кальвина. Если М. Лютер в согласии с католической догмой настаивал на послушании светской власти, то Кальвин учил, что правитель, превышающий данные ему Богом полномочия, превращается в тирана, и ему при известных условиях можно и должно оказывать как пассивное, так и активное сопротивление. Этот постулат кальвинизма как нельзя лучше соответствовал государственно-правовым представлениям венгерского дворянства, которое до 1687 г., согласно «Золотой булле» Эндре II (1222 г.), имело право вооруженного сопротивления королю, нарушающему законы страны.

Особую роль в распространении практики мирного сосуществования различных конфессий играло в раннее Новое время Трансильванское княжество. Господствующий класс Трансильвании и примыкавших к нему восточных и северо-восточных областей королевской Венгрии, в силу своей меньшей политической и экономической зависимости от Габсбургов, превратился в передовой отряд борьбы за территориальную целостность и политическую независимость страны. И поскольку большинство из них исповедовало протестантизм, борьба шла одновременно под лозунгами защиты сословно-национальных прав и свободы вероисповедания. В 1568 г., впервые в европейской истории, свобода вероисповедания была законодательно закреплена Государственным собранием Трансильвании. В результате в венгерской протестантской традиции патриотизм оказался связан прежде всего с активной гражданской позицией в борьбе с внешними врагами и сопротивлением деспотизму центральной власти, стремящейся лишить сословия их законных прав и свобод².

Большая часть XVII в. в Европе прошла в непримиримых столкновениях католиков и протестантов, причем на стороне первых была вся мощь центральной власти, убежденной в том, что прочный социальный мир возможен лишь в моноконфессиональном государстве. Австрийские Габсбурги, следуя принципу Аугсбургского мира (1555 г.) *cujus regio ejus religio*, всеми силами укрепляли позиции католической веры в подвластных им землях, изгоняя протестантов из страны, отбирая их храмы, конфискуя имущество. В то же время, понимая гибельность конфликтов на религиозной почве в стране, где около одной трети населения исповедует иную веру, они, в отличие от своих испанских родственников, не были чужды поиску конструктивных решений.

Первая попытка законодательного регулирования религиозного вопроса связана с успехами освободительных походов трансильванских князей, подписавших с Габсбургами Венский (1606 г.) и Линцкий (1645 г.) мирные договоры, в которых провозглашалась свобода вероисповедания для всех подданных «без ущерба католической вере». Однако принцип так и остался на бумаге: центральная власть не располагала механизмом, позволявшим контролировать исполнение закона, а общество не было готово с этим смириться. К тому же «свобода вероисповедания» в XVII в. в лучшем случае означала такое состояние вынужденного равновесия, когда враждовавшим конфессиям приходилось считаться с тем, что они не в состоянии окончательно расправиться друг с другом³.

Непримиримые столкновения венгерских католиков и протестантов (подтверждение закона 1608 г. в 1681 и 1687 г. не привело к положительным сдвигам) убедили Габсбургов в необходимости вмешаться в урегулирование религиозного вопроса, взять на себя роль арбитра в церковных делах. Леопольд I, который после 1688 г. не созывал Государственного собрания, а правил посредством декретов, издал в 1691 г. так называемое «Разъяснение Леопольда» (*Explanatio Leopoldina*) по вопросам вероисповедания, где разделил богослужение для протестантов на публичное и частное. Публичное богослужение разрешалось в строго определенных (артикулярных) местах, вне этих мест допускалось лишь частное богослужение – чтение религиозной литературы в семейном кругу. Так ущемляя права более слабой конфессии в пользу более сильной, возводя между ними барьер в повседневной жизни, центральная власть пыталась добиться мира в королевстве. Но ожесточенные столкновения католиков на Государственном собрании всякий раз как поднимался религиозный вопрос (1714, 1728 г.), разгорались с новой силой. Созданная в 1723 г. для разрешения конфессиональных споров комиссия из представителей католического, кальвинистского и лютеранского духовенства не смогла примирить враждовавшие конфессии.

В 1733 г. император Карл VI изыал религиозный вопрос из сферы компетенции Государственного собрания и особой резолюцией (*Carolina Resolutio*) – основанной на «Разъяснении Леопольда», – придал протестантизму статус терпимой религии. Для протестантов сохранялось разделение на частное и публичное богослужение. Они получили право избирать своих суперинтендантов, но католические архидиаконы осуществляли надзор за протестантским духовенством. Неполноправие протестантов выражалось еще и в том, что их обязывали присутствовать на католических праздниках, от них требовали принесения католической присяги при вступлении в некоторые должности, а в специальной секретной статье запрещалось принимать протестантов на государственную службу. Смешанные браки мог освящать лишь католический священник. Обращение католиков в протестантскую веру запрещалось и преследовалось государством. Изданная в 1734 г. так называемая «вторая Карлова резолюция» разрешила создание четырех суперинтенданств для каждой из протестантских конфессий.

С одной стороны, протестанты получили ограниченную артикулярными местами свободу отправления религиозного культа и большую свободу во внутрицерковных делах. С другой стороны, протестанты ставились в неравное положение с католиками. Поэтому протестанты сочли резолюцию недостаточной, половинчатой, а католики, не желавшие терпеть в королевстве какую бы то ни было иную конфессию, объявили документ возмутительным. Тем не менее резолюция Карла VI обеспечила то шаткое равновесие, которое позволяло Габсбургам в течение полувека сохранять в Венгрии относительную социальную стабильность⁴.

В 40–80-е годы венский двор все более заботило, что в стране живет значительное число представителей иных конфессий, у которых отсутствует один из важнейших элементов, связывающих подданных с центральной властью – общая религия, и которые хотят во что бы то ни стало сохранить свои самостоятельные церковные структуры. Отсюда проистекало упорное нежелание Габсбургов иметь дело с религиозными объединениями протестантов, стремление ограничиться рассмотрением жалоб и обращений частных лиц. С другой стороны, двор, считавший крайне важным сохранение религиозных ценностей и религиозного мировоззрения у всех своих подданных, не мог не видеть, что обострение религиозного противостояния вело к ограничению религиозной практики для тех, кто упорно отвергал усиленно пропагандируемое возвращение к католической вере. Таким образом Габсбургам приходилось постоянно балансировать между мерами, препятствующими превращению протестантизма в организованную политическую силу, и действиями, направ-

ленными на сдерживание усилий части клира, иезуитов и светских католиков, желавших полного уничтожения протестантизма⁵.

Коренные изменения и религиозная политика Габсбургов, и отношение общества к представителям иной веры претерпели в царствование Иосифа II. Будучи инициатором многих реформ в духе просвещенного абсолютизма, он не мог оставить в стороне религиозный вопрос, более того, сам термин «йозефинизм» поначалу ассоциировался исключительно с религиозной политикой императора. Целью Иосифа было, конечно, не распространение протестантской веры, а создание таких условий, при которых протестанты приносили бы максимальную пользу государству. Центральная власть не желала терять полезных и трудолюбивых подданных, а с другой стороны, император был заинтересован в ослаблении католического клира как политической силы, поскольку интересы последнего не всегда соответствовали государственным. Усиление протестантского и православного духовенства, становившегося одновременно зависимым от центральной власти, было выгодно Иосифу.

Декретом о веротерпимости от 1781 г. император существенно облегчил положение протестантов и православных. Отменялось разделение на публичное и частное богослужение, теперь сто семей, объединившись, могли возвести церковь без шпиля, колокола и входа с улицы (позднее и эти ограничения были сняты), пригласить священника и учителя, не боясь быть подвергнутыми штрафу. Отменялись контроль католического духовенства за протестантскими священниками и клятвы, несовместимые с религиозными убеждениями протестантов, хотя они продолжали платить налоги в пользу католического духовенства. Теперь в случае смешанных браков католиками становились все дети отца католика, а протестантами только сыновья отца протестанта. Императорский декрет разрешал также в некоторых случаях переход католиков в протестантизм, прежде жестока каравшийся. Но главное, протестанты получили доступ к государственной службе. Последнее имело, пожалуй, наиболее далеко идущие последствия: государственный аппарат стал пополняться молодыми талантливыми протестантами, большинство из которых получило образование в лучших протестантских университетах Европы.

Такие положительные изменения не могли быть следствием одной лишь воли императора. В годы правления Иосифа II в обществе начался сложный процесс осознания того факта, что религиозная терпимость является непременной составляющей социального мира в королевстве. Этому не в последнюю очередь способствовало открытие школ, где совместно обучались дети протестантов и католиков (против чего, кстати, выступало духовенство обеих конфессий), изъятие цензуры из ведома церкви, распространение западной просвещенческой литературы⁶.

Под впечатлением религиозных реформ Иосифа II часть католического клира и светских католиков попыталась реанимировать устаревшую доктрину *regnum Marianum*. В XVII в. иезуитская пропаганда внушала венгерским католикам, что они живут в большой и свободной стране, бастионе Европы, оплоте христианской веры, потому что Венгрия – это королевство Девы Марии, которое она взяла под свое особое покровительство по просьбе первого венгерского короля св. Иштвана. Сторонники этой доктрины объявляли католицизм «истинно венгерской» религией и отказывали не католикам в праве именоваться патриотами. Наибольшую известность в конце 80-х годов приобрели сочинения Лео Сайца «об истинном венгре», в которых поставлен знак равенства между верностью отечеству и принадлежностью к католицизму⁷. Автор, взявший многозначительный псевдоним Иштван Сын Марии, не скупясь на резкие, и даже грубые выпады в адрес протестантов, доказывал, что Венгрия жила безбедно и счастливо, пока чтит Богородицу. В своих построениях Сайц заходил настолько далеко, что даже этноним «мадьяр» рассматривал как анаграмму имени Девы Марии (*Marya + g = magyar*).

К написанию этих книг Сайца побудили те же причины, что заставили его современников: Д. Бешенеи – заявить о необходимости возродить венгерский язык, А. Дугонича – воспеть быт и нравы древних венгров, П. Аньоша – поставить вопрос о судьбе венгерского национального костюма. Централизаторские реформы просвещенного абсолютизма, объективно направленные на преодоление вековой обособленности отдельных владений Габсбургского дома, внушали опасения той части венгерского общества, которая винила Вену в стремлении покончить с государственно-правовой самостоятельностью и культурным своеобразием Венгрии. Это был страх за будущее венгерской нации перед лицом надвигавшейся германизации (протестанты традиционно считались в католической пропаганде «немецкими агентами»), нежелание лишиться национальной самобытности и попытка найти почву для объединения истинных патриотов, озабоченных судьбой отечества.

Однако к Сайцу не захотели прислушаться даже братья по вере, большинство из которых уже давно считало преследование религиозного инакомыслия анахронизмом⁸. Анонимный автор памфлета «Истинный венгр, который отвечает на „Краткие замечания“ Даниэля Мадьяра законами страны» указывал на то, что сословная конституция Венгрии не предполагает противопоставление членов политической нации по религиозному признаку. «Законный народ Венгрии – это не католики, а венгерское дворянство (часть I главы 4 и часть 2 главы 4 „Трипартитума“), – утверждал он, – ибо религия никому не дает ни прав, ни привилегий, поскольку венгры собственной кровью добыли себе Отечество, права и привилегии. Поэтому будь он сто раз католик,

но если он не венгерский дворянин, он не обладает венгерскими правами и свободами»⁹. Что же касается протестантов, то лютеранский священник Д. Храбовски в своей проповеди о любви к отечеству призывал: «Для того, чтобы с честью носить имя истинного патриота, нужно всячески стремиться показывать верность своему отечеству, действовать в интересах всей нации и, наконец, быть готовым отдать жизнь за родину»¹⁰.

Решающее сражение сторонников и противников принципа религиозной терпимости произошло на Государственном собрании 1790–1791 гг. Протестанты уже не довольствовались тем, что имели право открыто исповедовать свою религию, возводить храмы и школы. Они требовали предоставить им полную свободу в церковных вопросах (не принуждать к принесению клятв или совершению действий, несовместимых с их религиозными убеждениями), устанавливать принадлежность детей от смешанных браков к конфессиям родителей в соответствии с их полом, отменить все налоги и денежные сборы в пользу католического духовенства и, наконец, дать юридические гарантии политического равноправия протестантов¹¹.

Сословия дважды принимались обсуждать религиозный вопрос и дважды из-за ожесточенных споров о том, в какой форме и до какой степени следует признать религиозные и гражданские права протестантов и православных, окончательное решение откладывалось. Наконец, сословия обратились за помощью к императору, и Леопольд II издал соответствующую резолюцию, которую предстояло утвердить в верхней и нижней палате собрания. В ней император предлагал вернуть в число венгерских законов статьи Венского и Линцкого мирных договоров о свободе вероисповедания и раз и навсегда уравнивать протестантов и православных в правах с католиками. Резолюция Леопольда II была внесена в качестве законопроекта на утверждение верхней и нижней палат Государственного собрания. Архиепископ эстергомский граф Баттяни призывал: «Для меня и для каждого, кому дорога Отчизна, святость закона, верность королю и отечеству, нет важнее цели, чем искренняя любовь граждан различного вероисповедания. Кто рассуждает иначе – подвергает опасности как религию, так и родину»¹².

Клир и часть дворян-католиков решительно выступили против этого. Прежняя формула Венского мира – «корона обеспечивает всем подданным свободу вероисповедания» – подкреплялась теперь юридическими гарантиями равноправия конфессий. Католики лишались своего привилегированного положения и возможности преследовать своих сограждан за веру. В наделении протестантов гражданскими правами им виделось стремление занять положение господствующей религии. «Нельзя отрицать, – говорил посол комитата Тренчен, – что эта статья не укрепляет, а отдаляет союз жителей королевства.

так как не отрезает евангелистам путь и в дальнейшем добиваться для себя еще больших милостей»¹³. Протестантам всячески пытались приписать жажду реванша за годы преследований. Г. Берзевици, по вероисповеданию лютеранин, с досадой отмечал, что протестанты находятся под постоянным подозрением, будто они хотят, чтобы не только была гарантирована свобода их религии, но и сама католическая вера была угнетена¹⁴. Противники положительного решения религиозного вопроса объявили императорскую резолюцию превышающей границы договоров, противоречащей, если не прямо, то косвенно, божественным законам и естественному праву¹⁵.

Протестанты были в менее выгодном положении, чем католики. В отличие от католического клира, который являлся сословием, а значит обладал правом подачи письменных протестов государю, послы-некатолики были организационно разобщены. Подвергаемые постоянным нападкам и незащищенные перед самыми фантастическими обвинениями, протестанты искали и находили поддержку у той части католиков, которая встала над догматическими различиями веры во имя мира и согласия в королевстве, во имя торжества справедливости. Среди послов было немало сторонников философии Просвещения. Весьма популярный у венгерской читающей публики Монтескье утверждал, что иную религию, если она укоренилась, нужно терпеть, и что гражданские законы должны главным образом стремиться к тому, чтобы делать людей добрыми гражданами¹⁶.

Понимание религиозной политики как средства достижения социальной стабильности сближало протестантов и просвещенных католиков. М. Форгач писал: «Религией не только большинство граждан включается в определенные рамки, но и надежнее сковывается союз жителей королевства»¹⁷. Призывая к положительному решению религиозного вопроса многие вспоминали старую поговорку «В согласии малое возрастает, большие раздоры исчезают». Другой страстный сторонник Просвещения, граф А. Баттяни, в своей речи в защиту протестантов провозгласил: «В наше просвещенное время нельзя сопротивляться свободе вероисповедания, тем более что евангелисты как жители страны и члены гражданского сообщества наравне с другими находятся под охраной законов и по праву ждут от сограждан согласную с законами справедливость и защиту не только в светских правах, но и в свободе совести»¹⁸. Протестант П. Балог счел своим долгом разъяснить католикам: «Мы угнетены, причем угнетены своими же согражданами, и тем не менее мы не строим против них козней; таким образом нас не стоит бояться»¹⁹.

Речи сторонников веротерпимости находили понимание у большинства послов. В коллективном обращении католиков к Государственному собранию говорилось: «Вера есть дар Святого Духа и дело убеждения, а не принужде-

ния, и человек, обладающий высшим разумом, свободен настолько, что ни земные, ни подземные тираны не могут лишить его этой привилегии». Иллюстрируя свои рассуждения, католики приводили пример о трех братьях, славящих одного Бога на разных музыкальных инструментах²⁰. Вообще, послы с большим вниманием выслушивали восторженные речи католиков в защиту сограждан иной веры и исполненные достоинства речи протестантов, мужественно выдерживавших нападки противников религиозной свободы, нежели жалобы и протесты католического клира, в ответ на которые аудитория нередко разражалась то смехом, то возмущенными возгласами²¹. Многие стояли перед поистине непростым выбором: с одной стороны, каждый имел свое мнение по религиозному вопросу, с другой – был обязан голосовать так, как наказали ему избиратели. Не в силах разрешить это противоречие, один из послов просил считать его голос и «за», и «против»²².

Свидетельством того, что принцип конфессиональной принадлежности был исключен из критериев принадлежности к венгерской нации, служат результаты окончательного голосования: 291 депутат против 84 проголосовал за предоставление протестантам и православным равных гражданских прав с католиками. Согласно ст. 26 от 1791 г. «Свода венгерского права», свобода вероисповедания распространялась на всех жителей страны. Отправление обрядов было везде свободным, повсеместно разрешалось строить церкви, держать священника и учителя. Католические и протестантские священники подчинялись теперь высшей инспекции короля. Землевладельцы отныне не могли вмешиваться в вопросы вероисповедания своих крестьян. Становилась необязательной введенная во времена Марии Терезии обязательная месса в цехах. Дети от смешанных браков должны были воспитываться в вере своих родителей в соответствии с полом, однако сыновья отцов-некатоликов могли принять католичество. Несмотря на то, что в ходе осуществления этого закона было немало злоупотреблений в ущерб протестантам, он представлял собой значительный шаг вперед, ибо уничтожал последствия католической реакции, многие годы отягчавшие положение протестантов, и гарантировал свободу вероисповедания в соответствии с концепцией светского государства²³.

Итак, религиозный вопрос в Венгрии к концу XVIII в., во-первых, уже не волновал господствующий класс, гораздо больше озабоченный единством своих рядов перед лицом централизаторских планов Вены, чем восстановлением пошатнувшегося авторитета Святого Престола. Во-вторых, большинство населения королевства начинало осознавать, что веротерпимость это единственно возможная форма сосуществования различных конфессий. Наконец, в-третьих, в отличие от, скажем, проблемы языка, религиозный вопрос оказался в стороне от магистрального пути развития европейского национализма.

Именно поэтому в обществе восторжествовал подход, который прогрессивный журналист Ш. Сачваи так описал в несколько громоздком двустишии: «Истинный венгр тот, кто считает венгром того, кто им является, / А во что он верит, это никого не касается»²⁴. И хотя католицизм в Венгрии еще долго оставался официальной религией, а взаимоотношения между церквями и на рубеже XIX–XX вв. продолжали играть существенную роль, конфессиональная принадлежность осталась за рамками критериев национальной принадлежности.

Примечания

- ¹ Benda K. Emberbarát vagy hazafi? 26.–28. old.
- ² Benda K. A kalvinizmus és magyarságtudat kölcsönhatása történelmünkben // Confessio. 1986. 10. évf. 2. sz. 4.–8. old.
- ³ Kosáry D. Művelődés. 72. old.
- ⁴ Magyarország története, 1686–1790. Bp., 1989. IV/1. 411.–413. old.
- ⁵ Ibid. 719. old.
- ⁶ Kosáry D. Culture and society in eighteenth-century Hungary. Bp., 1987. P. 67.
- ⁷ Máriafi István [Szaitz L.] Igaz magyar.
- ⁸ О полемике в печати вокруг книг Лео Сайтца см.: Concha Gy. A 90-es évek reformeszméi előzményeik. 81.–92. old; Ballagi G. Politikai irodalom Magyarországon. 199.–213. old.
- ⁹ Igaz katolikus magyar, a'ki Magyar Dánielnek «Rövid megjegyzései»-re az ország törvényeiből megfelel. s.l., 1790.
- ¹⁰ [Hrabovszky Gy.] A Haza szeretete. Egy protestáns predicatio mellynek olvasása után amá jó hazafi Magyar Dániel jobb ember, jobb keresztyén, jobb magyar hazafi lehet. s.l. 1790.
- ¹¹ Magyarország története, 1790–1848. Bp., 1980. V/1. köt. 93. old.
- ¹² Цит. по: Marczali H. Az 1790/91-diki országgyűlés. II. köt. 222. old.
- ¹³ Magyar jakobinusok iratai. I. köt. A magyar jakobinus mozgalom iratai / Szerk. K. Benda. Bp., 1957. 290. old.
- ¹⁴ Berzeviczy G. Eine Betrachtung über die Protestanten in Ungarn. Цит. по: Balázs É. Berzeviczy Gergely. 342. old.
- ¹⁵ Magyar jakobinusok iratai. I. köt. 286. old.
- ¹⁶ Монтецкий Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 537, 542.
- ¹⁷ Candida postulata. P. 19–20.
- ¹⁸ Az 1790/91-diki országgyűlés naponként való jegyzetek. s.l., 1790. 363. old.
- ¹⁹ Magyar jakobinusok iratai. I. köt. 297. old.
- ²⁰ Ibid. 277. old.
- ²¹ Ibid. 287., 292. old.

²² Ibid. 287. old.

²³ *Hóman B., Szekfű Gy.* Magyar történet. Bp., 1936. V. köt. 76. old.

²⁴ Цит. по: *Leskó J. Szaitz Leó,* a katolikus újságírás magyar úttörője. Bp., 1898. 46 old.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принимая во внимание рассмотренные выше государственно-правовые, экономические, этнокультурные и религиозные аспекты политической культуры, правомерно сделать вывод о преемственности между добуржуазными представлениями о нации и отечестве и национальным сознанием буржуазной эпохи. Именно в конце XVIII в. впервые прозвучали лозунги, рождались мифы и выкристаллизовывались ценности, которые составили основы венгерского буржуазного национализма. Правы социологи и антропологи, которые, подобно Э. Смигу, утверждают, что связывая национализм исключительно с эпохой модернизации, считая ее продуктом капиталистического развития, историки не избегают себя от труда вновь и вновь возвращаться к прошлому и к тому, как ощущается связь с этническим прошлым¹.

Характер эволюции венгерской патриотической парадигмы лишний раз доказывает, что реальные национальные сообщества сочетают в себе черты как территориальной, так и этнической нации, причем только сам ход истории может показать, какой вариант развития окажется доминирующим. В государственно-правовых представлениях венгерского дворянства о нации содержались необходимые предпосылки для того, чтобы понятие «венгерская нация» было отнесено ко всем жителям королевства безотносительно к их этническому происхождению, и причисление венгерского языка к непререваемым условиям принадлежности к венгерской нации не в последнюю очередь направило венгерский национализм по антилиберальному, ассимиляторскому пути, поставив невенгерские народы королевства перед выбором: отказ от национальной идентичности или политическая конфронтация с господствующей венгерской нацией.

Более пристальное изучение политической культуры раннего Нового времени помогает лучше понять роль господствующего класса в формировании национальной идеологии. Поначалу наличие у венгерской политической элиты донациональной идеологии было положительным фактором. Дворянский патриотизм стал краеугольным камнем зарождавшейся венгерской национальной идеологии, дав обществу стройную систему ценностей и символов, значимых не только для дворянства, но и (потенциально) для большинства жителей страны. В то же время ориентация на мифы и ценности господствующего класса долгое время лишала венгерское третье сословие политиче-

ствующего класса долгое время лишала венгерское третье сословие политической самостоятельности и культурной индивидуальности. В результате на рубеже XIX–XX вв. венгерский национализм продолжал оставаться продворянски настроенным или, используя термин П. Ханака, «джентриподобным»².

В то же время нельзя отрицать, что даже в недрах сословно понимаемой национальной идеологии происходили процессы, недвусмысленно указывавшие на вовлечение все большего числа жителей страны в активную политическую деятельность, понимаемую как патриотический долг. Британский историк Л. Колли сравнила патриотизм с повозкой, в которую различные социальные группы усаживались с тем, чтобы править в выгодном для себя направлении. Быть патриотом означало в Британии претендовать на право участия в политической жизни и требовать более широкого доступа к гражданским правам³. Нечто подобное, хотя в иных формах и в меньшем масштабе можно наблюдать на примере Венгрии конца XVIII в. Быть патриотом – даже для господствующего класса – означало не только защищать древние сословные привилегии, но и способствовать процветанию экономики и развивать национальную культуру. Для выходцев из третьего сословия, отвергавших узкосословное толкование нации, патриотизм становился наиболее желанной формой политической и социальной активности.

Движение 1790 г., став наиболее зримым воплощением длительных процессов, подспудно протекавших в обществе с середины XVIII в., показало, что развитие национального самосознания вступило в качественно новую стадию, и продемонстрировало невиданную прежде степень политической консолидации национального сообщества. Понимание сути перемен, произошедших в венгерском обществе на исходе XVIII в., дает ключ к пониманию характера социально-политических и культурных процессов XIX – начала XX в.

Примечания

¹ *Smith A.D.* Nationalism and the Historians // International journal of comparative sociology. 1992. XXXIII. № 1–2. P. 72.

² *Hanák P.* The bourgeoisification of the Hungarian nobility. P. 420.

³ *Kolley L.* Britons. Forging of Nation, 1707–1857. London, 1992. P. 5.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

**Приложение к реляции посла кн. Голицина к № 77 –
1790-го года**

Образец присяги для государственных чинов

Аз (N.N.) клянусь живым Богом и проч., что по силе фундаментальных государственных законов и по справедливости, повинен буду всеми моими намерениями, силами и пособиями чинить токмо то, что к сохранению государственных законов и прав чинов, к постоянному благополучию всего народа, и к охранению простых людей в общественных податях за справедливо и полезно почту, и что я ни коим образом, голосом ли моим, или умолчанием, на уменьшение или ограничение государственных законов, преимуществ, свобод, вольностей и к ним присоединенных или присоединяемых частей не соглашусь, но паче, – сообразуясь фундаментальным законам и справедливости, единомышленно с прочими государственными чинами и депутатами, полагая предметом действительное обеспечение законов и непрременность оных до позднейших потомков, всемерно стараться буду таковые принимать меры, и таковые чинить постановления, коими бы права и величество в начале и натуре своей вольного и независимого государства могли быть сохраняемы и приумножаемы, и совершенное бы единодушие и согласие между государственными чинами и обывателями, по сущей справедливости пребывали. Сверх того обещаюсь, что по силе 14-ой запрещающей статьи 1649-го года, никаких должностей, честей, милостей, подарков или оных знаков обещаваемых мне во время сейма, а по окончании оного действительно уже жалуемых, без ведома и согласия чинов не приму, словом: что я ни явно, ни тайно против государственных законов, прав, вольностей и преимуществ государственных чинов, советом, голосом, или каким-нибудь другим образом не поступлю, и во всем том, что я сею присягою обещаю, не учиню мыслию изъятия, или двоякого знаменования. Тако мне Бог да поможет и проч.

Перевел коллежский ассессор Степан Адвиновский

* ЛВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 6. Д. 748 (1790). Л. 18–19.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные документы

I. Budapest, Magyar Országos Levéltár (MOL)

- a) Magyar Királyi Kancellária. A 39. Acta generalia.
- b) Helytartó tanács. C 67. Departamentum. litterario-politicum.
- c) P 259. Festetics Pálné levéltára
- d) P 1885. Forgách Miklós levéltára.
- e) P 623. Széchényi Ferenc levéltára.

II. Budapest, Pest Megyei Levéltár (PML)

- a) Pest-Pilis-Solt Vármegye Nemesi közgyűlésének iratai. Köz- és kisgyűlési jegyzőkönyvek. Protocolla congregationum generalium et particularium. Pest Megyei Levéltár IV.3-a. 1787–1790 (PML. IV.3-a).
- b) Pest-Pilis-Solt Vármegye Nemesi közgyűlésének iratai. Acta congregationalia. Pest Megyei Levéltár IV.3-c. 1790 (PML. IV.3-c).

III. Wien, Haus-, Hof- und Staatsarchiv (HHStA)

- a) Handbilettenprotokolle. Bd. 6.
- b) Nachlaß Nenny. Karton 1–2.

IV. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

- a) Ф. 32. Сношения России с Австрией.

Опубликованные источники

Мискат К. История Ности-младшего и Марии Тот // *Мискат К.* Избранное. М., 1986.

Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / Издание подготовил В.С. Лопатин. М., 1997.

Ad amicam augustinae confessionis amici catholici de Viennensi et Linzensi pacificationibus epistolae tres. s.l., 1790.

Amadé A. Dictio... habita ad status et ordines incltyti comitatus Nitriensis anno MDCCCXXX [1790] die II. Martii congregatos.

Anti-Ninive. s.l., 1790.

Ányos P. A régi magyar viseletről // *Ányos P.* Versei / Bevezetéssel és jegyzekkel kísérve kiadta E. Császár. Bp., 1907. 85.–88. old.

Ányos P. Kalapos király // *Ányos P.* Válogatott művei / Bev. tanulmány és jegyz. I. Lökös. Bp., 1984. 108.–116. old.

Batsányi J. Serkentő válasz // *Batsányi J.* Összes művei. 1. Versek / Sajtó alá rend. D. Kereszturi. Bp., 1953. 21.–23. old.

Batsányi J. Nagy méltóságú gróf Forgách Miklós urhoz (Budára, Sz. János' hav. 20-dik napi 190) // *Batsányi J.* Összes művei. 2. Prózaí művek. 1. köt. Bp., 1960. 201.–203. old.

[*Beothy J.*] Sermo Domini ... V. Comitatus Bihariensis in Generali Congregatione ejusdem Comitatus 1784 jul.14 // *Marczali H.* Magyarország története II. József korában. II. köt. 536.–539. old.

Berzeviczy G. Über Oesterreichs Grundsätze in der Regierung Ungarns // *Balázs É.* Berzeviczy Gergely – a reformpolitikus (1763–1795). Bp., 1967. 317.–322. old.

Berzeviczy G. De dominio Austriae in Hungaria // Magyar jakobinusok iratai / Szerk. K. Benda. I. köt. Bp., 1956. 94.–105. old.

Bessenyei Gy. Törvények útja. Tudós társaság. s.l. et d. (Magyar Irodalmi Ritkaságok, № 1).

Bessenyei Gy. Egy magyar társaság iránt való jámbor szándék. s.l. et d. (Magyar Irodalmi Ritkaságok, № 4).

Bessenyei Gy. Magyarság. A magyar néző. s.l. et d. (Magyar Irodalmi Ritkaságok, № 6).

Collectio ordinationum imperatoris Josephi II-di et representationum diversorum Regni Hungariae comitatum. Pars I. Dioesgin, 1790.

Collectio representationum et prothocollorum I.I.Statum et Ordinum Regni Hungariae occasione Altissimi Decreti de die 28 januari 1790. e Generalibus congregationibus responsi instar submissorum. Pars I–II. Pestini, Budae, Cassovae, 1790.

Csaba J. Gróf Batthyányi Alajos «Ad amicam aurem» című munkája. Bp., 1917.

Décsi S. Pannoniai Foenix. Pest, 1790.

Dugonics A. Etelka, egy igen ritka magyar kisasszony Világos-váratt. Árpád és Zoltán fejedelmek ideikben. 1.–2. köt., Pozsony, 1788.

Dugonics A. Följegyzései. Bp., 1883.

Egy igaz hazafinak elmékedési 1790-dik esztendőben. s.l., 1790.

Egy igaz magyar hazafinak édes nemzetet ügyefogyott állapotjának mélyl almából serkentő versei, melyeket irt második József halála után 1790. estendőben Sz. György havában // *Hajdú L.* II. József igazgatási reformjai Magyarországon. Bp., 1982. 481.–483. old.

[*Forgách M.*] Patriotische Vorstellung an den Monarchen in Betreff der Wiederherstellung der vormaligen Regierungsform in Ungarn. Pressburg, 1788.

[*Forgách M.*] Ab optimo principe candida postulata. s.l. 1790.

Gvadányi J. A nemes magyar dámákhoz, és kis aszszonyokhoz szálló versek, mellyeket egy meg váltazhatatlan buzgó szívvel bíró hazafi, a most közelebb történt változásokra nézve a' meg nevezett szép nemnek multságára, és gyönyörködtetésére ki bocsátott. Pozsony; Komárom, 1790.

Gvadányi J. Egy falusi notárius budai utazása. Bp., 1983.

Hajnóczky J. A magyar országgyűlésen javaslandó törvények lényege // *Hajnóczky J.* Közjogi-politikai munkái / Sajtó alárend. A. Csizmadia. Bp., 1958. 47.–96. old.

Hajnóczky József / Válogatta, a bevezetést és jegyzeteket írta J. Poór. Bp., 1998 (Magyar szabadelvűek).

[*Hoffmann L.A.*] Babel. Fragmente über die jetzigen politischen Angelegenheiten in Ungarn. s.l., 1790.

[*Hoffmann L.A.*] Ninive. Fortgesetze Fragmente über dermaligen politischen Angelegenheiten in Ungarn. s.l., 1790.

Horányi E. De sacra corona Hungariae ac de regibus eadem redimitis commentarius. Pest, 1790.

[*Horányi E.*] Eleutherius Pannonius. Josephus II in campis Elysiis. Somnium Eleutherii Pannonii. s.d. et l.

[*Horányi E.*] Eleutherii Pannonii mirabilia fata dum in metropoli austriae famosi duo libelli «Babel» et «Ninive» in lucem venisset. s.l., 1791.

[*Hrabovszky Gy.*] A Haza szeretete. Egy protestáns predicatio mellynek olvasása utánn amá jó hazafi Magyar Dániel jobb ember, jobb keresztyén, jobb magyar hazafi lehet. s.l., 1790.

Hungaria graviter aegra ab successore coronae et statibus atque ordinibus regni in comitiis anni 1790mi congregatis curam postulans. oratore Angelo Pacis. s.l., 1790.

Hungaria liberrima et securissima sive de Rege et Regno Hungariae ad leges juribus generis humani conformes regulando. s.l., 1790.

Az igaz hazafiúság alapvonalai a jelenkor szükségeihez alkalmazva. Pest, 1837.

Igaz katolikus magyar, a'ki Magyar Dánielnek «Rövid megjegyzései»-re az ország törvényeiből megfelel. s.l., 1790.

[*Izdenczy J.*] Irrtümmen in den Begriffen der meisten Ungarn von der Staatsverfassung ihres Vaterlandes, und von den Rechten ihrer Könige. Gedruckt im Römischen Reiche, 1790.

Kazinczy F. Pályám emlékezete / Sajtó alá rend. és jegyz. L. Orosz. Bp., 1956.

Keresztesi J. Naplója. Kronika Magyarország polgári és egyházi közéletéből a XVIII. század végén / Kiadta E. S. Hoffer. Pest, 1868.

[*Khevenhüller-Metsch J.J.*] Aus der Zeit Maria Theresias. Wien, 1910. Vol. III.

A magyar országgyűlési végeztéseknek egyik darabja, úgymint: Ama nevezetes két Brosurák: Babel és Ninive ellen tett hiteles Tanúság. Pozsony, 1790.

Második József császárnak. // *Hajdú L.* II. József igazgatási reformjai Magyarországon. Bp., 1982. 479.–481. old.

[*Mitterpacher L.*] Entwurf der oekonomischen Kenntnisse welche in dem k.k. Theresianum der adeligen Jugend bezgebracht werden. Wien, 1773.

[*Mitterpacher L.*] Entwurf der ökonomischen Studien in der k.k. thesianischen Akademie. Wien, 1775.

Mors excubans ad Tumulum Josephi II-di Imperatoris sistst gressum viatoris. // *Gálos R.* Egykorú gúnyversek II. Józsefről és magyar munkatársairól // Győri szemle. 1935. 6. évf. 1.–4. sz. 68.–69. old.

[*Noszlopi Zs.*] Omnis mutatio tam regni, quam populo periculosa, praecipuae quae sit sine sapiencia, et ex pura interessentia. s.l., 1789.

[*Okolicsányi J.*] Egyenes szívű magyar, azért igazi hazafiú. Pozsony, 1790.

[*Okolicsányi J.*] Hungarus pro lege, ex lege pro rege et patria. s.l., 1790.

Orczy L., Széki Teleki J. Méltóságos L. Báró Orczy Lőrincz úrnak ... és azon dologban felséges urunk királyi commissariusának, Nagy Szöllösön MDCCCLXXXII. esztendőben mind-szent-havának XV. napján Méltóságos R.Sz. B. Gróf Széki Teleki József Úrnak ... és addig Békés vármegye adminisztrátorának, Nemes Ugocsa vármegyei Fő ispányi hivattalyába lett be-iktattása alkalmátosságával elmondott beszéde, a Gróf Teleki József úr arra tett feleletével együtt. Pest., 1782.

[*Oszvald Zs.*] Az igaz hazahfi kinek tulajdonságait együgyű beszédbe foglalta egy Hazája s nemzete javat óhajtó szíve. Pest, 1792.

Pézteli J. Az ország' gyűléshez nyújtott haladó köszönetek. Komárom, 1790.

Pézteli J. A magyar koronához ... mikor Budára lett le vitettelésekor. Komárom; Buda, 1790.

Pia desideria cordis unius Hungarici dulci suae patriae felicitatem et securitatem aeternam exoptantis. 1790.

Révay M. A haza tért magyar koronának öröm ünnepe. s.l., 1790.

Rend-tartás a'melley Posony, Mosony, Győr, Komárom, Esztergom és kivált Pest vármegyekben vala-állitva Sz. koronánk örvendetes Haza jövetelékor. s.l., 1790.

Repraesentatio Congregationis I. Comitatus Zagradiensis. Zagreb, 1790.

Sacratissima Regia Majestas. s.l., 1790.

Schwartner M. Statistik Königreichs Ungern: Erster Theil. Zweite Vermehrte und Verbesserte Ausgabe. Ofen, 1809.

Skerlecz Miklós báró élete és művei / Irta illetve latin eredetéből fordította Dr. P. Berényi. Bp., 1914.

Splény J. De inaugurali diplomate Regio sermo baronis Joan. Splény in comitiis Regni Hungariae die 1ma septembris 1790.

[*Szacsvai S.*] Hazafiak Tüköre. Magyarok, a'ki jól köt, jól old. Pest, Buda, Kassa, 1790.

[*Szaitz L.*] Máriafi István. Igaz magyar. I.–IV. rész. Paris; Berlin, 1785–1790.

Therézia tsászárnő és király-aszszony' e' felső világra lett vissza-fordulása. Pozsony, 1788.

Townson R. Travels in Hungary, with a short account of Vienna in the year 1793: Illustrated with a map and sixteen other copper-plates. London, 1797.

Virág B. Poétai munkái. Pest, 1863.

Zimmermann J.Gy. A nemzeti büszkeségről. A negyedik nyomtatás szerint / Ford. F.G. Öri. Pozsony, 1792.

Периодика

Bécsi Magyar Kurír. 1789–1790.

Hadi és más nevezetes történetek. 1789–1790.

Mindenes gyűjteménye. 1790.

Orpheus. 1789–1790.

Ország–Világ. 1896.

Staats-Anzeigen. 1789–1790

Литература

Исламов Т.М. От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественное развитие и генезис национального самосознания / Отв. ред. А.С. Мильников. М., 1984.

Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе: Некоторые решенные и дискуссионные проблемы // Новая и новейшая история. 1986. № 1.

- История Венгрии: В 3-х т. / Под ред. В.П. Шушарина, Т.М. Исламова, А.И. Пушкаша. М., 1971–1972. Т. 1–2.
- Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1984.
- Митрофанов П.П.* Оппозиция реформам Иосифа II в Венгрии. СПб., 1905.
- Митрофанов П.П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907.
- Митрофанов П.П.* История Австрии. СПб., 1910. Ч. 1.
- Митрофанов П.П.* Леопольд II Австрийский. Пг., 1916. Т. 1.
- Мыльников А.С., Фрейдзон В.И.* Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII–XIX вв.: Закономерности, типология и периодизация процесса // Вопросы истории. 1987. № 8.
- Мыльников А.С.* Идеи Просвещения и формирование национальных культур: Проблемы типологии и этнокультурной адаптации // Публицистика эпохи Просвещения. СПб., 1995. Вып. 1.
- Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997.
- Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII–1849 г. / Под ред. Т.М. Исламова, В.И. Фрейдзона, И.И. Лещиловской. М., 1980.
- Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.
- Фрейдзон В.И.* Некоторые аспекты перехода от феодальной народности к нации в Центральной и Юго-Восточной Европе // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественное развитие и генезис национального самосознания / Отв. ред. А.С. Мыльников. М., 1984.
- Фрейдзон В.И.* Нации до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в. М., 1999.
- Хаванова О.В.* Восприятие идей французского Просвещения венгерским дворянством в конце XVIII века // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX века) / Под. ред. С.М. Фалькович. М., 1995.
- Хаванова О.В.* К вопросу об отражении национального прошлого в венгерской публицистике 90-х годов XIX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика, 1867–1918 / Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 1997.

Хаванова О.В. Соотношение религиозных и патриотических убеждений в венгерском обществе в раннее новое время // Религия и политика. От античности к эпохе Просвещения / Отв. ред. Ю.Е. Ивонин. Смоленск, 1997.

Хаванова О.В. Миклош Форгач: штрихи к портрету харизматического лидера // Центральная Европа в новое и новейшее время / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1998.

Хаванова О.В. Истоки венгерского национализма в политической культуре XVIII в. // Вопросы истории. 1998. № 6.

Хаванова О.В. Венгерская историческая наука и государственная политика в межвоенный период: новый взгляд на XVIII век // Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы, 1920–1950-е годы / Отв. ред. А.С. Стыкалин. М., 1999 (Власть и интеллигенция. Вып. 3).

Хаванова О.В. Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: Опыт сопоставления // Век Екатерины II: Россия и Балканы. / Отв. ред. И.И. Лешиловская. М., 1998.

Хаванова О.В. Венгры и немцы в конце XVIII века: к вопросу складывания этнокультурных стереотипов // Славяне и их соседи. Средние века – раннее новое время. М., 1999. Выпуск 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты.

Arató E. A nemzetiségi kérdés története Magyarországon. I–II köt. Bp., 1960.

Arató E. A magyar nacionalizmus kialakulása és története. Bp., 1964.

Arató E. A nemzeti ideológia múltja és jelene. Az Eötvös Loránd Tudományegyetem évkönyve. Bp., 1966.

Arató E. A magyar «nemzeti» ideológia jellemző vonásai a XVIII században // Nemzetiség a feudalizmus korában. Tanulmányok. Bp., 1972.

Arató E. A feudális nemzetiségtől a polgári nemzetig. A magyarországi nem magyar népek nemzeti ideológiájának előzményei. Bp., 1975.

Arató E. The Emergence of the hungarian bourgeois concept of nation-homeland // Ann. Univ. Sc. Bp. R. Eötvös N. S. Historica. T. XIX. Bp., 1978. P. 47–83.

Balázs É. Berzeviczy Gergely — a reformpolitikus (1763–1795). Bp., 1967.

Balázs É. Zur Frage des ungarischen Nationalismus in der Habsburgermonarchie // Österreich in Geschichte und Literatur. 1971. № 3.

Balázs É. Latinität als Charakteristikum des Adels in Osteuropa // Opuscula finnougriaca Gottingensia. 1983. № 1.

Balázs É. Bécs és Pest-Buda a régi századvégén. Bp., 1987.

Balázs É. Európai gazdaságpolitika – magyar válasz. Bp., 1996 (História Könyvtár. Előadások a történettudomány műhelyeiből. № 9).

Balázs É. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: An experiment in enlightened absolutism. Bp., 1997.

Ballagi G. Politikai irodalom Magyarországon 1828-ig. Bp., 1888.

Barany G. Stephen Széchenyi and the awakening of Hungarian nationalism, 1791–1841. Princeton (New Jersey), 1968.

Bartoniék E. A magyar királykoronázások története. Bp., 1987.

Blanning T.C.W. Joseph II and enlightened despotism. Bristol, 1971.

Benda K. Ismeretlen politikai költemény 1790-ből // Irodalomtörténet. 1951. 1 sz. 100.–104. old.

Benda K. Emberbarát vagy hazafi? Tanulmányok a felvilágosodás korának magyarországi történetéből. Bp., 1978.

Benda K. A magyar nemesi mozgalom (1790–1792) // Történelmi szemle. 1974. 1.–2. sz. 183.–210. old.

Benda K. A magyar köznemesség művelődési törekvései a XVIII században // A Nográd megyei muzeumok évkönyve. 1981. VII. évf. Sálgotarján, 1981.

Benda K. Mária Terézia királynő a magyar történetírásban // Történelmi szemle. 1981. 24. évf. 3 sz.

Benda K. Hungary // Nationalism in the age of the French revolution / O. Dann, J. Dinwiddy. London, 1988.

Concha Gy. A 90-es évek reformeszméi és előzményeik. Irodalomtörténeti vázlat. Bp., 1885.

Csáky M. Von der Aufklärung zum Liberalismus. Studien zum Frühliberalismus in Ungarn. Wien, 1981.

Csáky M. Die Hungarus-Konzeption. Eine «realpolitische» Alternative zur magyarischen Nationalstaatsidee? // Ungarn und Österreich unter Maria Theresia und Josef II. Neue Aspekte im Verhältnis der beiden Länder. Texte des 2. Historikertreffens. Wien, 1980 / Hrsg. v. A. Drabek, R. Plaschka, A. Wandruschka. Wien, 1982.

Császár B. A Horányi Elek tervezete «Hazafiui magyar társaság». Bp., 1899.

Czapáry L. Ányos és Virág hazafisága. Ányos Pál és Virág Benedek fejérvári emléktáblának leleplezésekor (1905. december 3-án) felolvasta. Székesfehérvár, 1906.

Czigány L. The Oxford history of Hungarian literature. From the earliest times to the present. Oxford, 1984.

Début et fin des Lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. Actes du sixieme Colloque de Mátrafüred 20–25 octobre, 1984 / Publié par I. Kovács. Bp., 1987.

Dickson P.G.M. Finance and government under Maria Theresia, 1740–1780. Oxford, 1987. Vol. I–II.

- Domanovszky S.* József nádor élete és iratai. I.–IV. köt. Bp., 1944.
- Dózsa K.* How the Hungarian national costume evolved // The imperial style: fashions of Habsburg era. N.Y., 1980.
- Eckhart F.* A bécsi udvár gazdaságpolitikája Magyarországon Mária Terézia korában. Bp., 1922.
- Eckhart F.* A bécsi udvár gazdaságpolitikája Magyarországon, 1780–1815. Bp., 1958.
- Eckhardt S.* A francia forradalom eszméi Magyarországon. Bp., 1924.
- Eckhardt S.* Coup d'oeil sur les relations intellectuelles franco-hongroises. Bp., 1935.
- Ember Gy.* A barokk rendi társadalom // Magyar művelődéstörténet. IV köt. Barokk és felvilágosodás. s.a. et l.
- Ember Gy.* Az egységes monárchia gondolata Mária Theresia korában // Századok. 1936. 7.–8. sz.
- Ember Gy.* Összefoglaló statisztikai táblák Magyarországról a XVIII század végén // Statisztikai Szemle. 1971.
- Evans R.J.W.* The Habsburgs and the Hungarian problem, 1790–1848 // Transactions of the Royal Historical Society. 5th series. 1989. № 39.
- Evans R.J.W.* Maria Theresa and Hungary // Enlightened absolutism. Reform and Reformers in later eighteenth-century Europe / Ed. by H. Scott. London, 1990.
- Evans R.J.W.* Joseph II and nationality in the Habsburg lands // Enlightened absolutism. Reform and reformers in later eighteenth-century Europe / Ed. by H. Scott. London, 1990.
- Evans R.J.W.* Religion und Nation in Ungarn, 1790–1849 // Siebenbürgen in der Habsburgermonarchie. Vom Leopoldinum bis zum Ausgleich (1690–1867) / Hrsgg. v. Zs. K. Lengyel, U.A. Wien. Köln; Weimar; Wien, 1999.
- Fraknoi V.* Gróf Széchényi Ferenc. 1754–1820. Bp., 1902 (Magyar történeti életrajzok).
- Fülöp G.* A magyar olvasóközönség a felvilágosodás idején és a reformkorban. Bp., 1978.
- Gálos R.* Bessenyei György életrajza. Bp., 1951.
- Györffy K.G.* Kultúra és életforma a XVIII századi Magyarországon (idegen utazók megfigyelései). Bp., 1991.
- Hajdú L.* II. József igazgatási reformjai Magyarországon. Bp., 1982.
- Hanák P.* The bourgeoisification of the Hungarian nobility – reality and utopia in the 19th century // Etudes historiques hongroises. 1985.
- Hanák P.* The image of the Germans and the Jews in 19th century Hungary // Pride and prejudice. National stereotypes in 19th and 20th century Europe East to West / Ed. by L. Kontler. Bp., 1995. P. 67–87.

Haselsteiner H. Joseph II. und die Komitate Ungarns. Herrscherrecht und standlicher Konstitutionalismus. Wien; Köln; Graz, 1983.

Hóman B., Szekfű Gy. Magyar történet. V köt. Bp., 1936.

Horváth M. Magyarország története. VII–VIII köt. Bp., 1873.

Ipólvi A. A magyar szent korona és koronázási jelvények története és műletrajza. Bp., 1886.

Kann R. A study in Austrian intellectual history. From the late baroque to romanticism. N.Y., 1960.

Királyi B. Hungary in the late eighteenth century. The decline of the enlightened despotism. N.Y., 1969.

Klingenstein G. Models of religious tolerance and intolerance in eighteenth-century Habsburg politics // Austrian history yearbook. 1993. Vol. 24.

Kókaly Gy. Intézmények szerepe a 18. század végi magyar szellemi élet újjászervezésében // Magyar könyvszemle. 1993. 109. évf. 2. sz.

Köpeczy B. A felvilágosult abszolutizmus ideológiája // Világosság. 1987. XXVIII. évf. 8.–9. sz.

Kornis Gy. A magyar művelődés eszményei 1777–1848. I köt. Bp., s.d.

A korona kilenc évszázada. Történelmi források a magyar koronáról. Bp., 1979.

Kosáry D. Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. II. köt. 1711–1825. Bp., 1954.

Kosáry D. Felvilágosult abszolutizmus – felvilágosult rendiség // Történelmi szemle. 1976.

Kosáry D. Művelődés a XVIII századi Magyarországon. Bp., 1980.

Kosáry D. Értelmiség és kulturális elit a XVIII. századi Magyarországon // Valóság. 1981. 2. sz.

Kosáry D. Magyarország a felvilágosodás kori Európában // Világosság. 1987. XXVIII. évf. 8.–9. sz.

Kosáry D. Újjáépítés és polgárosodás. 1711–1867. Bp., 1990 (Magyarok Európában. III).

Les Lumieres en Hongie, en Europe centrale et en Europe orientale. Bp., 1977.

Levy M. Count Sámuel Teleki and his reform project: Comments on Habsburg Hungary in 1790 // East-Central Europe. 1975. Vol. 2. Part II.

Leskó J. Szaitz Leó, a katolikus újságírás magyar úttörője. Bp., 1898.

Magyarország bibliográfiája 1712–1860. Könyvészeti kimutatása a Magyarországon és hazánkra vonatkozólag külföld megjelent nyomtatványoknak / Összeáll. G. Petrik; Bevezetéssel S. Szilágyi. I.–VI. köt. Bp., 1888.

A magyarországi értelmiség a XVII–XVIII században. A Csongrád megyei muzeumok igazgatósága által 1984 márc. 5-6-án tartott tud. konf. elhangzott előadások. Szeged, 1984.

Maksay F. A sok nemes országa // Mályusz Elemér emlékkönyve / Szerk. E. Balázs, E. Fügedi, F. Maksay. Bp., 1984.

Mályusz E. A reformkor nemzedéke // Századok. 1923. 57. évf. 1. sz.

Mályusz E. Sándor Lipót főherceg nádor iratai. Bp., 1926.

Mályusz E. A türelmi rendelet. II. József és a magyar protestantizmus. Bp., 1939.

Mályusz E. Iratok a türelmi rendelet történetéhez. Bp., 1940.

Márki S. A koronaörző nemesek naplója 1790-ből // Századok. 1881. 15. évf.

Marczali H. Magyarország a II. József korában. Bp., 1882–1888. I.–III. köt.

Marczali H. Az 1790/91-diki országgyűlés. Bp., 1910. I.–II. köt.

Marczali H. Alkotmánytervezetek 1790-ben // Világtörténelem – magyar történelem. Bp., 1981.

Mérei Gy. Magyar iparfejlődés. 1790–1815. Bp., 1951.

Michaud C. Felvilágosodás, szabadkőművesség és politika a 18. század végén. Fekete János gróf levelezése // Századok. 1983. 3. sz.

Miscellanea fontium historiae Europaeae. Emlékkönyv H. Balázs Éva történészprofesszor 80. születésnapjára / Szerk. J. Kalmár. Bp., 1997.

Nagy R. Magyarvisélet a XVIII század végén a XIX század elején. Bp., 1912.

Peregrinuslevelek, 1711–1750. Külföldön tanuló diákok levelei Teleki Sándornak / Szerk. G. Hoffmann. Szeged, 1980.

Péter L. The antecedents of the 19th century Hungarian state concept: An historical analysis. The background and the creation of the doctrine of the Holy Crown. London, 1965.

Péter L. Montesquieu's paradox on freedom and Hungary's constitution, 1790–1990 // New Hungarian quarterly. Autumn. 1991. № 5–6.

Pukánszky B. «Patriota» és «hazafi» (Fejezet a magyarországi német irodalom történetéből) // Budapesti szemle. Bp., 1933. 230. köt. 668. sz.

Szabo F.A.J. Kaunitz and enlightened absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994.

Szekfü Gy. Három nemzedék. Egy hanyaltó kor története. Bp., 1920.

Szekfü Gy. Iratok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez (1790–1848). Bp., 1926.

Szekfü Gy. Három nemzedék és ami utána következik. Bp., 1934.

Szekfü Gy. Nemzetiségi kérdés rövid története // Állam és nemzet. Tanulmányok a nemzetiségi kérdéstről. Bp., 1942.

Szerb A. Magyar preromantika. Bp., 1929.

Szűcs J. Nemzet és történelem. Tanulmányok. Bp., 1974.

Tarnai A. Szekfű és a „nemzetietlen kor” irodalomtörténete // Irodalomtörténeti közlöny. 1960.

Timon Á. Magyar alkotmány- és jogtörténet különös tekintettel a nyugati államok jogfejlődésére. Bp., 1919.

Undi M. Uri- és népviselet a barokk korban // Magyar művelődéstörténet. IV köt. Barokk és felvilágosodás / Szerk.S. Domanivszky. s.d. et l.

Váczy J. A nemzeti szellem hanyatlása s ébredése (1711–1822). Bp., 1909 («Urania» magyar tud. egyesület. Népszerű tud. felolvasások. 79 sz.).

Váczy J. Kazinczy Ferenc és kora. Bp., 1915.

Vaterlandsliebe und Gesamtstaatsidee im Österreichischen 18. Jahrhundert / Beihefte zum Jahrbuch der Österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des 18. Jahrhunderts. Hrsg. v. M. Csáky, R. Hagelkrys. Bd. 1. Wien, 1989.

Wangermann E. From Joseph II to the Jacobinian trials: Government policy and public opinion in the Habsburg Dominions in the period of French revolution. London, 1959.

Wangermann E. The Austrian achievement. 1700–1800. London, 1973.

Wellman I. Barokk és felvilágosodás // Magyar művelődéstörténet. IV. köt. Barokk és felvilágosodás. s.d. et l.

Windisch É. Kovachich Márton György, a forráskutató. Bp., 1998 (Társadalom- és művelődéstörténeti tanulmányok. 24).

Winter E. Barock, Absolutismus und Aufklärung in der Donaumonarchie. Wien, 1971.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Адвиновский Степан – 166
Александр Леопольд, австрийский эрцгерцог и венгерский палатин (Alexander Leopold) – 16
Алмаши Пал (Almássy Pál) – 23, 83, 101
Альбрехт, император Священной Римской империи и венгерский король (Альберт) (Albrecht) – 42
Амаде Антал (Amadé Antal) – 25, 64
Андраши (Andrássy) – 104
Анжуйская династия – 128
Аньош Пал (Ányos Pál) – 26, 30, 31, 44, 48, 76, 87, 143, 144, 158
Арпад (Árpád) – 130
Аттила – 131, 134, 137, 147

Б

- Балаж Эва (Balázs Éva) – 16, 17, 29, 107
Балашша Ференц (Balassa Ferenc) – 32, 37, 60, 61, 75, 82, 123, 135
Баллаги Геза (Ballagi Géza) – 12, 20
Балог Петер (Balogh Péter) – 24, 25, 85, 160
Бароти Сабо Давид (Baróti Szabó Dávid) – 47
Бартонiek Эмма (Bartoniék Emma) – 51
Баттяни Алайош (Batthyányi Alajos) – 65, 66, 160
Баттяни Игнац (Batthyányi Ignác) – 116
Баттяни Йозеф (Batthyányi József) – 48, 116, 147, 159
Баттяни Лайош (Batthyányi Lajos) – 104
Бачани Янош (Batsányi János) – 31, 85, 116, 120, 122
Бекшич Густав (Bekszics Gusztáv) – 138
Бела IV, венгерский король (IV. Béla) – 9
Бенда Калман (Benda Kálmán) – 16, 132
Беняк Бернат (Benyák Bernát) – 115

Берзевици Гергей (Berzeviczy Gergely) – 17, 21, 23, 25, 56, 75, 80, 81, 83, 85, 99, 100, 103, 106, 125, 134, 135, 143, 160

Бёти Янош (Beöthy János) – 25, 83

Бешенеи Дёрдь (Bessenyei György) – 27, 114, 115, 121, 158

Блюмеген Генрих (Blümegen, Heinrich) – 95

Бонфини Антонио (Bonfini, Antonio) – 42

Боронкаи Жигмонд (Boronkay Zsigmond) – 134

Борье Эгидий (Borié, Aegid) – 95

В

Ван Иштван (Vay István) – 23

Вацци Янош (Váczai János) – 12, 13

Вацлав (св. Вацлав), чешский король (Václav) – 52

Вербёци Иштван (Werböczy István) – 8, 41, 129, 149

Вириг Бенедек (Virág Benedek) – 30, 47

Вольтер (Voltaire) – 14, 121

Г

Габсбурги (Habsburg) – 15, 16, 17, 24, 25, 26, 32, 42, 43, 49, 54, 60, 63, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 82, 85, 88, 92, 99, 100, 103, 104, 106, 107, 118, 123, 130, 133, 143, 154, 156, 157

Гёрёг Деметер (Görög Demeter) – 29

Геза I, венгерский король (I. Géza) – 40

Гораций (Horatius) – 43

Грашшалкович Антал (Grassalkovics Antal) – 78

Гердер Иоганн (Herder, Johann) – 124

Голицин Дмитрий Михайлович – 94, 166

Гвадани Йожеф (Gvadányi József) – 139, 145, 147

Д

Дечи Шамуэль (Décsi Sámuel) – 123

Домановски Шандор (Domanovszky Sándor) – 15, 61

Дугонич Андраш (Dugonics András) – 31, 44, 76, 85, 121, 129, 130, 139, 158

Е

Екатерина II, российская императрица – 48, 64

Елизавета, австрийская эрцгерцогиня (Elisabeth Habsburg) – 45

Елизавета Люксембург, венгерская королева (Elisabeth Luxemburg) – 42

З

Зонненфельз Йозеф (Sonnenfels, Josef) – 12

Зрини Миклош (Zrínyi Miklós) – 113

Зичи Карой (Zichy Károly) – 116, 148

И

Изденци Йожеф (Izdenczy József) – 60, 61, 123

Иосиф II, император Священной Римской империи (Josef II) – 6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 62, 63, 64, 65, 76, 77, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 98, 106, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 128, 129, 130, 132, 135, 142, 143, 144, 145, 157, 158

Иосиф, австрийский эрцгерцог и венгерский палатин (Josef Habsburg) – 15, 61

Исламов Тофик Муслимович – 18, 19

Иштван I, св. Иштван (I. István, Szent István) – 26, 40, 42, 49, 51, 105, 124, 154, 158

К

Казинци Ференц (Kazinczy Ferenc) – 12, 29, 31, 48, 83, 115, 116, 119, 122, 125, 129

Кальвин Жан (Calvin, Jean) – 154

Карл VI, император Священной Римской империи; как венгерский король Карл III (Karl VI) – 74, 156

Карл Альбрехт VII, император Священной Римской империи (Karl Albrecht VII) – 74, 88

Карл Роберт Анжуйский, венгерский король (Károly Róbert) – 42

Катона Йожеф (Katona József) – 128

Кауниц Венцель Антон (Kaunitz, Wenzel Anton) – 37, 79, 95, 117

Кевенхюллер (жена Кароя Зичи) (Khevenhüller) – 148

Кевенхюллер-Метч Йожеф (Khevenhüller-Metch, Josef) – 75, 139

Керекеш Шамуэль (Kerekes Sámuel) – 29

Керестеши Йожеф (Keresztesi József) – 31, 44, 47

Ковачич Мартон Дёрдь (Kovachich Márton György) – 115, 116

Кокаи Дёрдь (Kóka György) – 116

Калдуэлл (Caldwell) – 58

Коллар Адам (Kollár Ádám) – 60

Колли Линда (Colley, Linda) – 165

Конча Дёзё (Concha Gyöző) – 12, 20

Корниш Дюла (Kornis Gyula) – 15

Кошари Домокош (Kosáry Domokos) – 12, 16, 21, 66, 107, 115, 121, 130
 Кошут Лайош (Kossuth Lajos) – 86, 104

Л

Ласло V, венгерский король (V. László) – 42
 Леопольд I, император Священной Римской империи (Leopold I) – 73, 155
 Леопольд II, император Священной Римской империи (Leopold II) – 27, 49, 50, 66, 65, 67, 68, 76, 79, 85, 86, 147, 148, 159
 Лехнер Эде (Lechner Ödön) – 105
 Лютер Мартин (Luther, Martin) – 154

М

Мак-Ненни Корнелий (Mac-Nenny, Cornelius) – 32, 37, 60, 75
 Мариаши Иштван (Máriássy István) – 50
 Мария Терезия, императрица Священной Римской империи и венгерская королева (Maria Theresia) – 12, 15, 26, 49, 74, 75, 77, 78, 79, 84, 85, 95, 106, 113, 117, 129, 142, 161
 Марки Шандор (Márki Sándor) – 47
 Мартини Карл (Martini, Karl) – 12
 Мартинович Игнац (Martinovics Ignác) – 24
 Марцали Хенрик (Marczali Henrik) – 13, 14, 28, 55, 145
 Матяш I Корвин, венгерский король (I. Mátyás) – 26, 42, 44, 128
 Маюс Элемер (Mályusz Elemér) – 16, 66
 Мигацци Христоф (Migazzi, Christoph) – 75
 Миксат Калман (Miksáth Kálmán) – 31, 105, 138, 139, 149
 Миллер Илья Соломонович – 18
 Митрофанов Павел Павлович – 14
 Миттерпахер Лайош (Mitterpacher Lajos) – 97, 102
 Михаил Дука, византийский император – 40
 Молнар Янош (Molnár János) – 115
 Монтескье Шарль (Montesquieu, Charles) – 58, 59, 65, 67, 77, 79, 80, 121, 160
 Музиль Роберт (Musil, Robert) – 133
 Мыльников Александр Сергеевич – 18, 19
 Мэй Артур (May, Arthur) – 105

Н

Надашди Липот (Nádasdy Lipót) – 94
 Ницки Криштоф (Niczky Kristóf) – 82, 83, 130

О

- Околичани Йозеф (Okolicsányi József) – 79
Орсаг Михай (Ország Mihály) – 42
Орци Йозеф (Orczy József) – 46, 146
Орци Лёринц (Orczy.Lőrinc) – 25, 80, 96, 139
Освальд Жигмонд (Oszvald Zsigmond) – 86, 122, 149

П

- Палашти Мартон (Palásty Márton) – 44
Палфи Липот (Pálffy Lipót) – 48, 98, 121, 148
Палфи Миклош (Pálffy Miklós) – 94
Пастори Шандор (Pásztory Sándor) – 43, 76, 121
Петер Ласло (Péter László) – 41
Петр I, российский император – 120
Пецели Йозеф (Pézteli József) – 31, 76, 115, 121, 146
Питт Уильям (Pitt, Wiliam) – 67
Плетрич Ласло (Pletrich László) – 50
Подманицки Йозеф (Podmaniczky József) – 23, 66, 101
Потемкин Григорий Александрович – 48, 64
Праи Дёрдь (Pray György) – 128

Р

- Радаи (Ráday) – 44
Радаи Геден (Ráday Gedeon) – 116
Ракоци Ференц II (II. Rákóczi Ferenc) трансильванский князь – 26, 68, 73, 113, 131, 132, 137
Реваи Миклош (Révay Miklós) – 30, 47, 48, 115, 123
Реваи Петер (Révay Péter) – 43
Рошман, фон (von Roshmann) – 56
Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean Jaques) – 85, 100

С

- Сабо Франц (Szabo, Franz) – 37, 92
Сайтц Лео (Szaitz Leó) – 27, 158
Сапари Янош (Szapáry János) – 23, 101
Сачваи Шандор (Szacsvay Sándor) – 29, 120, 131, 134, 162
Секфю Дюла (Szekfü Gyula) – 14, 15, 66, 117, 124, 125, 129
Серб Антал (Szerb Antal) – 141
Сечени Иштван (Széchenyi István) – 103, 104

- Сечени Ференц (Széchenyi Ferenc) – 24, 82, 83, 97, 116
 Сигизмунд I Люксембург, император Священной Римской империи и венгерский король (Sigismund Luxemburg) – 9
 Сильвестр II, папа римский (Silvester II) – 40
 Смит Энтони (Smith, Antony) – 164

Т

- Тамерлан – 119
 Таунсон Роберт (Townson, Robert) – 32, 61, 84, 118, 133
 Тацит (Tacitus) – 134
 Телеки Йожеф (Teleki József) – 72
 Телеки Йожеф (Секский) (Széki Teleki József) – 25, 80
 Телеки Шамуэль (Teleki Sámuel) – 83
 Тешшедик Шамуэль (Tessedik Sámuel) – 97, 102
 Тёрёк Жигмонд (Török Zsigmond) – 121
 Тёкёли Имре (Thököly Imre) – 139
 Тимон Акош (Timon Ákos) – 51, 52
 Толди Ференц (Toldy Ferenc) – 141

У

- Урмени Йожеф (Ürményi József) – 116

Ф

- Фалленбюхль Золтан (Fallenbüchl Zoltán) – 78
 Фекете Янош (Fekete János) – 82
 Фердинанд I, австрийский император и венгерский король (Ferdinand I) – 86
 Фердинанд I, император Священной Римской империи и венгерский король (Ferdinand I) – 55, 80
 Фештетич Дёрдь (Festetics György) – 145
 Фештетич Каетанна (Festetics Kajetanna) – 145, 150
 Фештетич Пал (Festetics Pál) – 144
 Фештетич Пал, вице-президент венгерской Казенной палаты (Festetics Pál) – 78, 144, 145
 Фештетич (Festetics) – 33, 144
 Форгач Антал (Forgách Antal) – 104
 Форгач Миклош (Forgách Miklós) – 16, 21, 22, 23, 24, 25, 33, 47, 57, 63, 65, 66, 70, 74, 75, 79, 80, 81, 82, 85, 98, 99, 101, 122, 160
 Фракнои Вилмош (Fraknói Vilmos) – 20

Франклин Бенджамин (Franklin, Benjamin) – 67

Франц Иосиф I, австрийский император и венгерский король (Franz Josef I) – 51, 86

Франц Стефан I Лотарингский, император Священной Римской империи (Franz Stephan I) – 88

Фрейдзон Владимир Израилевич – 18

Фридрих II, прусский король (Friedrich II) – 74

Фридрих III, император Священной Римской империи (Friedrich III) – 42

Фридрих Вильгельм II, прусский король (Friedrich Wilhelm II) – 49

Фриц Андреас (Fritz Andreas) – 77

Х

Хайноци Йожеф (Hajnóczy József) – 16, 21, 24, 25, 33, 62, 65, 69, 72, 82,
124

Ханак Петер (Hánák Péter) – 104, 138, 165

Харукен Янош Дёрдь (Harruken János György) – 97

Хобсбаум Эрик (Hobsbawm, Eric) – 128

Хорани Элек (Horányi Elek) – 26, 48, 49, 84, 115, 134, 137

Хорват Михай (Horváth Mihály) – 11, 28

Хофман Леопольд Алоиз (Hoffmann, Leopold Alois) – 26, 27, 67, 136, 137,
147, 147, 148

Храбовски Дёрдь (Hrabovszky György) – 159

Ц

Цинцнедорф Карл (Zinzendorf, Karl) – 98

Ч

Чаки Имре (Csáky Imre) – 116

Чаки Мориц (Csáky Moritz) – 65

Ш

Швартнер Мартон (Schwartner Márton) – 115, 124, 131, 132

Шкерлец Миклош (Skerlecz Miklós) – 21, 22, 23, 25, 57, 58, 66, 93, 96, 97,
101, 102, 103, 104, 116

Шлёцер Август Людвиг (Schlözer, August Ludwig) – 23, 27, 29, 30, 46, 65,
68

Шоош Иштван (Soós István) – 50

Шплени Йожеф (Splény József) – 120

Штильфрид Эммануил (Stillfried, Emmanuil) – 145, 150

Э

Экхардт Шандор (Echhardt Sándor) – 15, 30, 114

Экхарт Ференц (Eckhart Ferenc) – 51, 52, 106, 107, 108

Эмбер Дёзё (Ember Győző) – 95, 108

Эндре II, венгерский король (II. Endre) – 55, 73, 154

Эстерхази Ференц (Esterházy Ferenc) – 43

Эстерхази, герцог (Esterházy) – 47

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- с. 5 – *А. фон Марон*. Иосиф II.
- с. 38 – *И.М. Вилль*. Леопольд II принимает делегацию Государственного собрания. 21 августа 1790 г.
- с. 39 – *К.Ф. Самбах*. Вариация на тему знаменитой сцены «*Vitam et sanguinem!*» на Государственном собрании 1741 г. в Пожони.
- с. 40 – Ваза с изображением «короля в шляпе».
- с. 54 – *А. Тишлер*. Ференц Балашша.
- с. 72 – *М. ван Мейтенс*. Мария Терезия.
- с. 90 – Миклош Шкерлец.
- с. 91 – Панорама города Шопрон в XVIII в.
- с. 110 – Иллюстрация к роману А. Дугонича «Этелка». 1788 г.
- с. 111 – *Ш. Цеттер*. Ференц Сечени.
- с. 112 – Дёрдь Бешенеи.
- с. 128 – Йозеф Гвадани.
- с. 141 – Пал Фештетич в парадном национальном костюме.
- с. 152 – Декрет о веротерпимости. 1781 г.
- с. 153 – Аллегория декрета о веротерпимости.
- с. 163 – Дворянин и крестьянин. Иллюстрация из книги Р. Таунсона «Путешествия по Венгрии». 1797 г.

RESUME

Olga Khavanova.

**Nation, homeland, patriotism
in late eighteenth-century Hungarian political culture:
the movement of 1790**

The book is devoted to Hungarian political culture of the late eighteenth century with special attention paid to the development of the patriotic paradigm and the birth of modern national identity. The historical context for the analysis is the last years of the reign of Joseph II (1780–1790) and the emergence of the anti-absolutist opposition of the Hungarian estates. The period in question contains the main features and contradictions of the age when the estates' values were still alive but were gradually turning into issues of modern nationalism.

The book consists of four chapters each dealing with one of the main spheres where Hungarian national identity evolved: legal, economic, ethno-cultural and confessional.

Chapter One is devoted to the mediaeval roots of political and legal symbols, concepts and institutions. It discusses such issues of the patriotic discourse of the age as the theory of the Holy Hungarian Crown, the assertion of the nobility's rights and privileges as a core of pre-modern estate nationalism and the correlation between loyalty to the supreme ruler and the cult of freedom. It shows how the political culture developed by the Hungarian feudal elite dominated patriotic and nationalist discourse in the late eighteenth century and influenced non-noble social strata which were being gradually involved into active politics and thus evolving into modernity.

Chapter Two analyses how the economy and economic activity turned into elements of national consciousness. The two main problems in focus are the theory of Hungary's «colonial dependence» upon Austria, which first emerged in the late eighteenth century, and the phenomenon of describing different forms of economic activity as patriotic.

Chapter Three presents some ethno-cultural components of national consciousness, such as language, historic past and national costume. These issues

were first raised by the men of letters and only became topics of acute political discussions in the wake of Joseph II's reforms, which were aimed at political and cultural integration of the lands and provinces of the Habsburg Monarchy. This was the movement of 1790, when speaking the Hungarian language, glorifying Hungarian history and wearing the national costume became manifestations of the national spirit.

Chapter Four is devoted to the confessional aspects of national consciousness. It demonstrates why religion could not become an element of national consciousness in a predominantly Catholic country with a politically active Protestant minority, especially in the Age of Reason and at a time when the political elite should unite in the face of absolutism.

The analysis of the concepts of nation, homeland and patriotism leads to the conclusion that patriotism was the key notion at the early stages of the development of national consciousness. It combined elitist features of «feudal nationalism» with an implicit potential of turning into an ideology attractive to all Hungarian social strata. The study of Hungarian political culture of the eighteenth century sheds light on the political and cultural processes of the nineteenth and the early twentieth centuries.

CONTENTS

Acknowledgements	3
Introduction	5
Chapter I	
Legal aspects of political culture	39
1. «The Holy Crown»	40
2. «The Holy Freedom»	54
3. The King and the Hungarian nation	72
Chapter II	
Economic policy of the Habsburgs and the formation of national consciousness	91
Chapter III	
Ethno-cultural components of national consciousness	111
1. Language	112
2. The «glorious past» and national identity	128
3. National costume	141
Chapter IV	
Religion and patriotic convictions	153
Conclusion	164
Appendix	166
Bibliography	167
Index	179
List of illustrations	187
Resume	188

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	5
Глава I	
Государственно-правовые аспекты политической культуры	39
1. «Святая корона»	40
2. «Святая Свобода»	54
3. Король и венгерская нация	72
Глава II	
Экономическая политика Габсбургов и формирование национального самосознания	91
Глава III	
Этнокультурные составляющие национального самосознания	111
1. Язык	112
2. «Славное прошлое» и национальная идентичность	128
3. Национальный костюм	141
Глава IV	
Религия и патриотические убеждения	153
Заключение	164
Приложение	166
Библиография	167
Указатель имен	179
Список иллюстраций	187
Resume	188

Хаванова Ольга Владимировна

**Нация, отечество, патриотизм
в венгерской политической культуре:
движение 1790 года**

Монография
М., 2000. 191 с.

На обложке:

Офицер венгерской лейб-гвардии. 1790 г.
Раскрашенный офорт

Книга подготовлена к печати
в редакционно-издательском отделе Института славяноведения РАН
Оригинал-макет, обложка *М.И. Ленъшиной*

ЛР ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 22.08.2000 г. Печ. л. 12,0 Заказ № 64 Цена договорная
Типография ИПТК «Логос» ВОС 129164 Москва, Маломосковская, 8

